

И. Калинин

В СТРАНЕ БРАТУШЕК

И. Калинин
В СТРАНЕ БРАТУШЕК

И. Калинин

В СТРАНЕ БРАТУШЕК

Краснодар
Традиция
2012

УДК 94(470) «1918–1921»

ББК 63.3(2)612

К 17

Ответственный за выпуск – директор Краснодарской краевой
универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина

ГОНЧАРОВА

Виктория Валерьевна

Калинин, Иван Михайлович.

К 17 В стране братушек / И. М. Калинин. – Краснодар:

Традиция, 2012. – 320 с.

ISBN 978-5-91883-071-0

Переиздание книги осуществлено с возможно макси-
мальным сохранением авторской орфографии и пунктуации.

УДК 94(470) «1918–1921»

ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-91883-071-0

© Издательство «Традиция», 2012

О ВОСПОМИНАНИЯХ И. КАЛИНИНА «В СТРАНЕ БРАТУШЕК»

Так случилось, что предисловие к книге Ивана Калинина я начал писать летом 2012 года будучи в болгарском городе Варна, в которой эмигрантская судьба забросила ее автора. Прогуливаясь по солнечным улицам этого типичного черноморского портового города, кстати, очень похожего на наш Новороссийск, было интересно сравнить впечатления нашего соотечественника о «стране братушек» начала XX века с собственными, начала века нынешнего.

Меня давно интересовала парадоксальность новейших отношений между нашими братскими, как было принято говорить во времена СССР и социалистической Болгарии, странами, действительно связанными многовековыми культурными, религиозными и этническими узами. Однако при том что Россия освободила своих болгарских братьев-славян от пятисотлетнего османского ига, в годы Первой и Второй мировых войн Болгария была по другую от нас сторону линии фронта, да и сейчас она состоит в ином военно-политическом союзе.

Книга Калинина многое проясняет в этом кажущемся историческом противоречии. Достаточно одной красноречивой цитаты, чтобы понять, как запутали болгарский народ собственные политики начала 20-х годов прошлого века: «А у хозяев страны, славных, добродушных братушек, продолжалась политическая свистопляска. Бесконечные конгрессы, сборы, манифестации и демонстрации... Газетная руготня, резолюции митингов, заборное словоблудие, свист дубин, свалки, побоища, поножовщина...» К этому следует добавить значительное влияние германофильски настроенной политической элиты Болгарии, после объявления войны России в 1914 году с легкостью переименовавшей храм Св. Александра Невского в храм Св. Кирилла и Мефодия.

Но в главном впечатление от Болгарии начала прошлого века, сложившееся у И. Калинина, и века нынешнего, оставшееся у меня, полностью совпало – отношение простых болгар к русским «братушкам» здесь традиционно дружеское и теплое. Особенно важно было почувствовать это почти тридцати тысячам наших соотечественников, по различным причинам оказавшихся в Болгарии в начале 1920-х годов. Среди них оказались и бывшие русские военнопленные периода мировой войны 1914–1918 гг., и эмигранты «первой волны»,

покинувшие Россию после поражения Деникина весной 1920 г. Большую часть из них, почти 18 тысяч, составляли остатки Русской армии Врангеля и беженцы, вместе с которыми в ноябре 1920-го оставил Крым автор воспоминаний, которые вам предстоит прочесть.

Книга «В стране братушек» хронологически и тематически завершает переиздание издательством «Традиция» трилогии мемуаров И. Калинина. Первой после семидесяти пяти лет забвения в 2010 г. была выпущена «Русская Вандея», затем, в 2012-м, вновь увидели свет воспоминания «Под знаменем Врангеля. Заметки военного прокурора».

Следует отметить, что при жизни автора книги издавались в обратной последовательности. В 1923 г. в Москве были выпущены воспоминания о самом «свежем» – завершающем периоде эмиграции автора «В стране братушек». Книга «Под знаменем Врангеля», повествующая о крымской эпопее белой армии весны–лета 1920-го и начале её «исхода» в Турцию и Грецию, увидела свет в Ленинграде в 1925 г. И лишь годом позже, в 1926-м, в Москве и Ленинграде появилась «Русская Вандея» – захватывающий рассказ современника о трагической судьбе донского и кубанского казачества в годы Гражданской войны, начиная с революции 1917 года.

Так кто же он такой – Иван Михайлович Калинин? Выпускник престижной Александровской Военно-юридической академии в Санкт-Петербурге, он всю свою жизнь хотел посвятить изучению истории. «До революции моей заветной мечтой было дожидаться конца мировой войны, выйти в отставку и продолжать свои научные исследования под руководством академика А. А. Шахматова», – рассказывает о себе Калинин в «Русской Вандее».¹

Однако судьба распорядилась по-другому. В годы Гражданской войны на рубеже 1919–1920 гг. при оставлении Донской армией Новочеркасска автору пришлось лишиться даже того, что уже было достигнуто им на научной стезе: «Я готов был плакать, расставаясь со своей библиотекой. Приходилось бросать оттиски своих небольших научных работ, отпечатанных ещё до революции; журналы со своими статьями; рукописи, вполне подготовленные к печати; этнографические материалы, собранные перед войной, во время

¹ Здесь и далее биографические сведения об И. М. Калинине приводятся по предисловию автора к «Русской Вандее». Краснодар: Традиция, 2010. С. 5–13.

командирования меня Академией Наук на север, и еще не обработанные; альбомы со снимками, разные коллекции, письма некоторых видных ученых – словом, все, что давало содержание моей духовной жизни. Мировая война помешала мне уйти с военной службы и отдаться научной деятельности. Гражданская – погубила те материалы, над которыми я всегда работал с гораздо большей любовью, чем над обвинительными актами». По странности судьбы, как писал позже сам Калинин, только в Советской России он получил возможность осуществить мечту своей жизни.

Еще в 1922 г. Калинин, находясь в эмиграции, оппонировал негативным оценкам советского законодательства в статье «Без предвзятого мнения» в газете «Новая Россия» (София, № 21, 22.12.1922). Вскоре, благодаря сотрудничеству с Красным Крестом, Иван Михайлович, как и тысячи репатриантов, вернулся на Родину.

В 1925 г. при содействии ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых. – А. 3.) он уже посещает Москву для научной работы в архивах. В 1929 г. Калинин публикует в «Известиях Русского Географического Общества» статью «О распространении самоедов в прошлом: Из новых архивных материалов». Это была далеко не первая его статья. Как уже отмечалось, интерес к этнографии сформировался у него еще в дореволюционный, а вернее довоенный период. Так, в 1913 году в журнале «Живая старина» (Санкт-Петербург) была опубликована одна из первых его статей «Чудь и паны: Происхождение и значение этих слов». Печатался он и в «Известиях Архангельского общества изучения русского Севера».

Однако спустя всего полтора десятилетия после возвращения на Родину Иван Михайлович Калинин, ставший к тому времени преподавателем рабочего факультета Ленинградского автомобильного института, был репрессирован. Его арестовали 5 октября 1937 г., а уже 2 ноября 1937 г. он был приговорен Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР по ст. ст. 58-6-8-11 УК РСФСР к высшей мере наказания и 10 ноября 1937 г. расстрелян в г. Ленинграде.

Во времена сталинских репрессий все книги, написанные такими, как Калинин «врагами народа» или упоминавшие о них, изымались из общих библиотечных фондов и передавались в специальные хранилища («спецхраны») или отделы. На протяжении полувека (с конца 1930-х до конца 1980-х гг.) ознакомиться с подобной литературой «антисоветского» содержания, причем только в читальных залах и без права копирования, могли исключительно профессиональные историки и только по специальному разрешению,

предварительно оформив допуск в «компетентных органах». Современному читателю это может показаться досужим вымыслом, но так было.

Абсурдом выглядят сегодня подобные предосторожности по отношению к написанным с явно просоветских позиций воспоминаниям раскаявшегося белоэмигранта Калинина. Книга полна дифирамбов победоносной Красной армии и болгарским коммунистам, а некоторые главы вообще названы в лучших традициях большевистской пропаганды – «Знамя Октябрьской революции», «Крах белогвардейщины», «Под власть труда».

Тем интереснее узнать, как эмиграция, по выражению И. Калинина, «превращала контрреволюционеров в революционеров». Почему в 1922 г. даже английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж говорил на Генуэзской конференции советскому наркому иностранных дел Г. В. Чичерину: «Мы не поддерживаем Врангеля и жалею ту страну, которая примет его армию»? Как молодые «профессионалы войны», привыкшие за шесть с лишним лет Первой мировой и Гражданской войн только убивать, адаптировались в вынужденном изгнании? За что погибли недавние соратники в борьбе с большевиками, ставшие непримиримыми врагами в эмиграции, донской казак А. М. Агеев и снискавший на Кубани славу палача одиозный генерал В. Л. Покровский?

На эти и многие другие вопросы читатели найдут ответы, ознакомившись с увлекательными воспоминаниями И. М. Калинина. А наиболее внимательные обнаружат в них фантастические сюжеты из эмигрантской «суворинской» прессы, которые вскоре нашли свое воплощение в книге М. Булгакова «Роковые яйца»...

*А. А. Зайцев,
доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей отечественной истории
Кубанского государственного университета*

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

И. КАЛИНИН.

В СТРАНЕ БРАТУШЕК

**КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО:
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»**
• 1923 •

Отпечатано в 5-й типо-литогра-
фии «Мосполиграф»,
Мыльников пер., дом 14,
в колич. 5000 экзemp.
Главлит №4173. Москва.

•

I

НА «РЕШИД-ПАШЕ»

– «К вам едет банда дезертиров из моей армии, по преимуществу преступный элемент, большевистски настроенный, опасный для государственного порядка».

Так телеграфировал 16 июля 1921 года генерал барон Врангель из Константинополя болгарскому правительству, не совсем лестно аттестуя своих бывших воинов.

Юпитер, видимо, сердился и, как водится в таких случаях, был неправ.

Не распропагандированная шайка хулиганов или проштрафившихся солдат перешагнула на этот раз проволоку французских лагерей, в которых сохранялась живая сила Врангеля для нового похода на Россию. Ехали в Болгарию с о. Лемноса¹, места водворения казачьих частей, тысяча человек, окончательно разочаровавшихся в спасательной силе белого движения и стосковавшихся по осмысленному труду, возненавидевших и самого Главкома, и свой полуголодный паек, и французов, и свою неизменную стражу – чернокожих сенегальцев. Ехали в страну братушек без разрешения

¹ Небольшой остров в Эгейском море, недалеко от входа в Дарданелльский пролив. Во время мировой войны служил базой для операций союзников на Галлипольском полуострове.

Главкома, без погон и кокард, без знамен и барабанов, без оружия и начальников, словом, не в виде военной организации, а как вольная артель эмигрантов, ищущих честного заработка. Потому-то и окрестил их Врангель бандой, добавив ряд таких эпитетов, которые имели целью вооружить против них болгарское правительство.

Кто же вез этих людей?

Борьба тех немногих политических и общественных групп Юга России, которые не мирились с ярко реакционной политикой главного командования, против – сначала Деникина, а затем Врангеля, после эвакуации белой армией Крыма, перенеслась на Балканы и приняла здесь несколько иную форму. Новороссийское и крымское крушения с очевидностью показали полную несостоятельность всех усилий старой России, сначала олицетворяемой Деникиным, а потом Врангелем, насильственно вернуть назад колесо российской истории к дореволюционным временам. Южно-русская оппозиция, осознав за границей весь вред вооруженной борьбы, обрушилась на существование организованной армии или, как ее деликатно называли французы, «военные беженцы», и стремилась уничтожить ее во что бы то ни стало.

Врангель, бесчисленные политические и «аполитичные» черносотенные организации в роде Красного креста, Союза городов, Земского Союза, оберегали, как заботливые опекуны, своих верных воинов от растлевающей «большевистской» пропаганды, силясь удержать в лагерях возможно больше пушечного мяса.

Распыление контр-революционной армии за границей шло безостановочно, – то естественным путем, самотеком, то под влиянием агитации враждебных Врангелю политических групп, то, как это ни странно,

под давлением французов. Содержание десятков тысяч врангелевских дармоедов тяжелым бременем ложилось на французский бюджет, и Верховный Комиссар Франции на Ближнем Востоке, ген. Пелле, получил приказание всячески содействовать переходу врангелевцев на собственное иждивение.

Легче всего расплылись казаки. От сохи взятые, дети трудового народа, они томились лагерным бездельем, тосковали по своим нивам и умели добывать себе кусок хлеба мозолистыми руками. Живя в изгнании, они понемногу начинали оглядываться назад и с ужасом замечали, что, проходя по России огнем и мечом, они работали только на помещиков и капиталистов. После безрассудного опьянения мысли начинали проясняться. Отрезвление мучительно резануло казачье сердце.

– Воевать больше нечего. Не удержались на голове, не удержимся и на хвосте! – таков был приговор большинства казаков, лагерных сидельцев.

И уезжали с распогибельного Лемноса куда попало.

Весною 1921 года оппозиционно настроенные казачьи политические и общественные деятели П. Р. Дудаков¹, Л. В. Белашов² и несколько других организовали с помощью Американского Красного Креста в г. Константинополе «Общеказачий Сельско-Хозяйственный Союз». Эта организация имела целью извлекать казаков из-под влияния Врангеля, увозить их из лагерей и расселять в Балканских странах, по преимуществу земледельческих. Казаки, природные пахари, здесь могли с большей легкостью применить свой профессиональный труд.

¹ П. Р. Дудаков – видный партизан Хоперского округа Донской области, потом был тов. председателя Донского Войскового Круга.

² Л. В. Белашов – член Кубанской Рады, потом управлял Отделом Внутренних Дел Кубанского правительства.

Болгария дала союзу свое согласие на прием тысячи человек. Французы, спешившие избавиться от лишних ртов, взялись перевезти эту партию. Однако, когда французский комендант острова Лемноса, ген. Бруссо, приказал русским властям прислать ему тысячу человек, желающих работать в Болгарии, ему подсунули Гундоровский¹ полк во главе с известным донским генералом Гусельщиковым. Эта войсковая часть в июне прибыла в Болгарию, была встречена весьма радушно болгарами и, сохраняя воинскую организацию, приступила к физическому труду, главным образом, на постройках новых шоссе.

Затея Сельско-Хозяйственного Союза лопнула. Вместо того, чтобы отвлечь от Врангеля возможно больше казаков, союз, совершенно неожиданно для себя, помог Главкому закрепить за собой целую часть. С переездом в Болгарию, дававшую казакам заработок, распыление казаков из полка сразу прекратилось.

Ловко надутое Врангелем, правление союза, однако, не успокоилось и снова начало энергично хлопотать перед Болгарским правительством о разрешении ввезти еще тысячу человек. Болгары опять дали согласие; врангелевский начальник лемносского лагеря ген. Абрамов повторил прежний маневр. На этот раз шулерскую проделку обнаружили своевременно. Как только погруженный на Лемносе Платовский полк доехал до Константинополя, его вернули обратно. Ген. Абрамов изловчился передать на пароход приказание, чтобы не сгружаться на берег. Французский комендант, ген. Бруссо, пригрозил пустить ко дну и пароход, и людей. После этого высадка полка состоялась. Вместо организованного

¹ Этот полк получил название станицы Гундоровской Донецкого окр., его считали наиболее боевым в Донской армии.

полка на пароход погрузили партию в тысячу человек, навербованную по предварительной записи. Измучившись на безжизненном острове и утратив веру в армию, записывались все – и офицеры, и врачи, и чиновники, и женщины, и казаки, как числившиеся «военными беженцами», так и «гражданскими»². Всем хотелось поскорее покинуть неприветливый гористый остров, так противный казакам, детям степной равнины.

– Белые рабы! – злобно шипели по адресу самовольно уезжавших агенты начальства.

– Не белыми рабами хотели мы сделать вас в Болгарии, а свободными гражданами, – объяснил партии представитель союза Л. В. Белашов. Наша цель – избавить вас от того морального гнета, в котором вы находитесь здесь на острове; избавить вас от главенства над вами тех лиц, которые хотят до бесконечности играть в солдатики. Если кто-либо из вас, по приезде в Болгарию, устроится самостоятельно, помимо союза, то мы только будем рады, так как тогда наша цель будет достигнута.

Отправка этой-то партии, вопреки задуманному в то время Врангелем плану «расселения русской армии на Балканах», и вызвала столь сильное неудовольствие у Главкома, что он не постеснялся унизить свое баронское достоинство гнусной клеветой, называя уехавших в телеграмме Болгарскому правительству преступным элементом.

Плавно покачиваясь, скользит по Дарданеллам громадный океанский пароход «Решид-Паша», увозя с Лемноса беженцев в страну братушек. В истории

² Военные беженцы входили в состав «армии» и, помимо французского пайка, получали небольшое денежное пособие от Врангеля; гражданские получали только паек, зато были избавлены от всяких обязанностей военной службы.

балканской эмиграции он уже стяжал себе большую известность.

- «Кровавый перевозчик» - окрестила его белогвардейская пресса за то, что он в январе и марте отвозил партии казаков в Советскую Россию «на кровавую расправу», как гласили врангелевские информаторы.

- «Решид» все решит» - вырывалась иногда поговорка казачьего языка, когда кто-нибудь начинал гадать о грядущей судьбе кадров врангелевской армии.

- «Решит» - Судьба» - говорили смелые, не верившие белогвардейским басням, садясь на этот пароход для путешествия к родным очагам.

Теперь этот бывший немецкий пароход, с турецкой командой, отвозил в болгарскую землю с греческого острова, арендованного английским правительством, русских беженцев, находившихся под французским покровительством.

Пестрая толпа - эти беженцы, запрудившие пароход. Представители армий всей Европы могут отыскать среди нее предметы своего обмундирования. Преобладают темно-зеленые английские френчи, брюки, шинели. Порою из-под легкого французского балахона небесного цвета выглядывает красный донской лампас; голова иного новоявленного англичанина покрыта самой настоящей кубанкой. Терцы, эта помесь русского племени с сынами Кавказа, своей гибкой, поджарой фигурой, худощавым продолговатым лицом, своей размашистой горской походкой, резко выделяются среди коренастых усатых кубанцев и стройных, но некрасивых донцов, с лихо надетыми набекрень шапками, из-под которых выбивается наружу русый или рыжий вихор. Порою среди бритых лиц мелькнет окладистая, благообразная, точно с иконы снятая, борода донца-старовера. Много и глубоких стариков, бог весть зачем

выхваченных бурею революции из родной глуши. Не мало и женщин.

У всех порядочный багаж, по большей части в простых холщовых мешках. Американский Красный Крест достаточно снабдил бельем, вязаными фуфайками, пижамами, а счастливых даже и ботинками. Это учреждение – единственное, которое беженцы всегда будут вспоминать с искренней благодарностью.

Сколь пестра эта партия по одежде, столь же разнообразна она по прежнему служебному положению. Рядом со священником – генерал, рядом с простым малограмотным – «козуней»¹ – офицер с высшим образованием. Ехало до двадцати юристов. Некоторые из них еще не так давно на острове производили суд и расправу. Теперь Врангель аттестовал их самих как преступный элемент.

Большую часть среднего трюма занял кубанский лазарет, в полном составе, со старшим врачом во главе. Демобилизовался.

Вот команда техников с «фабрики воды» – так звали на безводном Лемносе опреснитель морской воды. Их отъезд поставил в тяжелое положение лемносских пленников.

Особенно много всякого рода ремесленников, обслуживавших мастерские Земского Союза. Эти спокойно смотрят на будущее: ремесло у них в руках, а значит, и верный кусок хлеба.

Но что удивительнее всего – весь этот пестрый, нескладный мир, набранный с бору по сосенке, быстро самоорганизовался. «Гарнизовался» – говорят казаки. Разнузданная, распоясавшаяся за годы войны публика здесь, на свободе, сама избрала, без спору и криков,

¹ «Козя» и «козуня» – шуточное название казаков.

десятников и старших. Эти последние составляют списки, сидя на мешках, или бегают, хлопоча о получении от французов хлеба, или раздают американские подарки, выданные на дорогу добрым, незабвенным Мак-Нэбом. Этот Мак-Нэб, – на казачьем языке – Мак-Небо, представитель Американского Красного Креста на Лемносе, почти обожествлялся изгнанниками.

– Будь тут наши полковые и сотенные командиры, – порой слышался разговор, – сколько бы у нас было шуму, мату, ералашу всякого. Галдят они, галдят, – только с пути сбивают.

– Правильно! Разве такая тишь была у нас, когда мы ехали! – подтверждает платовец. При ссаживании его однополчан с «Решиды» он забился в угольную яму и теперь снова ехал в Болгарию, но уже в качестве вольного эмигранта.

Где нужно, русское простонародье, особенно казаки, умеют «гарнизоваться».

В огромных трюмах всем хватает места, и нет, обычной при массовых перевозках, тесноты. Можно сидеть, можно и вытянуться. Кое-где играют в карты. Любители разбирают надписи на стенках, запечатленные русской рукой.

– Тут ехали товарищи с химической фабрики Врангеля и К° в Галлиполи, после того, как были перекрашены из белого в красный цвет.

– Из проклятой Кутепии еду в неведомую Совдепию и не сомневаюсь, что там лучше.

Это мысли тех, которых «Кровавый перевозчик» отвозил зимою на «кровавую расправу».

Но в трюмах жарко. День ослепительно-яркий. На палубе, где продувает ветерок, прохладно, одно удовольствие. К тому же, как не полюбоваться такой панорамой, как знаменитые берега знаменитых Дарданелл.

У борта беседуют двое. Оба уже немолодые, умудренные житейским опытом, донцы.

– И как начнут мне сниться бугаи, так обязательно дорога. Такие вчера снились здоровые, ядреные... Ложился, не думал ехать. Просыпаюсь – в палатке дым коромыслом, ребята укладываются. Куда? Надумали в Болгарию, у французского коменданта сбегали записались. Меня здесь бросите на съеденье осьминогам?¹ Записали, а то как же... своего-то хуторца², славного хутора Разметного, станицы Зотовской...

– Что же сотенный сказал, когда прощались, дуже ругался?

– Что сотенный? Прощайте, говорит, ребята; ежели хорошо будет у болгар, беспременно пишите. Хоть на лодке, а драпану³ с Ломоноса...

– Всем, видно, опротивел этот Ломонос. Приехали туда без радости и уехали без печали.

На толстых канатах, сваленных в кучу, весельчаки высмеивают француза. Для охраны беженцев от всяких сюрпризов со стороны Врангеля, а также для наблюдения за порядком, ген. Бруссо назначил человек пять солдат при сержанте.

– Ну, и колпак на тебе, мусью, можно сказать, настоящий поварской! – издевается молодой казачонок над краснорожим сыном Франции. Мусью уже успел хватить немного du vin и от внутренней жары обливается потом.

– Qu'est que се колпак? – гнусавит он.

¹ Греческое население о. Лемноса занимается ловлей рыбы и осьминогов, которых казаки, купаясь в море, очень боялись.

² Хуторцами называются казаки одного и того же хутора.

³ Драпать – бегать, убегать; термин, выработанный за время гражданской войны в стане белых.

– Как же ты, братец, не понимаешь, а еще француз, победитель мира... Вот колпак... – объясняет казачок, снимая свою шапку и тыча ее в нос французцу. Теперь понял?..

– Oui, oui le casquette...

– То-то... – какой же ты, мусью, дурак!

– Qu'est que se дурак?

– Дурак – кто говорит так.

Француз хоть мало понимает, но заливается смехом, видя, что и казаки смеются.

– Карпо! да ты спроси его, какой он станицы... Эй, мусью, слышишь?

Куда девалась казачья злоба на своих вчерашних тюремщиков, с которыми в Чаталдже даже устроили бой¹. Дети – злопамятнее.

– Петька! давай играть в фьянцюза! – журчит, как ручеек, бойкая шалунья. Петька, ее брат, пятилетний бутуз, не расположен к легкомысленным занятиям; он занят серьезным делом – сосет палец.

– Я не умею! – исподлобья бубнит он.

– Ты беги, беги, а я тебя буду бить и кричать: Allez, allez! Шалунья от слов переходит к делу, к великому ужасу бутуза, который поднимает вой.

Из детских голов никогда не изглядятся те обычные любезности, которые рассыпали галантные французы по адресу русским беженцам. Чуть что, взмах

¹ В январе французы приказали Донскому корпусу, сначала расположенному в Чаталджинских лагерях (в 45–50 килом. от Константинополя), отправиться на Лемнос, но казаки воспротивились. Французские власти вызвали в Чаталджу подкрепления и сделали попытку ночью окружить один из лагерей, но наткнулись на сопротивление. В происшедшем ночном бою французы потерпели поражение и отступили, унося раненых. Позже казаки под влиянием начальства добровольно переехали на Лемнос.

прикладом или стеклом. И вечное «allez, allez!», которое означало: «проваливай». Союзническое обращение.

По пароходу снует, от одной группы к другой, зоркий, пронырливый человек с прыщавым лицом. Его многие знают. Это горе-артист Долинин, знаменитый не сценическими дарованиями, которыми он, к слову сказать, и не обладал, а своими мошенническими проделками. На острове он примостился было к лагерному театру, но турманом вылетел оттуда. Его изобличили в том, что, вызвавшись разносить билеты влиятельным грекам, требовал за них деньги и даже ругался, когда давали мало. Другой раз, на Пасхе, обманом завел в одно зажиточное греческое семейство начальника лагеря ген. Абрамова со свитой, сославшись на то, что через него послано им приглашение. Околпаченные генералы, ожидавшие почета и угощения, в течение получаса испытывали положение непрошенных гостей. За такую аферу его разжаловали из офицеров в рядовые и отправили на некоторое время в необычайно прохладное помещение, охраняемое часовым. – Теперь, с переменой места, в голове изобретательного артиста родились тысячи планов.

– Нет, уж ты, брат, меня оставь в покое! – отмахивался от него молодой гитарист, терец, держа в руках свой инструмент. Знаю я, какие ты будешь задавать концерты в Болгарии, все больше заливать за галстук».

Долинин не обидчив. Он молча исчезает с глаз, точно проваливается, как Мефистофель, в преисподнюю.

– Ишь ты, жук этакий! – говорит: у него в Варне² двоюродный брат, который вывез из Одессы его пианино. Концерт хочет устроить там казачий... Предлагает сейчас же начать складчину, на предварительные

² Варна – порт в Болгарии на берегу Черного моря.

расходы. А дай ему, подлецу, два пиастра, – сейчас же обменяет у турка на коньяк. Такие лапчатые гуси в Болгарии будут только дискредитировать нас.

Однако брошенное Долининым семя приносит свой плод.

Кое-кто из молодежи серьезно начинает подумывать о том, не организовать ли в Болгарии ходячий оркестр. Кое-где составляются кружки. Говорят о музыке, о песнях. Скоро и запевают. Первый дебют – горластого донца. Усевшись на канаты вместо мусью, скрывшегося в каюту обдумывать, что значит «дурак», донец затягивает нудную, нелепую, однообразную, как степь, длинную, точно измеряемую верстами, старую донскую песню.

– Нет, ты, Абакумов, забудь это дело! Не наводи тоски, и без того тошно... Дай я спою.

Молодой гитарист, сказав это, выплывает на сцену. Его сразу окружает толпа, полная доверия к симпатичному юноше. На него смотрят терпеливо, без реплик и понуканий, пока он с пресерьезным видом настраивает гитару. Вдруг дрогнули струны, глухо пронеслись над гладью Дарданелл первые звуки, и мелодичный тенорок затянул:

Я видел в жизни много слез,
Лишений много перенес
И, чтоб сбавлять излишний жир,
Попал в проклятый Чилингир¹.
И тут на деле я узнал,
Что брюхо всем нам генерал.
Так и надо, так и надо нам, воронам...
Да нам, воронам, да нам, воронам...
Чтоб не шататься, не слоняться за бароном.
Да, за бароном, господа!

¹ Чилингир – турецкое селение в районе Чаталджи, к северу от Константинополя. В этом селении в овечьих сараях и срубках для разведения шелковичного червя ютилось зимою 1920–1921 гг. до 15 000 донских казаков.

При последних словах взрыв хохота огласил палубу. Из трюмов тихо выползали все новые и новые фигуры слушать забавную песню.

Гитарист, не моргнув глазом, как привычный артист, продолжал:

Чтоб умереть никто не мог,
Дают французы нам паек
Для варки разных вкусных блюд,
Но интенданты все крадут.
И только магговый бульон
Я с горя кушать принужден.
Так и надо, так и надо нам, болванам,
Да нам, болванам, да нам, болванам,
Чтоб не шататься, не слоняться по Балканам,
Да, по Балканам, господа.

Еще не успели замереть последние звуки куплета и смениться раскатистым смехом, как с левого борта из чьей-то души вырвался испуганный возглас:

– Да это ведь Галлиполи... Голое поле...

Сноп смеха застрял в глотках. Рука гитариста, точно скованная незримой силой, безжизненно опустилась на канаты.

Песня осталась неоконченной...

Пароход, действительно, продвигался мимо Галлиполи, небольшого азиатского городка на европейском берегу Дарданелл. Берега пролива здесь сближаются более, чем в других местах. Оттого здесь уже в глубокой древности существовал перевоз с одного материка на другой. В середине XIV века турецкий султан Мурад здесь впервые поставил свою ногу в Европе. Теперь в Галлиполи хозяйничал новый деспот, врангелевский генерал Кутепов, вождь добровольцев. Расстрелами инакомыслящих он поддерживал в сердцах «галлипольских орлов» пламень любви к родине, т.е. злобу к советской власти и жажду мщения.

Чувствуя себя самодержавным владыкой над двадцатью тысячами добровольцев, большей частью или выбитых из колеи жизни юношей или старых, беспомощных ворчунов, грозный белый вождь не особенно церемонился и с греками. Даже французы, покровители, поильцы и кормильцы армии Врангеля, – и те стеснялись чересчур распоясываться в «Кутепии».

На казаков эта покрытая мрачной славой «Кутепия» наводила ужас. Вздох облегчения вырвался из многих грудей, когда «Решид-Паша», гордо пройдя мимо города, направился дальше по проливу, навстречу фиолетовым водам Мраморного моря.

На другой день, рано утром, пароход остановился на рейде Константинополя, между Стамбулом и Скутари. Здесь народонаселение «Решид-Паши» увеличилось еще на двести человек из азиатских беженских лагерей, тоже по большей части казаков, но пожилых и семейных, давно уже покинувших армию.

– Бальчой пажар! Бальчой пажар (большой базар)! – неистово выкрикивали турки-торговцы. Как мухи сахар, облепили они со всех сторон пароход на своих тяжелых лодках, своих плавучих магазинах. Мигом завязалась международная торговля. Дары Америки – чулки, фуфайки, пижамы – выменивались у турок на белый хлеб, халву и другие сласти.

– А вот эту не хочешь купить? – шутит гитарист, наклоня книзу через борт голову рябой, некрасивой казачки, давно уже поблекшей, не столько от годов, сколько от грубости мужа, от невзгод походной жизни, от смертной тоски по родине.

Турок, поднимая вверх свое пергаментное лицо и выпячивая загорелую обнаженную грудь, пренебрежительно машет головой.

– Беш грюш... беш грюш... (пять пиастров).

– Мало, мало... А впрочем, – добавил гитарист, отходя от борта, – ну и женщины же едут с нами... Прости господи, не женщины, а барахло.

– Еще Ермак Тимофеевич не приказывал их брать в поход. Бывало, в эту войну, как понаедет бабья на фронт, беспременно красные в наступление, а мы драть. Такая ихняя порода! – резонерствует тот, которому всегда перед дорогой снятся бугаи.

Бабы глазют на Скутари. Шлют последний привет лагерям.

– Говорила я Перфильичу, – ропщет молоденькая, вертлявая станичница соседке, – и нашто плутать в какую-то Булгарию... Разве в Селимье¹ плохо... Нет же, говорит, – надо ехать, все равно когда-нибудь разгонят лагеря, да и без работы с тоски сгинешь.

– А будут ли болгары давать шакалад и ситец?

– Как же, будут, держи карман шире! – вмешивается в разговор здоровый детина мрачного вида. Всего там для вас припасли, даже птичьего молока и березовой каши. Дурехи вы, станичницы, как я на вас погляжу. Работать в Болгарии придется, а не орехи щелкать.

– Правильно! – режет пожилой «отец»², тоже севший на пароход в Константинополе. – В Салимьях они только халву лопали да финики, да американские подарки делили... Что, нет? Ишь ты, остроглазая... Сколько у тебя всякого барахла в мешках? Вагоны... А инвалидам некому было белье постирать. Да и из-под себя, прости господи, не хотели убирать навоза. Барыни! Забыли, как бывало дома мужья нагайкой потчевали...

¹ Селимье – лагерь для беженцев в Скутари, на азиатском берегу Босфора.

² Обычные названия у донских казаков пожилого человека. Со всем старых зовут «дидок».

Избаловали вас лагеря да цареградские сласти, финики разные... Горек покажется вам болгарский перец. На работы туда едем, а не лясы точить... Будет объедать французов. Привезут в эту самую болгарскую Варну, высадят на берег и пожалуйте бриться. Промышляйте кто во что горазд... Не угодно ли на собственное иждивение...

– Ой, так зачем же мы снялись-то... Сидеть бы уж в Скутарях, пока держат...

– Пустое! – убежденно успокаивает испуганных станичник почтенный, длиннобородый «дидок», по всей видимости старообрядец. И паек будет, и подарки будут, и все будет. Француз не нашей веры, католицкой, и тот паек давал, хлеб, сахар, консервы... Какая у американцев вера, – сам бог не знает, а все же, смотри-ка, как нас ублажали, чего только не навозили. Неужто булгары, наши же православные, братья по вере и по крови, хуже тех, нехристей? Что такое Булгария – наша губерния!

– Эй, дидок, дидок! Какой же ты кум королю выискался! – не сдержался, чтобы не почесать языка тот, которому бугаи снятся. Стар ты и борода до палубы, а этого в толк не возьмешь: кто же нас вечно кормить будет? Особливо, если кто к труду годен. Тебя, пожалуй, по старости лет могут кормить и до смерти, а не тех, кто кулаком вола свалит... Чего ты, право, драпаешь из Скутарей?

– Пять сынов у меня было, люди добрые... Два младших согрешили, у красных служат. Старшего бог прибрал еще в ту войну, один скончал дни свои на Ломоносе, а Василий в мае уехал на Тимилену¹ маслины

¹ Остров Митилена или Лесбос в Эгейском море, недалеко от Лемноса.

собирать, обещал письмо написать оттуда. Где эта Тимилена – слыхом не слыхал, а письма от парня нету. Стали хуторцы в Булгарию у Дудака² записываться, – неужто мне, старому, оставаться! Все хоть со своими буду.

Деда перебивают бабьи крики:

– Ай, Яшка приехал... Яшка...

Почти все бывшие обитательницы лагеря Селимье бросаются к борту. Пароход дает заметный крен.

– Яша... Яков Васильевич... И что ж вы с нами не едете! – вопили бабы, свешиваясь вниз и приветствуя лагерную знаменитость.

– Ишь, длинноволосый дивизион, накинулись! Пароход не выдержал – скособочился.

– Дидок, кто этот Яшка? Начальник лагеря, что ли?

– Яшка? – отвечает бородатый фаталист, убежденный, что русскому беженцу везде уготован стол и дом. Вот, что этот турок-матрос, то и наш Яшка! Льнулы к нему бабы, страсть!

Да что баба – она, как коза; куда ее халвой поминашь, туда она и идет. Как ведьмы подле чорта кружились они подле Яшки... Ишь ведь как впились в него глазищами. А парень-то чем взял? И обличья-то как следует нет. Космы только разве вихрастые да на гармонике разные польки наигрывает... Вот какой Яшка... Бабий главнокомандующий.

В другом месте, где группируется интеллигенция, иной разговор, хотя вертится около того же предмета, который невольно занимает всех, – о будущей жизни в Болгарии.

– Чем думаете промышлять в Болгарии, господин полковник?

² Дудаков – председатель Общеказ. Сельско-Хоз. Союза.

- Полковники остались на Лемносе, здесь только военные граждане. Примут, займусь учительством. Не выгорит дело – за кирку и лопату.

- Поминай, значит, коровушка, весенние дни!

- Забыть эти весенние дни надо. Пора перестать каждую весну лить русскую кровь... Пора одуматься. Привыкнем за границей работать, дома легче будет... Попадем же когда-нибудь домой.

- Воевать, значит, по боку?

- Пусть в Галлиполи и на Лемносе кричат: «Война до победы, грабеж до конца». А я слуга покорный. Буду работать, сидеть и не рыпаться.

Наконец, после трехдневной стоянки в Константинополе, пароход снимается и направляется по Босфору. Все население парохода, до последнего человека, высыпает на палубу любоваться изумительно красивыми берегами. Дворцы, сады, мечети, карточные домики над самой водой, развалины стен и башен – чарующая панорама Босфора.

- А это, гляди, братва, «Лукулл», – яхта Врангеля! – указывают те, кто сел в Константинополе, на небольшой, но изящный пароходик. Когда-то он служил для увеселительных прогулок русского посла в Царьграде, теперь на нем жил глава южнорусской контрреволюции. Через несколько месяцев воды Босфора погребли его навеки, но сейчас на нем кипела жизнь. Группа морских офицеров в белоснежных кителях рассматривает черную громаду «Решид-Паши».

И странная вещь! Люди бежали, из-за проволоки лагерей, где Врангель готов был держать их до бесконечности, наотрез отказывались от новых авантур, о которых только мечтал крымский неудачник, и тем не менее, когда пароходы поровнялись, сотни шапок приветливо замелькали в воздухе.

– Ты много горя причинил нам! Даже на чужбине хочешь обратить нас в пушечное мясо, держать за проволокой до новой бойни. Но мы все тебе прощаем, бедный честолюбец! – как бы хотели сказать казаки, отдавая последний раз честь своему бывшему вождю.

А на «Лукулле» в это время составлялась телеграмма болгарскому правительству, в которой мстительный барон позорил своих бывших воинов, чтобы натравить на них братушек.

II

У ПОРОГА БОЛГАРИИ

Приближался конец долгого пути.

Все, тысяча с лишним человек, в сущности ехали в неведомую даль, многие без гроша денег и почти все без веры в жизнеспособность и будущую помощь Союза, который организовал перевозку. Выехали бы с чортом-дьяволом, с кем угодно, лишь бы подальше от кровавой застывшей лавы лемносских скал, от черных, эфиопских физиономий своих телохранителей и от тошнотворного дыхания Левиафана, именующего себя Зарубежная Русь, Россия № 2, Святая, Великая, Единая, Неделимая.

Дни и ночи, в праздники и будни, досужие люди – штабные информаторы трубили им иерихонской трубой о том, что там, вдали, за зеркальной гладью Черного моря, только труп России, душа же ее здесь, в эмиграции, где «соль земли русской», цвет нации, истинные поборники чести и долга перед родиной.

Казак был слишком скромен для того, чтобы столь высоко расценивать себя. Знал он и действительную ценность вождей, хорошо изучив их на чужбине. Однако он еще не дошел до сознания о необходимости примириться с той властью, против которой казачество столько времени воевало.

На родину уехали только смелые; робкие остались при генералах – в армии; золотая середина, а таких людей всегда большинство, разочаровавшись в белых вождях и не смея броситься за Черное море, разбежалась из лагерей на вольную жизнь в странах Ближнего Востока. Для того, чтобы дойти до мысли о возврате к родным берегам, не только как об отчаянном выходе из невыносимого положения, но и как о гражданском долге пред своей страной, середине нужно было пройти через чистилище – горнило суровой трудовой жизни, только тогда вся эта масса, не так давно дышавшая воинственным пылом, могла осознать правду Новой России; только обливаясь потом в ущельях Балкан, могла выковать в себе решимость перейти на честную службу власти Серпа и Молота.

Пароход, между тем, уже оставил в стороне берега Бургаса и приближался к Варне, второму болгарскому порту. Природа побережья, особенно к северу от Варны, восхитительна. Гармоничное сочетание моря, гор и богатейшей растительности. А люди прибавили еще лишние краски к этой роскошной амальгаме, налив там и здесь по скатам гор небольшие, живописные «кьошки» (дачи). Чтобы еще больше заинтриговать пришельцев, побережье в этот теплый день закуталось в прозрачную ткань марева, слегка скрывающую таинственные детали своей красоты.

– Ах, вот бы где пожить! – невольно раздается среди глазееущей толпы.

Пожить там, действительно, пришлось многим. Только не на отдыхе, не для развлечения, а копая виноградники болгарских «чорбаджий»¹, карауля орудия

¹ Чорбаджия – богатый, зажиточный человек, хороший хозяин.

прибрежных батарей, починяя шоссе из города в Евксиноград¹, летнюю резиденцию царя Бориса, обильно поливая потом землю братского народа, как 45 лет тому назад поливали ее кровью их отцы и деды.

По обыкновению, едва пароход, обогнув мол, остановился в гавани, сейчас же подле него заскользили лодки. Казаки, выдавшие уже греков, турок, арабов, негров, индусов, теперь с любопытством рассматривали новый, еще не виданный ими болгарский тип. Попробовали заговорить по-русски – ничего не понимают.

– Что за притча! – недоумевали казаки. – Все нам говорили, что болгарский язык похож на наш, а эти ничего не отвечают... Кое-кто, научившись в Константинополе мараковать по-турецки, заговаривают с лодочниками на этом языке. Отвечают.

– Да вы турки, что ли? Рожи-то у вас телячьи... Те много посурезнее...

– Гогавузи!

Так зовутся обитатели деревень в окрестностях Варны. Ученые доказывают, что они потомки какого-то древнего фракийского народца, впоследствии оболгарившегося. По необъяснимой странности их материнский язык – турецкий. Многие так и умирают, не выучив ни одного болгарского слова.

Если спросить болгарина, кто такие гогавузы, он даст простое объяснение:

– Это наши болгары. Только в турецкое время они продали свой язык, но сохранили свою веру. А вот в Родопе² живут помаки – те продали веру, зато сбе-

¹ Евксиноград – в 7 килом. к северу от Варны, дворец болгарского царя на мысе, вдающемся в Черное море. Начат при первом князе Баттемберге, окончательно отстроен Фердинандом Кобургским.

² Родопы – горный хребет во Фракии, на границе между теперешней Турцией и Болгарией.

регли болгарский язык. Турки предлагали на выбор: или то, или то.

Во время Балканской войны 1912–1913 гг., когда в Болгарии считалось нетактичным говорить на языке неприятеля, солдат-гогавузов отучали от родного языка тем, что штрафовали на 5 стотинок всякого, кто начал турецкую речь.

Интерес, возбужденный странными болгарамилодочниками, быстро проходит при виде новых персонажей.

– Кто же это такой едет? Штабные, полковничьи погоны... На груди Владимир.

К чернеющей громаде «Решид», застывшего на месте, лихо подкатывает легкая беленькая лодочка, видимо, портовая. Кроме матроса, в ней еще пассажир – самый настоящий русский полковник. Точно приехали в старую Россию.

Полковник интересуется, что за русские люди прибыли в Болгарию.

– Вольные рабочие... Казачий Союз нас вывез, на работы. – Лицо приезжего омрачается. Видно, что не понутру ему гости.

– А вы кто будете? – спрашивают и его. – Представитель Союза Городов?

– Боже упаси! – презрительно качает головой полковник.

– Так какой же вы армии?

– Чьи погоны ношу, той армии.

– «Русской», что ли?

– Да, я военный представитель генерала Врангеля в Варне. – Это откровение огорошивает всю публику на пароходе.

– Как? От кого бежали, к тому опять в лапы! Везде он, везде он! Неужели и здесь хозяйничает, как в лагерях.

«Дидок»-старообрядец, верующий, что о русском беженце заботится весь мир, истово крестится двуперстием.

– Вот видите... Слава те, Господи Иисусе Христе... И тут начальство объявилось. Стар я, чтобы лгать; говорил, все будет: и паек, и подарки. Где есть начальство, оно позаботится, снабдит всяким продуктом.

– Эх, дидок! – укоризненно качают головой казаки. – Не с нами бы тебе ехать! Старого ты миру человек.

– А что это, братва, представитель отрекшивается от Городского Союза?

– Видно, Врангель чего-то не поделил с «союзными городскими»¹.

– Не читали разве, еще на острове: американский посол, есть такой, еще со времени Керенского остался, Бахметьевым прозывается, прислал тьму-тьмущую денег разным Союзам: Городскому, Земскому. Вы, – говорит, – выдавайте и Врангелю на его ораву. А тому, знамо дело, досадно... Главнокомандующий... Обиделся... Пошла у них грызня, только шерсть летит. А так, не будь денег, чего им ссориться? Все они белая кость, монархисты. Не чета нашему брату.

У парохода новая лодка. В ней два молодых прилизанных пижона. Хотя и без погон, но никто не ошибется, если признает их за русских офицеров. Оба сладко дышат морским воздухом. С веселым любопытством смотрят на помятых за время дороги земляков.

– Русские?

– Русские. А вы?

¹ Так в мировую войну солдаты звали служащих Всероссийского Союза Городов.

– Корнеты Хап-Граб-Драп² Армии... В отставке с мундиром, но без пенсии.

– Чем же вы занимаетесь?

Веселые ребята в недоумении:

– Как чем? Ничем.

– Кто же вам дает средства на содержание?

– Содержимся сами... И рады бы поступить в содержанки, не берет никакая старуха... Тут народ благочестивый... Распродаем вещи, загоняем, что можем. Красный Крест немного помогает.

– Наворовали, должно быть, в свое время где-нибудь в тылу... Валюты много привезли... – басит голос из-за спин любопытных, затеявших разговор.

С парохода тоже спускают лодку: представитель Сельскохозяйственного Союза и французский сержант собираются на берег. Они привозят нерадостные вести: варненские власти заявили, что у них нет никаких распоряжений о приеме партии.

Проходит день томительного ожидания, другой, третий... Наладившаяся на пароходе жизнь течет своим порядком, с той только разницей, что старорежимный Красный Крест по неизреченной своей милости или из каких-нибудь политических соображений начал доставлять свежие продукты.

Старик-старообрядец ликовал.

– Вот кормят же! И не обезьяньими консервами, а борщом, исконным русским.

Лемносские пленники, столько времени питавшиеся консервами, насладились, наконец, русским борщом из болгарских овощей.

² Шуточное название Добровольческой армии, от слов – хапать, грабить, драпать.

В результате общения с берегом появилась и духовная пища в виде варненской газетки «Поцца» (Почта). Неопытных пришельцев поразил целый букет событий мировой важности. В Индии восстание против англичан. В Соединенных Штатах вспыхнула коммунистическая революция, наплыв льда от Северного полюса заморозил Норвегию, папа римский сложил с себя обет безбрачия. Но что особенно смутило прибывших – объявление Румынией войны Советской России.

– Куда ж мы прибыли? Из огня да в полымя!

И не без удовольствия гадают:

– Что Румыния? Так мразь одна, чепуха! Буденный в три дня пройдет насквозь... Будет подлым цыганам жарко.

Впрочем, прибывшие очень скоро успокоились, узнав, что «Поцца» уже второй год ежедневно объявляет войну Советской России и что вообще болгарские газеты изобилуют сенсационными известиями.

На третий день еще более головокружительная новость, – на этот раз почерпнутая не из «Поцци», а из телеграммы болгарского министерства, окончательно убила настроение беглецов с Лемноса. Министр внутренних Дел на запрос варненского градоначальника сообщал, что правительство отказывается принимать дезорганизованную партию, опасную для правопорядка. Влияние Врангеля сказывалось.

– Неужели назад? – заволновались казаки. – Опять на Лемнос? Нет, тогда лучше голодать на цареградских мостовых или умирать от малярии в Аргентине. Куда угодно, только не в царство Врангеля.

Горю помогли французы. Не из симпатии к изгнанникам, не из сочувствия, а из нежелания снова зачислять на довольствие тысячу человек. Французский консул, информированный прибывшим с Лемноса сержантом,

снесся с послом Франции в Софии, а тот с Верховным Комиссаром ген. Пелле. Последний распорядился чисто по-военному: пристыдил болгарское правительство тем, что оно верит Врангелю, и кстати уведомлял, что для наблюдения за выгрузкой русских беженцев в Варну спешно отправляется французский миноносец. Против такого веского аргумента, как миноносец болгарское правительство ничего не могло возразить и спешно изменило свое первоначальное решение. Французское военное судно все-таки прибыло в Варну. Ген. Пелле, видимо, не любил шутить с побежденными.

Наконец пароход плавно, осторожно приближается к земле. Пристань вся загромождена, но не товарами, а горами ящиков с патронами и снарядами. Болгарские солдаты по форме – почти наши, царского времени, караулят это наследие войны, свезенное в Варну для того, чтобы топить его в море, согласно договора с победителями. Немцы до того обильно снабдили Болгарию изделиями Круппа и других тому подобных благодетелей рода человеческого, что болгары чуть ли и не до настоящего времени продолжают устилать снарядами дно морское.

Народу на пристани весьма мало, но красные донские лампы и фуражки с красными околышами мелькают и тут среди шляп болгарской интеллигенции и бараньих шапок простонародья. Донцы расползлись по всем балканским странам, как тараканы.

Сейчас же находятся знакомые. У парохода с берегом начинаются разговоры.

- Здорово, Кременсков!
- Здорово, Зимовейский!
- Ты откуда?
- Из Царьграда.
- Экое счастье послал господь!

- Ох, от этакого бы счастья подальше. А ты тут в Варне?

- В Варне.

- Чем промышляешь?

- Да вот с хуторцами живем на курорте. Лежим на песке, купаемся в море, а в свободное время кули в порту таскаем.

- Говорят, вам Красный Крест помогает. Кавалеры катались, сказывали.

- Хочешь знать, кто нам действительно помогает? Удар ладонью по загривку разъясняет вопрос.

- А что касательно этого Красного Креста, так это одна лавочка. Присосалось тут человек двадцать - тридцать своей братии, они и делят между собой все, что перепадет от американцев. А наш брат для них большевик. Расстреливать, говорят, вас мало, зачем убежали из армии. Они еще все ждут нового десанта. Им что, живется ничего себе. Иные рестораны открыли, первоклассные. Для тех, которые поскромнее, общежитие держат, в бараках болгарского военного лагеря. Те живут плохо. На днях там два генерала друг друга нагайками исполосовали, чего-то не поладили.

Между тем громада «Решид-Паши» сомкнулась с пристанью. Старшие групп - донской, кубанской, терской, студенческой и т.д. объявляют: с парохода все будут отправлены в карантин, по другую сторону бухты.

Приступили к выгрузке.

- И там нас сторожили, и здесь опять как арестанты! - стиснув зубы, шепчут некоторые, проходя по сходне мимо французских солдат и попадая в кольцо болгарских. Однако последние уже не те страшные эфиопы, у которых разговор короткий: или пуля в голову, или штык в грудь. У этих добродушные,

славянские лица, с этими худо ли, хорошо ли можно объясниться.

Не все в партии оказались голю перекатной: иные, особенно ремесленники, хорошо зарабатывали на Лемносе и теперь имели деньгу. Константинопольские тоже везли лиры. Эти капиталисты уже собирались нанять подводу, чтобы сухим путем вести свой багаж в карантин.

– А това не можа (этого нельзя)! – разочаровал их солдат. – Требва с лодка (надо в лодке).

Лодочники, греки по преимуществу, обрадовавшись случаю, требуют по 20–30 лев¹, между тем как у многих нет никаких денежных знаков, даже деникинских.

– Почему нельзя на подводе? Почему запрещают обходить залив? – волнуются, недоумевают казаки.

Ларчик открывается просто: у жандармского офицера, начальника команды, назначенной сторожить приезжих, родственник владелец большинства лодок. Как же не порадеть родному человеку!

Волей-неволей приходилось грузиться и расплачиваться рубашками, носками, полотенцами. Лодочники все берут, ничем не брезгают, жадными глазами заглядывая в беженские мешки.

Карантин расположен на южном берегу Варненской бухты. Здесь – обрывистые горы, поросшие лесом; морская отмель, удобная для купанья, и пивоваренный завод, а следовательно, все данные для того, чтобы городская публика совершала сюда паломничество в жаркие дни. Однако потомков освободителей Болгарии и в этом живописном уголке ждали не развлечения и уют, а скука и томление в довольно грязном

¹ Лева – денежная единица Болгарии; до войны равнялась франку (37½ коп.).

карантинном дворе. Кругом так знакомая колючая проволока. Внутри – несколько барачков, убежищ на случай дождя.

Все чувствовали, что этот арест в карантине – результат интриг Врангеля. Высадив, под давлением французов, партию, болгары не могли не подчеркнуть своего недоброжелательства.

Казаки не унывают. Как-никак, кругом хотя и не родное, а близкое к родному. Поглядишь на вывеску фабрики – наши буквы; послушаешь грубую, гортанную речь – наши слова, хотя исковерканные. И лица добрее и проще, и ближе русскому сердцу, чем прочие обитатели Балкан.

Болгарская публика, гуляя по побережью, иногда заглядывает за проволоку. Иногда начинает расспросы на русском языке. Точно так же и часовые, точнее сторожа, охотно вступают в беседы с пленными. Один все время искал, нет ли у кого продажной пашки. Только двое молодых людей, одетых с иголки, с красными розочками в петлицах, проходя возле карантина, подсмеивались над пленниками.

– Братушки, нет ли у вас продажной коробки папирос?

– Нету. Вы из врангелевой армии?

– Да.

– Так если бы и имели, не продали бы.

– За что же, братушки, такая немилость?

– Потому что вы врангелевцы, контр-революционеры.

– Да вы-то что за люди будете?

– Мы? Мы – коммунисты.

– У этих коммунистов, – объяснил часовой, – у одного – две мельницы, у другого – два дома. Записались в партию, надеясь, в случае переворота, спасти свое имущество. Застраховались. У нас таких много.

– У вас коммунистов не трогают?

– У нас свободно. Всякий может создавать свою партию. Вы не коммунисты?

– Нет.

– А отчего вас под арестом держат? У нас свои коммунисты живут свободно, а кто приезжает из России, тех, как вас, в карантине держат.

– А много приезжает из России?

– Из Одессы было несколько моторных лодок.

– Ну, и что?

– Подержали, подержали, потом выпустили.

Вздых облегчения вырывается у беженцев. Придет, значит, час и ихнего освобождения.

«Только что же это за страна? – задавали себе вопрос казаки. – И коммунисты на свободе разгуливают, и Врангеля слушаются...»

– Да какое же, братушка, у вас правительство?

Солдат высоко поднял голову, мотнул ею для большей убедительности, прицелкнул по восточному обычаю языком и гордо произнес:

– Земледельческое!

– А ты какой партии?

– Я! Я – земледелец. Всякий, кто пашет землю, должен быть земледельческой партии.

Однако после такого блестящего начала солдат скоро замаялся и толком не мог объяснить, в чем заключается программа земледельческой партии.

– Хубава, хубава (хороша) земледелска партия! И ты, братушка, если имеешь землю, тоже нашей партии, тоже земледелец.

– Это-то все так, – говорили между собой казаки, профессиональные земледельцы. – Хорошо, что тут правит земледельческое правительство, только жаль, что солдат не сказал, нужное для крестьян или вредное

оно проводит на практике. Не во всяком «английском» магазине есть английский товар и не во всякой «швейцарской» молочной – швейцарское молоко. Вывески мало, что внутри? Поживем – увидим.

III

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В самом деле, что такое представляло из себя болгарское правительство, носившее такое многообещающее название? Знакомство с ним вполне объяснит, почему оно так считалось с Врангелем и не хотело принять партию казаков-земледельцев, вывезенных Сельскохозяйственным Союзом, враждебным вождю русской контр-революции.

– Русский человек только тем и хорош, что сам о себе дурного мнения, – говорил тургеневский герой Базаров.

Про болгарина можно сказать:

– Он главным образом нехорош тем, что о всяком своем правительстве дурного мнения.

Нельзя сказать, чтобы болгарину было чуждо чувство национальной гордости. Ура-патриоты встречаются и здесь. Есть даже такие полуневежественные верхогляды, которые, приняв за чистую монету все дифирамбы немцев, гордо заявляют:

– «Болгария – малка держава, ама културна, като Америка»¹, – и в порыве самообольщения рисуют

¹ Болгария – маленькое государство, но культурное, как Америка.

величественный план будущего, когда вступят в союз – русское сырье, германская техника и болгарская культура.

Но большая часть болгар более скромна и не стесняется ругать порядки своей страны. Посадят ли кого невинно в тюрьму, обжулят ли в магазине или сорвут взятку в полицейском участке, болгарин меланхолично заметит, махнув рукой:

– А! Болгарска работа!

Т.-е. обычная для Болгарии вещь.

Правительство принято ругать везде и всюду, оптом и в розницу, в домах и на улицах, в интимных беседах и на митингах, устно и в печати, и ругать при этом самым бессовестным образом. Только партийные единомышленники правительства еще церемонятся с ним, пока оно им угодно. Зато враги правительственной партии и все беспартийные считают хорошим тоном лаять по его адресу.

500-летнее турецкое рабство, тиранический режим Стефана Стамбулова, долгие годы самоуправного хозяйничанья царя-держиморды Фердинанда Кобургского приучили болгар не особенно высоко ставить авторитет власти. Земледельческому правительству тоже надо отдать справедливость: оно сделало все необходимое для того, чтобы окончательно уронить в глазах низов свой престиж и выявить во-всю оборотную сторону парламентаризма.

В результате мировой войны, когда посыпались на свалку троны королей, не удержался и Фердинанд Кобургский, с позором изгнанный из страны. Действительным распорядителем судеб Болгарии сделался Александр Стамболийский, идеолог, вождь и руководитель «Болгарского Народного Земледельческого Союза». От эпохи Фердинанда новое правительство получило

в наследие энергичные буржуазные партии, новорожденную коммунистическую партию, растущую, как сказочный богатырь, не по дням, а по часам, колоссальнейший долг, экономическую разруху и позорный для страны договор в Нейи, по которому Болгария почти совершенно обезоруживалась.

Превратившись с головокружительной быстротой из тюремного сидельца в повелителя страны, Стамболийский все свои силы напярк не на извлечение страны из печального положения, не на лечение ее ран, а на закрепление власти в своих руках на возможно долгое время.

Невежественный «идеолог», он хотя и написал книгу «Классовые организации», но очень плохо разбирался в определении, что такое класс. Понятие класса он смешивал с понятием профессии. Он насчитывал 6 классов: земледельцы, ремесленники, наемные рабочие, промышленники, торговцы и чиновники, совершенно забыв духовенство, людей свободных профессий и т. д. По его мнению, между классами должны царить мир и равновесие, и сам же преобладающее значение отдал классу земледельческому, как более многочисленному. Коммунистическую партию он считал классовой организацией рабочих, интересы которых будто бы противоположны интересам крестьянства.

Так или иначе, организованный Стамболийским «Народный Земледельческий Союз», катясь вперед, подобно кому рыхлого снега, неизмеримо вырос. В него впитывалось громадное число темных «селян», мало разбиравшихся в программе союза и записывавшихся в него потому, что он назывался земледельческим.

Упоенный ростом своей организации, Стамболийский вдруг провозгласил диктатуру земледельческого класса, т.-е. свое собственное неограниченное

господство, которое давило и городскую буржуазию, и пролетариат. Являясь серединой между этими двумя группами, земледельцы повели такую политику, из-за которой городская буржуазия считала их большевиками, а коммунисты – контр-революционерами. Такова общая участь тех, кто сидит между двух стульев.

На словах капиталу объявлялась священная война. На деле выходило вовсе не так страшно, как говорилось. Проведя кой-какие ограничения права собственности (определенная норма землевладения), новое правительство, как принципиально признающее это право, оставило в неприкосновенности весь социальный строй, унаследованный от царя Фердинанда. Чтобы удовлетворить гневу народа, роптавшего на чрезмерное обогащение во время войны спекулянтов, земледельцы провели в Народном Собрании закон об ответственности лиц, доведших страну до катастрофы. Сюда включали и бессовестных спекулянтов военного времени. На практике из этого ничего не вышло. Дела тянулись годами, судьи разбирали их неохотно. Многие виновные заблаговременно перекочевали за границу с капиталами.

В государственных предприятиях введен 8-часовой рабочий день, а в дворцовых имениях работа зимою продолжается 10 часов, летом и того больше. Введена трудовая повинность, но горожане получили право откупаться от нее. Из армии были уволены все генералы, но она попрежнему оставлена под руководством старого офицества, по преимуществу из представителей зажиточных классов и сторонников царя Фердинанда. Этот царь в свое время стремился превратить военщину в касту.

Насадив в администрацию своих людей, большей частью малообразованных, выходцев из деревень, правительство не приняло никаких мер к контролю над ними. Вчерашний «стражарь» (городовой, полицейский)

сегодня сделался приставом, вчерашний секретарь сельского управления – сегодня становился градоначальником, и все, по старой привычке, обирали казну и тех, кто подвергывался под руку. Казнокрадство и взяточничество проникло во все слои служилых людей и разлилось зловонным потоком по стране, сметая на своем пути остатки уважения к власти. Те чиновники, у кого сохранилась совесть, стойчески переносили «мизерию» (нищету) и открыто тянули к коммунистической партии, веруя, что только одна она может удовлетворить справедливые требования их желудков.

В общем, что ни правительственное мероприятие, то в ответ или вопль буржуазии, или стон низов. Стамбульский, с самого начала, начал давить и буржуазные политические организации, и защитницу низов – коммунистическую партию. Борьба земледельцев с отстраненными от власти старыми партиями (народно-прогрессивная, цанковисты, национально-демократическая и радикалы), объединившимися в «блок», не имеет прецедентов даже в болгарской истории, богатой партийными раздорами. При азартном темпераменте народа, при вошедшей спокон веку в обиход болгарской жизни поножовщине, при господстве необузданной политической свободы, при полной неразборчивости в средствах эта длительная борьба скорее напоминает войну майнридовских апачей и команчей или битву русских с кабардинцами, нежели борьбу партий в правовом государстве. В ней обе стороны проявили очень много демагогии, но очень мало политической честности. Тайные и явные убийства, при посредстве кинжала, пули или крестьянской дубины, заговора, действительные для низвержения правительства, или сфабрикованные правительством для провокации врагов, печатная травля и устная руготня, шумные демонстрации сторонами

своих сил и запугивание друг друга иностранцами, скандалы, драки, свалки, в общем непрерывная потасовка от одного конца крошечного государства до другого, вечная буря в стакане воды, корчи и судороги бесноватых, снедаемых бесом честолюбия.

Сознавая, что главным застрельщиком в стане врагов справа являются адвокаты, а этого рода людей достаточно в Болгарин, правительство, в пику им, провело закон, воспреещающий им выступать у мировых судей. В ответ на это адвокаты объявили бойкот правительственной партии. Печатные плакаты с надписью: «Дружбашам¹ не даю никакой юридической помощи» немедленно украсили адвокатские конторы.

Зная, что церковь тянет к старому, правительство задело и ее права. Часть церковных и монастырских земель была национализирована, прекращена выдача государственного жалованья духовенству. И церковь начала обсуждать вопрос о предании правительства в полном составе анафеме.

Многочисленное запасное офицерство на первых порах владычества земледельцев сильно фрондировало. Стамболийский пригрозил ему крестьянскими дубинами. Однако оно все время старалось подставить ему ножку, пока, наконец, не собралось с духом и не свергло его.

Коммунистическая партия тоже не давала спать диктатору. В первое время земледельческий кабинет опасался гораздо больше ее выступлений, чем происков блока. Сильная революционным порывом, внутренней спайкой, связями с Москвой, эта партия легко могла совершить переворот, если бы захотела.

¹ Дружбаша – члены дружб, местных комитетов «Болгарск. Народн. Земл. Союза». В Болгарии это название употребляется наравне с земледельцами.

Болгарские буржуазные партии и земледельцы враждовали исключительно из-за власти. Больших принципиальных расхождений у буржуазии городской и буржуазии сельской, идеалы которой отстаивали земледельцы, не существовало.

Коммунисты, наоборот, боролись с правительством во имя обновления общества и государства. В Болгарии компартия получила большее развитие вследствие того: 1) что побежденная страна испытывала экономическую разруху, тяжело отзывавшуюся на низах, которые, естественно, начали задумываться о причинах своего бедственного положения и о средствах для выхода из него; 2) что в бедной вообще Болгарии за время войны появился класс крупных капиталистов, добывших свои богатства в то время, когда низы проливали кровь на полях сражений, и потому сугубо противный пролетариату; 3) что новое правительство не дало никакого осязательного обновления стране, потерпевшей катастрофу и нуждавшейся в новых путях для выхода из тупика.

Однако, при всей своей силе и сплоченности, болгарский пролетариат, организовавшийся в коммунистическую партию, постоянно должен был оглядываться на Антанту. Если последняя оказалась бессильной стереть с лица земли советскую власть в гигантской России, то крошечная Болгария, в случае водворения в ней рабоче-крестьянского правительства, могла быть в два счета приведена в надлежащий вид, как уже это случилось с Венгрией. Это сознание связывало решимость партии.

И все-таки Стамболийский боялся ее до такой степени, что в целях обороны от ее покушений открыл дорогу в Болгарию такому патентованному врагу коммунизма, как армия Врангеля.

Этот глава южно-русской контр-революции, выброшенный вместе со своей армией за границу, тем не

менее ни на минуту не покидал мысли о внесении еще раз в пределы Советской России пламени междоусобной войны. Использованный один раз французскими капиталистами для спасения погибавшей панской Польши, он имел основание предполагать, что и в дальнейшем, когда обостренные отношения между рабоче-крестьянской Россией и буржуазно-капиталистической Европой перейдут в вооруженное столкновение, его еще раз пустят в дело. Поэтому крымский авантюрист, с первых же своих шагов за границей стал напрягать все свои силы на то, чтобы сохранить в своих руках остатки «Русской Армии» и выискивать такие плацдармы, где его войско могло существовать, как армия, не распыляться, а сидеть в казармах, учиться парадировать, в нужный же момент быстро мобилизоваться и снова двинуться на спасение Единой, Великой и Неделимой.

Начиная с весны 1921 года Врангелю серьезно приходилось думать о сохранении своих кадров от распыления. Его покровители, французы, убедившись в полном провале как повстанческого движения в России, равно и кронштадтского мятежа, начали принимать меры к избавлению своего бюджета от затрат на содержание 50 000 врангелевских дармоедов. Первая мера, принятая Верховным Комиссаром на Ближнем Востоке ген. Пелле заключалась в предложении желающим отправиться на работы в Бразилию, Грецию, на острова Эгейского моря или же на родину. Когда «Общеказачий Сельскохозяйственный Союз» добился у болгар разрешения перевезти в их страну тысячу казаков, французы этому всячески содействовали.

Лемнос разгружался довольно быстро. «Галлиполийские же орлы» (добровольцы), тщательно охраняемые цепной собакой Врангеля ген. Кутеповым от

всяких дурных влияний даже со стороны французов, попрежнему сохраняли кой-какую сплоченность, внешнюю дисциплину, верность вождю, жажду мщения, авантюру и наживы и отвращение к честному труду. Угрозы французов прекратить выдачу довольствия не производили никакого впечатления на добровольцев. Штабные информаторы внушали им, что если перестанут кормить французы, начнут отпускать паек американцы или кто-нибудь другой, так как весь свет обязан им спасением от большевизма. Ген. Пелле несколько раз назначал предельный срок кормления врангелевских войск и несколько раз вынужден был продолжить его, опасаясь возникновения голодных бунтов среди нескольких десятков вооруженных отпетых людей.

Врангель понимал, что такое положение вещей до бесконечности не может продолжаться, и еще ранней весной 1921 года отправил своего сподвижника, ген. Шатилова, в балканские государства искать новые, более удобные пристанища для остатков своей злополучной армии.

Наиболее близкими русским людям по крови, по языку, по религии, по историческим связям были Сербия и Болгария. На них-то и обратил свои взоры вождь белогвардейцев.

Сербия, вышедшая с честью из империалистической войны и превратившаяся милостью Антанты в сильнейшее государство на Балканах, не нуждалась в кондотьерах. При всей своей симпатии к русской контрреволюции, правительство Пашича могло предложить врангелевским солдатам только работы, при этом ограниченному числу людей, так как Сербия и без того была переполнена русскими эмигрантами, вывезенными сюда непосредственно из России в марте и ноябре 1920 года.

В Сербию перевезли с о. Лемноса 7000 кубанских и донских казаков и горсть «галлиполийцев». Только самое ничтожное число этих вояк (кавалерия Барбовича) поступило служить в пограничную стражу. Остальные же, сохраняя воинскую организацию, встали на работу по устройству шоссе, подобно вывезенному обманом в Болгарию Гундоровскому полку.

Водворение хотя бы всего своего воинства в политически сильной Сербии, притом удаленной от границ России, не сулило особых выгод Главкому, которому в Сербии, строго говоря, отводилась роль инспектора рабочих батальонов. Врангелю хотелось перевезти свои наиболее надежные кадры в такую страну, в политической жизни которой он, как глава вооруженной силы, мог играть ту или иную роль или во всяком случае образовать государство в государстве. Для этого следовало найти страну, бедную воинской силой, беспокойную внутри, ненавистную соседям, против которой и внутри которой можно было бы интриговать в волю для того, чтобы в конце концов прочно обосноваться в ней и обратить ее в базу для осуществления своих замыслов о новом походе на Советскую Россию. Такую жертву неумолимый авантюрист наметил в лице Болгарии.

Стамболийский в это время не на шутку опасался домогательств коммунистов, так как осенью из рук правительства ускользала реальная сила – армия. По договору от 9 ноября 1920 года в Нейи Болгарии разрешалось иметь армию добровольческую, и то лишь в размере 20000 человек. В августе 1921 года наступал окончательный срок перехода от наборной армии к добровольческой, добровольцев же не было. Никому из болгар не хотелось добровольно законтрактовать себя на 12 лет. Правительство в городах оставалось без вооруженной силы. Ничтожное выступление

коммунистов в столице и других более значительных городах не могло встретить сколько-нибудь серьезного отпора. Земледельческое правительство, по близорукости своей, считало буржуазные партии неспособными к активному выступлению. Ему чудилась страшная опасность со стороны левого сектора оппозиции.

При таких обстоятельствах прибыл в Болгарию зондировать почву врангелевский сподвижник и личный друг барона ген. Шатилов, который сразу же учел положение страны. Для честолюбивых замыслов Врангеля, пожалуй, трудно было отыскать более подходящий уголок. Третируемая французами, официальными покровителями «русской армии», обязанная русскому оружию своим существованием, раздираемая партийной враждой, эта крошечная держава, с помощью интриг всероссийской реакции, легко могла быть обращена в прочную базу для подготовки к новой аванюре против Советской России.

Стамболийский, в свою очередь, понимал, что лучшей вооруженной противобольшевистской силы, нежели кадры Врангеля, ему не организовать в Болгарии; что Врангель, получив возможность сохранять свою армию до лучших времен, из чувства благодарности пойдет с ним рука об руку; что, впуская врангелевцев в Болгарию, правительство и невинность соблюдает, и капитал приобретает. Антанта не могла упрекнуть его в несоблюдении договора в Нейи, так как Франция армию Врангеля на официальном языке рассматривала как беженцев, а не как войско.

Пока Шатилов втирал очки Стамболийскому о полной лояльности Врангеля, «Общезаказный Сельско-Хозяйственный Союз» увез из пустеющего белогвардейского пристанища, о. Лемноса, целую тысячу казаков в Болгарию. Шатилов и глава «русской военной миссии

при русском посольстве в Софии», врангелевский ген. Вязьмитинов, не пощадили красок, чтобы окружить большевистским сиянием этот союз и вывезенных им людей. Не вмешайся верховный комиссар Франции, злополучным казакам пришлось бы еще раз побывать на острове Смерти.

Так звали в эмиграции распогибельный Лемнос.

IV

В ВАРНЕ

Злополучную партию казаков, вывезенную с Лемноса, Врангель окрестил большевиками. Орган болгарской коммунистической партии «Рабочий вестник» репортерскую заметку об их приезде озаглавил «Прибытие новых контр-революционеров».

Если Врангель старался сознательно оклеветать своих бывших солдат, то коммунисты, именуя прибывших контр-революционерами, добросовестно заблуждались, привыкнув всех русских эмигрантов мерить на один аршин.

Еще задолго до лета 1921 года Болгария имела представление о русской эмиграции. При эвакуации Одессы 1920 г. страна братушек оказала гостеприимство приблизительно пяти тысячам «потомков своих освободителей». Эта первая серия эмигрантов состояла по преимуществу из коммерсантов, полицейских, адвокатов, артистов, учителей, контр-разведчиков, всяких героев тыла и т. д. Эта публика, грузившаяся заблаговременно, вывезла много разного добра и множество своих и казенных «деникинских» денег, тогда еще котировавшихся на иностранной бирже.

Встречая всяческую поддержку со стороны радушных братушек, пришельцы мигом обосновались,

открыли кафе, кинематографы, комиссионные конторы и т. д., усилив таким образом класс городской буржуазии. Разумеется, за время крымского похода врангелевцев настроение этих господ, решительно ничем не рисковавших, было самое воинственное, к советской же власти – самое непримиримое. На эвакуацию в Болгарию смотрели, как на приятную прогулку за границу и, живя в болгарских городах, рассчитывали отсидеться, переждать ураган войны. Разгром Врангеля, однако увезшего с собой часть своего воинства, не изменил настроения этой беженской группы, попрежнему привыкшей к мысли, что где-то есть армия, обязанная добывать им благополучие, они же – ее тыл.

Для помощи этим беженцам возникли в разных городах филиалы общественных организаций – Земского Союза, Красного Креста, в которых нашли себе пристанище и корм многие из беженцев. Держа в своих руках капиталы, всероссийская реакция, тесно сблизившись с Врангелем, сумела оплести хитросплетенной паутиной значительную часть эмиграции. Журналисты всех политических оттенков, волей-неволей, чтобы не умереть с голоду, покорно уселись в редакциях белогвардейских газет и курили фимиам Врангелю, единому безгрешному, и убаюкивали сытых и голодных скорым продолжением кровавой борьбы. Учителя находили места в бесчисленных «гимназиях» в 10–15 человек и детских садах, организованных Союзом городов, и в которых воспитание и преподавание сводилось к внедрению истинно-русских начал. Бесчисленные агенты Врангеля и монархических союзов поддерживали веру в спасительную силу интервенции и зорко следили за состоянием умов. Некоторое время почти вся эмиграция в Болгарии представляла из себя монолитное тело, с истинно-русской жандармской душой, жаждущей

возврата России ко всему старому, до образца солдатских пуговиц включительно.

С весны 1921 года эта блаженная жизнь русских эмигрантов в стране братушек нарушилась. Появились новые заботы. Особенно смущало истинно русских людей сильное развитие в Болгарии коммунизма и «большевистское» настроение казаков, проникших сюда из Константинополя и Чаталджи. Эти бывшие солдаты Врангеля, покинув революционным способом проволоку лагерей, иногда с боем против чернокожих, направлялись неведомыми путями в Болгарию через Фракию, принадлежащую тогда грекам. Шли по звездам. Питались именем Христовым. Паспорта и визы считались буржуазным предрассудком. Болгария манила близостью к родине, легкостью найти заработок, радушием родственного народа. Добравшись до страны братушек, большинство занялось физическим трудом, иные спекуляцией, и почти все питали отвращение к белым вождям, в которых разочаровались, озлобление к верхам эмиграции, устроившимся недурно и на чужбине, и естественное стремление к родным очагам. Низы не на шутку пугали верхи как своей склонностью к «предательству», так и своими притязаниями на американские подарки, которые имущие эмигранты распределяли исключительно между собой.

Варна и ее живописные окрестности, усеянные виноградниками, привлекали и верхи эмиграции и вольную казачью братию. Верхам нравился мягкий климат и морские купанья; низам – близость к России, к родным местам, возможность получить из первых рук хоть какие-нибудь сведения о том, что происходит на родине.

Варненские верхи – капиталисты, генералы, бюрократы, составляли особый мирок, довольно замкнутый,

хорошо обеспеченный, преданный монархической идее и считавший единственным средством для «спасения» России намыленную веревку. Тонко одетые, с брильянтами на пальцах, они резко выделялись от остальной беженской массы. Обедали только в «Кулинаре», где царил тон Кюба и Донона. Часть этой публики подкармливалась службою в учреждениях Земского Союза, Союза Городов и Красного Креста и группировалась возле так называемого «Русского Дома», цитадели русской контр-революции в Варне.

Здесь свил себе прочное гнездо некий генерал Смердов, ходивший иногда в штатском платье, но обязательно со шпорами. В его руках находилось воспитание беженского юношества в Варне. Воспитывать было очень легко. Молодежь охотно съедала бесплатные завтраки, с удовольствием рядилась в костюмы бой-скаутов и неукоснительно посещала богослужения в русской церкви, возле «Русского дома». Большого от нее и не требовали.

При «Русском доме» имелись разные курсы, перечень которых длиннее списка курсистов и курсисток, вместе взятых. Они учреждались не для учащихся, а для учащихся. На курсах «иностранных языков» баронесса Притвиц, получая 3000 лев ежемесячно от Союза Городов, обучала только детей Смердова. Наоборот, были такие курсы, на которых учились только дети баронессы Притвиц. Тут же происходили заседания разных обществ – союза юристов, союза инвалидов, союза русских офицеров, имевших целью готовить будущих Конради, Таборицких и Шабельских-Борков.

При «Русской церкви», отведенной эмигрантам вместе с домом любезным варненским митрополитом, существовало «сестричество». Его цель – поддерживать благолепие храма и доставлять развлечение тонным

дамам, сменявшим от скуки свои шляпки esпри на апостольники и надевавшим маску благочестия. Настоятель церкви отец Слюнин, полный елейности, напускной святости и воинствующего черносотенства, совершал богослужения с монастырской торжественностью. Во дни рождения и тезоименитства здравствующих членов бывшего царствующего дома на молебнах гремело громогласное многолетие; на панихидах по покойным царям и царицам – вечная память. В притворе церкви «благочестивые» сестры продавали погромную литературу и раздавали воззвания патриарха Тихона против большевиков, а с амвона каждый праздник неслась не проповедь любви и мира, а злобные, призывающие к кровавой мести слова.

Дух Дубровина и Крушевана носился над «Русским домом» и над «Русской церковью». Центр «культурной русской жизни», рассадник русской культуры среди болгар скорее напоминал чайную Союза русского народа, нежели просветительное учреждение Союза Городов.

Молодое поколение, воспитывавшееся в этой атмосфере, заражалось гнилыми испарениями умершей России и росло чахлое, жалкое, не приспособленное к борьбе с жизнью.

– России нужен царь, и царь обязательно самодержавный! – безапелляционным тоном проповедывала однажды одна из смердовских воспитанниц.

– Но ведь если будет самодержавный царь, он вернет помещиков, – возразил ей какой-то либерал.

– И пускай! Ах, я чувствую, из меня вышла бы великолепная помещица.

Если Смердов и о. Слюнин так обрабатывали молодежь, то офицерские круги обрабатывал «Союз русских офицеров» во главе с немецким ген. Бредовым и бар.

Притвицем. Они вербовали в свою сугубо монархическую организацию более надежных офицеров, как-то: жандармов, контр-разведчиков и др., знавших, что только при царском режиме им возможен возврат на родину.

– Смердов смердит, а Бредов бредит! – иронизировали те интеллигенты, на долю которых ничего не перепало от «Русского дома» и которые влачили жалкое существование. Эти люди составляли средний класс варненской эмиграции. Не зная, куда идти и что делать, они пока что ругали всех и все на свете. Их число, сначала незначительное, в дальнейшем начало возрастать в виду приезда таких же голодранцев из других стран, в виду разорения или увольнения из благотворительных учреждений коренных варненских эмигрантов и т. д.

Низы, т.е. беглая казачья, жили своим особым миром, особыми интересами. На них имели влияние некоторые культурные офицеры, бросившие армию по идейным соображениям и добровольно распявшие себя на казачьей Голгофе. Казаки копали виноградники, мостили шоссе, строили дома, голодали зимой, живя на дачах, и тоже имели свой центр или, точнее, свой сборный пункт.

На пустынной улице за собором, во втором этаже дряхлого дома, выдавшего, наверное, русских и в Освободительную войну, уютилась чайная, открытая турком, изучившим нравы беженской бедноты. Она занимала всего лишь одну комнатку, с грязным деревянным полом, через который опивки лили прямо вниз, где жизнь давно уже иссякла. Стены чайной, засиженные мухами, украшались номерами «Балканского Папагаха», – болгарскими лубочными картинками. За один лев посетитель получал пару чаю с куском сахару; мог, в случае нужды, и растянуться на скамьях; мог

постричься и побриться у еле живого парикмахера-турка, обычно дремавшего в плетеном стуле перед зеркалом в ожидании, пока потребует его к священной жертве Аполлон в лампадах. Звалась чайная «Земен рай» (Земной рай).

– Потому такое название, что дает нашему брату, нищему, райское наслаждение! – остригли посетители.

Здесь беженские низы не только пили, ели, отдыхали. Сюда, как на биржу труда, шли покупатели рабочей силы и нанимали безработных. Здесь составлялись артели для отправки на полевые работы, здесь сговаривались на родину, здесь врангелевские шпионы агитировали против такой поездки, здесь монархические агенты внушали казакам мысль, что только через голод и большевизм Россия придет к монархии.

В Варненскую бухту узким протоком вливаются воды длинного Гебеджинского озера, на северном берегу которого в 1444 году погибло от полчищ султана Мурада крестоносное польско-венгерское ополчение вместе с королем Владиславом. Своим северо-восточным углом оно касается самого города, а юго-восточным примыкает к небольшой волнистой площадке, которая постепенно переходит в горный кряж. Продолжение этого кряжа к морю образует живописный карантинный берег бухты.

На этой обширной площадке, возле Механического завода, расположились биваком лемносские казаки после того, как они выполнили все карантинные формальности, т.-е. размазали мыло на головах под испорченным душем и переоделись в чистое белье. Кто имел палатки, защитил себя от лучей солнца. Французы, напоминая египтян, желавших поскорее избавиться от русского Израиля, разрешали казакам брать с собой и палатки, лишь бы поскорее уезжали. Зато те, которые

погрузились в Константинополе, поджаривались на солнце или мокли под дождем.

Бывшие пленники Лемноса и здесь не могли избавиться от караула. Нельзя же земледельческому правительству оставить на свободе большевиков. Впрочем, болгарский караул не особенно смущал бывалых людей. Долгое нахождение за проволокой научило их преодолевать эти препоны.

– Французских арапов не трусили; из-под носа сенегальцев уходили, а тут-то самое пустяковое дело. Мы как в сказке: я от дедушки ушел, я от бабушки ушел и от тебя, братушка, уйду.

В первый же день по выходе из карантина казачьей партии по варненским улицам, садам, площадям, а особенно по базару сновали «руснаки» с ботинками, фуфайками, рубашками под мышкой. Они часто останавливались, то и дело спрашивали прохожих, как пройти туда-то, где достать то-то. Всякий из лемносских пленников, кто хотел побывать в городе, побывал.

Вечером делились впечатлениями.

– У их тут нельзя в пекарне спрашивать булку. Булка по ихнему молодуха. Думают, что нам баба требуется.

– Братвы нашей много тут... Иные здорово живут, заработали на покосе. А больше зарабатывают на постройках. Спокойно, говорят, жить, никакая полиция не тревожит, не надо паспортов, колеси где хочешь. И народ уважительный... Особенно в деревнях. Только ночевать в домах не пуцают... Турецчина... За баб трясят...

– Питейных всяких заведений – страсть. Как только не называются! Ресторант, бирария, пивница, даже питиепродавница... Длинно, не выговоришь... А пьяных нету. Если увидишь пьяного – свой брат «руснак»!

В результате дневной разведки народонаселение лагеря уменьшилось. Кой-кто из казаков разыскал в городе своих хуторцев и станичников и поспешил избавиться от арестантской жизни. Кто, взвалив свой мешок на спину, легкой тенью прошмыгнул мимо сторожевых постов; кто затуманил глаза часовым 15–20-ю левами.

Горе-артист Долинин, снедаемый жаждой сценической деятельности и живительной влаги, одним из первых навестил Варну. Через два-три дня на улицах уже красовалась русско-болгарская афиша, извещавшая почтенную публику о том, что в самом непродолжительном времени в «Морската градина» (в Приморском саду) состоится русский спектакль с участием известного артиста петербургских и московских театров г. Долинина в пользу прибывших русских беженцев; билеты продаются в кассе столовой Красного Креста. Где раздобыл ловкий авантюрист деньги на афишу, для всех осталось тайной; зато сделался явным его разговор с градоначальником, земледельцем, из бывших сверхсрочных подофицеров, которому он понес предлагать билет.

– Вы кто такой? – грубо отрезал градоначальник, взволнованный покушением на его карман.

– Артист Долинин.

– Нам «Союз» предложил доставить тысячу рабочих, а не артистов.

– Тут есть и рабочие... А моя специальность – сцена...

– Тогда поступайте в театр, там вам дадут за игру деньги...

Вместе с тем градоначальник, получив инструкции из Софии, отдал приказ начальнику жандармов, чтобы никого из этой партии не оставлять в Варне. Эмигрантские верхи вздохнули свободно: меньше претендентов на американские подачки.

– Жулики, как Долинин, везде нам свинью подкладывают! – роптали приезжие интеллигенты, по своей дряблости не смея носа показывать из лагеря.

Гитарист, тот, что при проезде мимо «Кутепии» потешал публику злободневной песней, успел выбраться на волю. В первый же день по выходе из карантина он слонялся по городу и из любопытства заглянул в бирарию «Сливница», привлеченный нескладным дребезжанием на цитре и мандолине. В грязном кабаке, насквозь пропитанном алкогольными испарениями, сидела компания пьяных французских матросов. Они сиплыми голосами горланили марсельезу, заставляя трех русских музыкантов аккомпанировать им.

– Если бы мою гитару сюда, может, что-нибудь и вышло! – подумал гитарист, сразу заметив, что у музыкантов дело не клеится и они дребезжат, что бог на душу положит.

– Вы русские? – робко, как новичок, спросил он, подсаживаясь рядом с наиболее почетным музыкантом. Это был испитой малый, со слезящимися глазами, в рваных английских брюках и запачканной рубахе, с кубанкой на голове.

– Ну, да, русские! – пьяным голосом прохрипел музыкант. По всему видно, что он презирает соотечественников, как рвань коричневую, с которой нечего взять.

– Я, видите ли, сам музыкант. Только что прибыл в Болгарию... Интересно знать, можно ли что-нибудь зашибить на этом деле в здешних палестинах?

– Вы не гитарист? – спросил истасканный парень, сбавляя тон.

– Как же, гитарист.

– Своя гитара есть?

– Есть.

– Кочо¹! – заорал музыкант хозяину, жгучему брюнету, стоявшему за прилавком. – Полкила² вина «на вересию» (в кредит).

– Вот что, коллега, – продолжал он, наливая стаканы, нам разговаривать некогда, сейчас, сами видите, время у нас рабочее. Если хотите пайщиком в нашу коммуну, милости просим. Нет – проваливайте. Заработок у нас не тяжелый... Кабаков в Варне на наш век хватит. Пьяны каждый день. Иногда, правда, бываем и биты – перепиваемся. Играть у нас не мудрено: заказчики наши, сами видите, не из презентабельных. Грек требует свой национальный гимн, мы ему жарим куплеты Тореадора... Доволен, плачет... Насосавшись мастики³, орет: «Кало! Кало»⁴. Все гимны играть можем, хоть ни одного не знаем, кроме русского. А этот никому не нужен... В отставке, как мы, без мундира и пенсии. По рукам, что ли? Прошу любить и жаловать... Я – полковник Белов, убежденный врангелевец и монархист... А этот белобрысый чорт – мой брат, тоже полковник, а может быть и капитан, аллах его знает. А это просто Митька Иванов.

Гитарист хоть и не видел особой прелести заделаться бродячим музыкантом, тем более в компании падших людей, однако принял предложение. Перспектива работать где-нибудь в рудниках или на постройке железной дороги ему вовсе не улыбалась.

На следующий день, когда лагерь только еще пробуждался, он был на ногах. Взвалив на спину мешок с барахлом и заботливо придерживая руками гитару,

¹ Кочо – уменьш. от Константин.

² У болгар меры емкости французские – литр (кило), пол-литра (половина кило) и т. д.

³ Мастика – анисовая водка.

⁴ Кало – хорошо (греч.).

он смело направился к тому месту, где должен стоять часовой.

– Суну десять «тигров» и ладно... пропустит! – решил гитарист. – «Тиграми» в шутку стали звать «левы», болгарские франки.

На его счастье часовой в это время был занят важным делом. Торговка из города пробиралась в лагерь с огурцами, и он, по долгу службы, отбирал у ней наиболее редкие экземпляры из корзины для потребностей своего желудка. Когда он окончил осуществлять свое начальническое право, гитарист уже ковылял в шагах ста от лагеря, сзади турок, спешивших на базар.

На окраине он попал в целый лабиринт узких и грязных переулков. Азия здесь господствовала во всей своей девственной красоте. Только на главной улице, называвшейся «Царь Борис», в честь нынешнего номинального властелина Болгарии, на него слегка дохнуло Европой.

– А как тут пройти в общежитие Красного Креста? – спросил он старенького, сгорбленного «руснака», подметавшего сор на улице.

Разговорились.

– Работа наша не тяжелая, но противная! – рассказывал старик. – Кроме того, есть и еще одна беда: у общины, городской управы, никогда денег нет. Работаете месяц, иногда два, проеетесь до копейки, позадолжаешь, придешь клянчить жалованье. «Чакай, братушка, малко; ништо; болгарска работа!¹», – утешают в общинском управлении, а ты хоть свои пальцы кушай. Уйти тоже нельзя – уйдешь, денег не увидишь. Зажулят, такие тут порядки. И не плохой народ, а жулить любят, особенно чиновралы. Впрочем, все они – голь перекатная. Если не рвать, чем же им жить?

¹ Подожди, братец, немного; ничего; обычная для Болгарии вещь.

На прощанье гитарист поинтересовался личностью старика и узнал, что он бывший артиллерийский полковник (этот-то настоящий! мелькнуло у него в голове), приехал сюда из Константинополя полгода тому назад; ни одно учреждение не оказало ему никакой помощи, пришлось покупать метлу и чистить улицы.

Пройдя весь город до другого конца, гитарист выбрался на огромный плац для ученья солдат и, миновав его, пришел к цели своего путешествия. Три линии небольших каменных лачужек, еле-еле выползших из земли, ютились в тени деревьев. Над входом у каждой было намазано черной краской по штукатурке: «Вилла Охрид», «Вилла София», «Вилла Париж» и другие громкие и скромные названия. Возле этих вилл толкались бедно одетые, по-домашнему, «госпожи»², жены болгарских офицеров, приехавшие в Варну «бани править»³. Они занимали одну часть вилл, русские же беженцы, по преимуществу интеллигентная беднота – другую.

Гитарист, разыскивая полковников Беловых, невольно заглядывал то в те, то в другие двери, и всюду внутри бараков видел грязь и тесноту, поразительную бедность, следы неряшества, присущего лагерным сидельцам. Знакомая картина беженского лагеря неприятно сжала сердце молодого человека.

– Но здесь хоть нет ни начальства, ни эфиопов, и то благодать! – думал он, подходя к развалинам барака, лишённого передней и задней стен. Чтобы не продувал ветер, заднее простенье было заложено камышовым матом.

² Барыни, дамы.

³ Купаться.

Тут-то и живут Беловы! – догадался он.

И, как бы в подтверждение своей мысли, услышал внутри отрывистый, хриплый голос старшего брата.

– Не надо было Анюте целоваться с Джонсоном. Знает, что Кочо этого не переносит. Это уже не первый раз Анюта лижется. Кочо рассердится и не будет нас пускать.

– Вы бы меньше пили, меньше дрались бы! – ядовито огрызнулся молодой женский голос.

– Не ваше дело, тоже указчица! Попала из грязи в князи, возмечтала. Из кухарки полковницей стала. Полковница – это не шутка.

– Оставь, Алеша, прошу, оставь Анюту! – отзывался младший Белов. – Иначе, ей-богу, смажу.

– П-о-о-пробуй!

Появление в переднем простенье гитариста охладило пыл братьев-музыкантов.

– Вот это отлично! Значит совсем к нам? И с гитарой... Хубаво¹! – закричал Белов-старший, соскакивая с ужасных обрывков овчинного полушубка, разостланного по земле. Пола в бараке не было.

– Вы не смотрите, что мы драться собирались, продолжал он. – Это дело семейное. Вчера, как вы ушли, мы врезали муху. Пришел тут один англичанин с Анютой; она, видите ли, заводит мужчин туда, где мы играем. Нам заказ на марши, хозяину на вино. Пошла выпивка велия зело. Англичанин ставит, и хозяин ставит. Оба влюблены в Анюту по уши. Англичанин протяни Анюте губы, а она его – чмок. Кочо, хозяин наш, сейчас к ней с кулаками, – ах ты русская курва! Ну, я не стерпел! Как же, оскорблять бла-о-родную женщину, жену моего брата! Сгоряча раза два погладил болгарина. Потом помирились.

¹ Хубаво – хорошо (болг.).

Женщина, маленькая, анемичная, с тупым животным выражением лица, точно не о ней речь шла, резала помидоры и огурцы на ржавой жестянке, приготавливая салат.

– Будет, Алеша, доклады делать! – постарался замаять неприятный разговор Белов-младший. – Одевайся, устроим лучше сыгровку.

– Гитарист, измученный не столько путешествием с тяжелой ношей, сколько перспективами будущей жизни в обществе Беловых и К^о, беспомощно опустил ся на единственную мебель в бараке – деревянную скамью из неотесанных досок.

Но так или иначе, он уже больше не возвратился к своим товарищам по путешествию.

У тех же жизнь шла своим чередом. Началась торговля. Из города нахлынули спекулянты, все больше свой брат руснак. Они довольно ловко пустили слух, что таможенный надзор, – его еще не было, – все равно заберет все лишнее. Простачки попались на удочку и начали сбывать за бесценок американское добро. У всех мигом завелись деньги. Так как уже подоспел сезон овощей, то с усердием налегли на дары болгарской почвы.

Красный Крест очень скоро прекратил доставку продуктов. Вместо того в лагере появилось множество врангелевских агентов; они возбуждали казаков против Сельскохозяйственного Союза и описывали те прелести, которые ждут казаков, если они войдут в состав «Гундоровского» полка. По их словам, Красный Крест забрасывал этот полк и одеждой, и бельем, и чуть ли не духами.

– Как же! Как же! – отвечали казаки, «дудаковская банда», как их стали называть впоследствии. – Еще на Ломоносе слышали! Простые казаки и офицеры работают, сотенные их понукают, а Гусельщиков со штабом

с утра до вечера пьянствует на те деньги, которые удерживает с казаков... Процентное отчисление...

Настал момент таможенного осмотра.

К великому посрамлению спекулянтов, чиновник очень поверхностно, больше для проформы, осмотрел мешки, и ни у кого ничего не отобрал. Потребовал было заплатить пошлину за медикаменты, привезенные Кубанским лазаретом, но потом и на это махнул рукой.

– Однако тут чиновники простофили! – думали оборотливые ребята, в головах которых уже рождался план поездки в Константинополь за товарами.

Впоследствии некоторые ловкачи обратили в ремесло эти бесплатные поездки. Пробравшись пешком в Царьград и закупив там товары, возвращались в Болгарию с партиями беженцев и привозили без всякой пошлины десятки пудов груза.

После таможенного осмотра партии начали увозить на работы, большей частью на постройки новых железных дорог. Скоро тысяча человек, как горсть песка, брошенного в море, рассеялась в глубине Болгарии. Десятка два интеллигентов, не сумевших удрать заблаговременно, пожелали остаться легально в Варне. Но градоначальник, усердствуя не в меру, приказал их выпроводить под конвоем в Плевну.

Бывшие воины Врангеля, перековав свои мечи на кирки и лопаты, вступили на поприще труда для того, чтобы под влиянием его целительной силы окончательно прозреть, отрешиться от старых заблуждений и обрести мирный путь на родину.

V

ПРАВЫ БРАТУШЕК

В эпоху мировой войны, в которую Болгарию вовлекла предательская политика Фердинанда, как-то раз в возмущенной русской прессе промелькнула заметка о том, что болгары отрещиваются от всякой связи со славянством. Так как во время войны принято взваливать на голову противника три короба всяких мерзостей, то чисто плотные читатели, без сомнения, сочли это известие за обычную выдумку, провокацию. Увы! Такое направление существовало в болгарском обществе в угоду немцам. В обширном справочнике-календаре на 1918 год, правительственного издания, рельефно оттеняется монгольское происхождение болгар, хотя серьезные историки с несомненностью установили, что маленький народ Аспаруха¹ в образовании современного болгарского типа сыграл не большую роль, чем варяжская дружина Рюрика в образовании русского.

В настоящее время это политиканство в вопросе о происхождении отошло в область преданий. Ни один

¹ Аспарух – вождь тюркского племени болгар, в VII веке привел свою орду в низовья Дуная, объединил и подчинил себе жившие здесь славянские племена и образовал государство, из которого потом образовалась Болгария.

болгарин не отрекается от того, что он славянин, родной брат русского человека. От эпохи германофильства, искусственно привитого Фердинандом и его лакеями¹, остались лишь воспоминания в виде вошедших в житейский обиход слов я (ja) – вместо да и бира (bier) – вместо пива. В отношении же русских людей, невзирая на навязанную Фердинандом войну против России, невзирая на дерзкое поведение врангелевских генералов, невзирая на проделки многочисленного порочного элемента из среды эмигрантов, болгарин никогда не изменял братских чувств. Никакие силы не могли испепелить в его душе память о своих освободителях.

– Что у вас теперь, – Деникины, Врангелы, Колчак... А вот эти были генералы, так генералы – Скобелев, Гурко...

При упоминании первых болгарин не может обойтись без их родительниц, имена вторых произносятся с благоговением.

Старые ополченцы, участники Освободительной войны, собрались было в своей форме и регалиях на парад, который устроили первые врангелевцы в Варне. Но увидев цветную форму «галлиполийцев», расписанных, как плакаты, корниловских ударников, двадцатилетних генералов, тысячи полковников-детей, они сразу сообразили, что это даже не старая, царская армия, а ее отбросы, и следующие разы уже не являлись на парады. Тем не менее культ старой армии освободителей и доселе царит в болгарских низах. К эмигранту-старикау особый почет: в нем видят атом той массы, которая дала Болгарии политическую жизнь.

¹ Германофильство поддерживала национально-либеральная партия (радослависты). Это направление родилось в виде протеста против чрезмерного угодничества других партий перед царской Россией.

Всем участникам войны 1877–1878 гг., попавшим на болгарскую территорию, и правительству, и общины назначили пенсии.

Ловкие, предприимчивые эмигранты, во время своих странствований по болгарским деревням, старались сэксплоатировать в свою пользу эту слабость бра-тушек.

– Мой «баша» убит под Плевной.

– Мой дед на Шипке получил Георгия.

После этих заявлений и без того хорошее отношение заметно улучшилось.

Когда казачий поток, хлынувший из Турецины, докатился до Болгарии, селяне проявили к бродягам изумительное гостеприимство. Отводили им для ночлега школы или сельские управления, привозили дрова, собирали для них хлеб, сало и яйца.

Потомкам своих освободителей...

Только когда отдохнувшие пришельцы отказывались поступать на работу, предпочитая ничего не делать, благо дают хлеб, трудолюбивые селяне начинали ворчать.

– Всем бы они хороши, – говорили про них казаки, – но одно у них в деревнях худо: никогда не пустят ночевать в «кешту» (хату), даже зимой – ночуй на улице или в сарае. Очень уж боятся за своих баб. Турецина.

У болгар и на самом деле в семейной жизни много турецкого. Хотя женщина здесь может ходить, куда угодно, но все же она существо низшего порядка. На ее долю отмежеваны Kiender und Kuche; Kirche у болгар не в почете. В разговорах с приятелями болгарин говорит о чем угодно, только не о своей семейной жизни. Болгарка же никогда не бегаёт к соседкам-кумушкам чесать язычок по поводу всех мелочей личного характера. Наоборот, она почти весь день занята домашней

работой. Кто бы ни была по социальному положению, жена ли министра или рабочего, все будни ходит дома одетая запросто, чаще всего из экономии обуви – на деревянных колодках.

Зато в праздники горожане обязательно выезжают на прогулку «целой фамилией» или отправляются в ресторан. У болгар и в помине нет, как у нас, ходить друг к другу в гости. Встречи знакомых семей у них происходят по праздникам в бирариях, где разнаряженные «госпожи», держа в одной руке стакан пива, другой укачивают детей в люльке, которую привозят с собой. Чаще же всего, в летнее время, а оно здесь продолжительно, уезжают за город и резвятся на свежем воздухе весь праздник.

– Болгары проветривают своих жен! – острили русские.

Ревниво оберегая чистоту семейного очага, болгары, естественно, боятся допустить к нему пришельцев, большей частью людей молодых, здоровых, соскучившихся по женской ласке и потому способных окинуть их «госпож» нечистым взором.

– Даже когда чокаешься за обедом с еговой бабой, – жаловались казаки на щепетильность братушек, – изволь делать это так, чтобы край к краю, да вровень. Сохрани господи, если стукнешь ножкой своей рюмки о верхушку ейной.

– «А, кричит болгарин, ты плохое замышляешь насчет моей «госпожи», ты «лош человек» (плохой человек). Провались ты, думаешь, и сам, и твоя «госпожа»!

Однако болгарское простонародье не прочь было породниться с русскими. В тех случаях, когда видели серьезность намерений, не мешали своим дочерям принимать ухаживанье. К сожалению, искренних намерений почти ни у кого не было.

– Пристрельнешь, бывало, чуточку за девицей, а батька ейный, «баша», интересуется: «Ты, Иване, ергенин (холостой)?»

– «Ергенин, говорю, конечно ергенин». Как не быть на чужой стороне ергенином. Даром, что ли, наши деды-казаки поговорку складывали: «Семь мостов от станицы отъехал, – и холост». Пока попадешь домой, а тут отчего не поступить в зятя, особенно, ежели дело сходное, если, помимо девки, еще и волов дают, и землю, и всякое заведение. Отчего не побаловаться. Поживет иной, «набьет ряшку»¹, шариком катается. Случится, письмо с дому: жена, родители пишут, так и так, живы и здоровы, беспременно приезжай хозяйство налаживать. Вывертывайся, как знаешь. И тут не плохо, а там своя земля. Подумает иной, подумает, вспомнит свою речку Кундрючку, в степи цветы лазоревые и все тебе родное... Айда на пароход, поминай как звали. Случалось и так в Варне: пока пароход стоял у пристани, прибегали бабы с жандармами. Только где уж найти! Братва не выдаст, мешками завалят. Лишь бы не задохнулся, а найти никак не найдешь. Походят, порыщут по трюму... Все вы, руснаки, мошенники! – выругается под конец булка, здесь все вы ергенины, а выходит у каждого есть в России своя «госпожа». После такой эвакуации в ту деревню руснак лучше носа не показывай, исколотят.

Верхи русской эмиграции относились к болгарам с нескрываемым презрением, как к низшей расе, как к «освобожденным нами рабам». – «Гниды!» – титуловал их генерал Гусельщиков.

Низы подмечали и плюсы и минусы.

¹ Набить ряшку – отъестся, растолстеть. Казачье выражение.

Страна у них маленькая, реки мелкие и характеры мелкие! оценивали болгар рассудительные казаки. – Нет того, как у нас душа нараспашку. Гость к нему придет, – он ему поднесет ложечку варенья и стакан воды. Сам в кабаке зайдет, – потребует «малко шишенце»¹ ракии² и тянет его, тянет два часа. Братва за это время полкила вылокает. А если выпьет два шишенца да стакан вина, – я, – говорит, – сегодня большой гуляй правлю. А еда ихняя – чеснок, пипер³, ломтик сыру, две маслинки – весь его обед. Нашему брату язык помазать, а он сыт на целый день.

Болгары и на самом деле очень воздержанны в пище и питье. Если про русский народ (дореволюционного периода) можно сказать, что он жил для того, чтобы есть, то про болгарина можно безошибочно говорить, что он пьет и ест для того, чтобы жить, а не умереть. Казаки, при найме в работники, морщились, когда хозяева упоминали о «хране» (пище). Наемник знал, что для него эта «храна» пустой звук.

Это свойство болгар русские относили на счет их скупости. Такое мнение не совсем правильно. Воздержанность в пище и питье – общая черта всех восточных людей, не исключая и грузин, которые никогда не перепиваются своим кахетинским до потери сознания. Болгарин не любит попусту раскошелиться. Но он не скарעד. Многовековое турецкое рабство, тяжести которого легко смягчались с помощью звонкого металла, далеко не презренного в глазах турецких администраторов, приучило болгарский народ к бережливости. Оно, более того, сделало его большим материалистом.

¹ Малко шишенце – маленькая бутылочка. Так зовется наименьшая мера емкости спиртных напитков, равная 50 граммам.

² Ракия – водка, по большей части из сливы.

³ Пипер – перец.

Это качество сказывается на каждом шагу.

Беседуют ли два селянина или два торговца или два квалифицированных интеллигента, речь у них идет если не о политике, то о самых земных материях. Те философские запросы, которые присущи русскому простонародью, болгарину вовсе не знакомы. Он вовсе не силится проникнуть в тайны мироздания, он не создал своей Голубиной Книги и совершенно равнодушен к тому, на трех или на четырех китах земля держится и какой зверь всем зверям мати. Его «планида» – работа; отвлеченные вопросы всецело заслоняют интерес к «печалбе» (барышу).

– Пять пари не давам! Пять лева не струва! Колко днеска спечелил? Той има много пари. (Не дам пяти грошей! Не стоит пяти лев! Сколько сегодня зашиб? У него много денег), – только и слышится в разговоре болгар.

Копают ли где-нибудь землю, вечный разговор о кладях, зарытых гайдуками в балканах⁴.

Болгарин несомненно добродушен, но далеко не флегматичен. Он может быстро вспылить, но быстро и отходит. Классическая родовая вражда не в его характере. Вспышки и отходчивость наблюдаются не только у отдельных индивидов, но и у коллективов, напр. у правительства. Под горячую руку, как отдельные администраторы, так и министры *in cogrore* способны издавать самые сногшибательные постановления. Но плохо знает болгар тот, кто перепугается.

Однажды варненский градоначальник, взбешенный неприступностью русской дамы, служившей в ресторане, издал приказ о том, чтобы все русские кельнерши еженедельно являлись на медицинский осмотр.

⁴ Балкан у болгар означает горный хребет, поросший лесом; нарицательное название.

Конечно, никто такого распоряжения не исполнил. Другой раз он предписал выводить в Советскую Россию всех, у кого не было разрешения на право жительства в городе. Впоследствии, в эпоху борьбы с организацией Врангеля, каких только распоряжений не издало земледельческое правительство для разгона этой шайки! Однако все они постепенно сводились на-нет; шайка просуществовала до самой гибели Стамболийского. Петр Великий когда-то говорил, что не для чего писать законы, если их не исполнять. Болгары их все-таки пишут, хотя исполнять не думают.

Люди азартные, они всегда впадают в преувеличение. Все силятся делать *en grand*, впрочем если речь не идет о вопросах хозяйственных. Шум и крик – спутники всякой работы. Показная сторона – на первом месте. Уйдя за кулисы, тотчас сбавляют свой пафос и жар.

Больше всего болгарин волнуется из-за политики. Политика – это его страсть, которой он предается, как курению опиума.

При бедности духовной жизни в стране, при отсутствии серьезного интереса к науке, при слабой развитости художественного чувства и отвлеченного мышления, политика доставляет болгарину поприще, на котором проявляются его духовные силы, развлекает его от монотонной семейной жизни, преподносит высшие человеческие радости и сильные переживания. Он предается политической борьбе скорее как спорту, нежели исходя из глубоких убеждений.

В политическом споре болгары похожи на петухов, которые в жару схватки забывают все на свете и дерутся до окончательной потери физических сил. Специальных политических клубов в Болгарии очень мало. Но политиканы превращают в них бирарии,

пивницы, – словом все кабаки. Нередко такие споры, начатые в питейных домах, заканчиваются тем, что хозяин, за поздним временем, выталкивает обоих спорщиков за шею на улицу, где они, однако, возобновляют словесный, а иногда и кулачный бой.

Исследователи болгарского характера подметили, что у болгар нет глубоких политических убеждений. Это до некоторой степени правильно. Благодаря азартному характеру, политическая жизнь Болгарии напоминает картину Рембрандта, с резким переходом света и теней; непрерывная смена контрастов, вечный переход из одной крайности в другую, переход шумный как Марица, бурный как Искер, со стрельбой и музыкой. При каждом новом веянии в политике множество заядлых бойцов одного лагеря переходят в другой, сегодня столь же истово кланяются тому, что вчера иступленно проклинали, меняют свои убеждения с такой же легкостью, с какой после объявления войны России переименовали украшение Софии храм Св. Александра Невского в храм Св. Кирилла и Мефодия и исконно-славянское пиво – в бира. В партийных газетах часто печатаются длинные списки лиц, которые перечисляются из других партий в ту, которую обслуживают эти газеты.

Такая склонность изображать из себя перекасти-поле объясняется тем, что программы старых болгарских партий по существу своему тождественны, отличаясь друг от друга лишь деталями, которые ничего не говорят ни уму, ни сердцу простого смертного. Только Коммунистическая партия, с ее новой, стройной, законченной программой, со своим стремлением перестроить человеческое общество на новых началах, является исключением. Переход из нее в другие партии явление крайне редкое.

Благодаря всеобщему избирательному праву и страсти народа к политическим спорам, большинство болгар, даже и селян, не говоря уже о рабочих, худо ли, хорошо ли разбираются в основных вопросах внутренней и международной политики. При спорах с эмигрантами иной болгарский селянин, не говоря уже о рабочих, часто заставлял сознаваться в полном политическом невежестве врангелевских офицеров старой и новой формации.

Сознание своей политической грамотности и многих положительных свойств нации до такой степени взвинчивает некоторых ура-патриотов, что они решаются утверждать: — Болгария хоть мала, но культурна, как Бельгия.

Это заявление слишком гиперболично. От положительных качеств народа до культуры дистанция может быть громадного размера. В стране земледельческой по преимуществу, даже при правительстве, которое называется земледельческим, почти нет знающих агрономов, весьма мало сельско-хозяйственных училищ, обработка земли ведется первобытным способом. Болгары известны, как хорошие огородники; этим делом они занимают любовно, с усердием возделывая под огороды самые неудобные участки земли. При всем том овощи в Болгарии, за исключением разве пипера, далеко неважные, а приличных огурцов нет во всей стране.

Виноградную лозу, вместо того, чтобы опрыскивать раствором медного купороса, кропят в Трифонов день (1 февраля) святою водою, которой вовсе не боится безбожная филоксера.

Не имея понятия о земледельческих машинах, болгарский селянин злаки жнет серпами. Когда казаки, запасшись косами и нанявшись убирать пшеницу, очищали полосы с неведомой для болгарина быстротой, наниматели только ахали и весьма неохотно

расплачивались, считая, что русские их провели при заключении договора.

Впрочем бывалые эмигранты часто и на самом деле проводили материалистов братушек. Особенно спекулянты. Селянин органически ненавидит городские магазины. Бывая в городах, старается купить себе все необходимое на базаре, где процветает разносная торговля решительно всеми товарами. Он думает, что раз базарный торговец, разносчик, не платит за помещение, не берет патента, допускает «пазарлык» (торговаться), то у него можно выторговать дешевле, чем в магазине. Этой слабостью селян очень искусно пользовались мелкие спекулянты из казаков или калмыков, проявивших большой талант в торговом деле. Набрав товар в магазине, они сбывали его селянам по повышенной цене. Нельзя сказать, чтобы эта публика не допускала нечистых приемов при торговле.

– Эй, братушка, продаю кожу, «хубава обуца за жена, за деца»...¹ Настоящая русская, сам из Крыма вывез. Пройди всю Болгарию, такой не найдешь. В воде не тонет, в огне не горит, не кожа, а сталь! – расхваливает базарный торговец обыкновенную дрянную кожу, купленную в Софии или Пловдиве.

Селянин молча, осторожно, как рыба приманку, трогает товар. Предвидит, что заломят втридорога, а в качестве кожи не разбирается.

– Ты не робей, братушка, будь храбрым. Кожа настоящая. Дешево уступлю, нужны деньги, в Россию еду... Оцени-ка, станичник, стоит 200 лев?

Фланирующий по базару казак, тайный соучастник продавца, как бы тоже желая прицениться, внимательно рассматривает товар и вскользь замечает:

¹ Прекрасная обувь для жены, детей.

– Да, кожа отличная, русская... Жаль, что денег мало, всего сто тигров, а то взял бы себе на голенища. Селянина в конце-концов ловят на удочку.

Только жители Габрова, города на пути из северной Болгарии в южную через Шипкинский перевал, слывят невероятными пройдохами, не в пример прочим болгарам. Про их изворотливость и сквалыжничество по Болгарии ходит множество анекдотов.

– Когда у лошадей нет сена, габровцу хоть бы что! Он наденет ей на глаза очки с зелеными стеклами, подсунет корыто с опилками, лошадь ест, думает – сено.

– Почему у габровцев кошки без хвостов? Для того, чтобы меньше выходило тепла, когда ее выпускают через дверь. А то пока она свой хвост пронесет, сколько тепла за это время выйдет!

– Ни еврей, ни грек, ни армянин не селятся в Габрово. Где жить с таким народом, сами всякого проведут.

Народной темнотой селян пользовались не только русские спекулянты, но и шарлатаны всякого сорта. Один, например, составил себе капитал, выдавая себя за военного фельдшера, хотя никакого представления не имел о медицине. Другие гадали на картах: болгары любят «врачуване» (гаданье). Некий русский интеллигент Кошеляев, сам того не желая, превратился в настоящего оракула. Он служил близ Варны сторожем при орудиях крепостной артиллерии и однажды, шутки ради, нагадал солдату болгарину, что того ждет и радость и горе. Через два дня солдат снова заявился, хотя с разбитой скулой, но радостный.

– Хубаво врачувал,¹ братушка, хубаво. Пришел от тебя в батарею, командир дал отпуск: это радость.

¹ Хорошо гадал.

Пришел домой – на кулачном бою глаз подшибли, это горе. Хубаво врачувал.

– Александр хубаво врачуват! – скоро разнеслось по окрестностям. К сторожке новоявленного прорицателя потянулись из деревень вереницы гагавузов. Явился раз даже путейский чиновник, у которого в доме случилась кража. Зная, что у чиновника ютятся русские, и чтобы отвлечь подозрение от соотечественников, оракул погадал, что воры пришли с другой стороны Балкан.

При всем этом образование в Болгарии даровое и обязательное, средние учебные заведения не только в городах, но и во всех значительных селах. Зажиточные люди посылают своих детей учиться за границу; однако, европейски образованных людей мало в Болгарии, хотя многие титулуются «докторами» (учеными). Заграничные учебные заведения щедро дают болгарам дипломы без серьезной проверки их знаний. Иностранцы, мол!

Болгары – большие демократы; у них никогда не существовало деления людей на черную и белую кость. У министра родители бывают простые селяне. Во вкусах и привычках простонародья и интеллигенции нет особой разницы и нет отчужденности одних от других. «Чорбаджия» или чиновник, встретив знакомого бедняка, починяющего мостовую, не стесняются поздороваться с ним за руку или пойти с ним за компанию в бирарию, невзирая на его ужасный наряд. Можно смело сказать, что у болгар полное отвращение к сословиям, титулам, орденам, мундирам. Это неприязненное чувство идет со времен турецкого рабства, когда среди них только шпионы или предатели имели какие-либо знаки отличия. Тщетно Фердинанд Кобургский пытался создать у болгар аристократию, возвеличивая более угодных ему людей до положения дворянства,

начав награждать чиновников орденами и т. д. Народ все равно остался врагом всяких погремущек и отличенных прислужников трона. В настоящее время чиновники стараются ходить исключительно в статской одежде, форма же военных тоже потеряла излишний блеск.

Отсутствие кастовой розни не допустило развития в душе болгарина явного подбострастия и скрытой ненависти к чисто одетым людям, – как это замечалось в России до революции, когда простолюдин видел во всяком интеллигенте ненавистного ему барина.

– Ништо, ништо, Иване, още малко поработишь, и пак станеш на старото место!¹ – утешительно говорили болгарские рабочие русским интеллигентам, взявшись за физический труд.

И при этом никакой насмешки, ни намека на злорадование.

Сердце братушек не злобное.

¹ Ничего, ничего, Ваня, еще немного поработаешь, и опять займешь старое место.

VI

ГАЛЛИПОЛИЙСКИЕ ОРЛЫ

Стамболийский и Шатилов договорились.

Не в артелях русских рабочих, проклявших свою прошлую связь с русской контр-революцией и рассеявшихся среди братского народа в поисках мирного труда, нуждалось в это время болгарское правительство. Наблюдая глазами, широкими от страха, рост коммунистической партии, ее дисциплину и влияние на низы, оно с неохотой впускало в страну таких потомков своих освободителей, которые по своему душевному состоянию в данный момент скорее могли усилить левый сектор оппозиции, нежели противодействовать ему. В Болгарии отлично знали, что в Сербии, при восстании в 1919 году коммунистов, русские военнопленные, оставшиеся в наследство от Австрии во вновь приобретенных землях, немало испортили крови Пашичу и его министрам.

Агенты Врангеля в таком именно освещении представили Стамболийскому «дудаковские банды», вывезенные с Лемноса. Вместе с тем они нарисовали радужную картину благоденствия земледельческого правительства, когда в Болгарию придут железные кадры галлиполийцев, этих испытанных борцов против

коммунизма. Грозный облик последнего, по их авторитетному мнению, уже стоит перед Болгарией и готов превратить ее в пепелище и развалины, как это он сделал в России.

Русские белогвардейцы всегда преуспевали в запугивании Европы страшной коммунистической опасностью, рисуя ее в виде нашествия Аттилы или Мамаю и выставляя себя постоянным стражем европейской цивилизации. Краснов в конце 1918 года требовал помощи от Антанты, только что победившей Германию, предвеляя, что, в случае неподдержки Европой донского мятежа, Красная армия в 1920 году будет сражаться уже не на берегах Хопра и Медведицы, а на берегах Рейна. Врангель в своих бесчисленных апелляциях ко всему цивилизованному миру указывал на ту величайшую глупость и несправедливость, которую проявили французы, допуская распыление его армии. Дескать, только благодаря ее подвигам Антанта получила возможность спокойно взыскивать потери и убытки, понесенные в мировую войну. Другими словами, – не начини белые генералы мятежа, победителям не удалось бы до нитки обобрать побежденных. Дальше этого чистосердечного признания в своем «рыцарстве» некуда итти.

Шатилов впоследствии получил от Врангеля благодарность в приказе за свое усердие по водворению остатков «русской» армии в балканские государства. Надо отдать ему справедливость, он сумел втереть очки болгарам, расхваливая свой галлиполийский товар.

Стамболийский в это время был совершенно прижат к стене. Болгарской армии почти уже не существовало. В добровольцы решительно никто не записывался. В стране, воевавшей с 1912 года, у народа, хотя и азартного, но не воинственного, чувствовалось отвращение к войне. Притом даже и любителям военного ремесла

вовсе не улыбалось законтрактовать себя на 12 лет. Такое условие для поступления в болгарскую армию выработали победители. У них была определенная цель: не допустить военного могущества болгар. Иностранцев-кондотьеров же нанимать не разрешалось.

Всякими правдами и неправдами правительству удавалось отдалять срок роспуска остатков наборной армии. Союзники зорко следили за выполнением болгарам мирного договора, и их терпению приходил конец. Пришлось начать роспуск наборных солдат. Добровольцы не прибывали. Казармы пусты. Осиротелые дворы, никем не убранные, покрывались мерзостью запустения. Орудия ржавели. Мертвая рука поражения витала над развалинами армии Фердинанда, когда-то страшной балканским народам. Большой иронией веяло от развешенных по казарменным стенам плакатов с надписью, призывающей к реваншу:

– Македония, Добруджа и Моровско чекат свои освободители.¹

В конце-концов обе стороны учли интересы от взаимного сближения, и сделка состоялась.

Сидящий между двух стульев, когда один стул выбивается из-под ног, старается найти опору в другом. Заклятые «враги» капиталистов, не имея никакой опоры в городах, где активный элемент – низы настроен коммунистически, ничего лучшего не нашли, как опереться на галлиполийских орлов, имевших «меч в руке, крест в сердце» и корону Романовых за спиной.

О каком-либо формальном договоре между вождем русских кондотьеров и как-никак, но номинально суверенным государством не могло быть и речи. Однако стороны выработали известные кондиции. Сущность их

¹ Македония, Добруджа и Моравия ждут своих освободителей.

сводилась к следующему. Контингенты Врангеля вступают на территорию Болгарии без оружия, но в виде воинских частей, с сохранением воинской дисциплины и своей военной юстиции. Болгарское правительство предоставляет им казармы своей несуществующей армии, но содержатся они на счет Врангеля, который заблаговременно вносит в болгарский национальный банк сумму, достаточную для прокормления контингентов в течение года. Войска Врангеля не должны вмешиваться во внутренние дела государства, болгарское же правительство не вмешивается во внутренний распорядок врангелевских частей.

Это соглашение болгарским правительством нигде и никогда не опубликовывалось. Для широкой публики врангелевцы были несчастные русские беженцы.

Французы, чтобы скорее избавиться от обузы, не препятствовали болгарам принимать врангелевцев в виде организованной массы. Они всячески стремились сбыть с рук армию Врангеля, чтобы не кормить ее, но окончательное уничтожение ее не входило в их расчет. Французский капитал хотел все время держать над пролетарской Россией если не Дамоклов меч интервенции, то хотя бы кусок ржавого белогвардейского клинка.

Французы далеки были от мысли считать армию Врангеля международным жандармом капиталистической Европы. Они отводили ей роль бродильного грибка, способного вызвать в Советской России болезнетворные явления. Так как советы не думали капитулировать перед европейским капиталом, то и Франции было бы совсем нелепо отказываться от одного из средств борьбы с ними.

Существовали и другие причины, побуждавшие французов не мешать сделке Стамболийского с Врангелем.

Усвоив взгляд на Врангеля, как на своего слугу, французское правительство рассматривало переброску уцелевших врангелевцев в Болгарию как водворение в эту побежденную страну своей полицейской стражи, которая будет держать в должном респекте как болгарских ура-патриотов, склонных к реваншу, так и болгарских сторонников мировой революции. Поэтому французы не стеснялись врангелевцев везти с собой и оружие, правда, для приличия обмотанное в одеяла. Открытое вступление иноземной вооруженной силы на территорию Болгарии могло слишком задеть национальное чувство болгар, в особенности сильно встревожить коммунистов.

Эшелоны «несчастливых русских беженцев», сведенных в войсковые единицы, начали прибывать в Болгарию с середины августа 1921 года.

Доживая последние дни в Галлиполи, они соорудили памятник-пирамиду в память своих товарищей, окончивших свое земное поприще на полуострове. Постройка происходила чисто по-кутеповски. Каждому воину вменялось в обязанность принести по одной плите. Каменоломни находились далеко, верст за 10, но из-за этого дело не остановилось. Орлы для памятника своим братьям ограбили могилы турок, покрытые плитами. Град жалоб посыпался со стороны турок; маралась бумага для производства дознаний. В результате виновных в похищении могильных плит не обнаружили, а пирамида была выстроена. Галлиполийцы увековечили память о себе среди местного населения.

Первым прибыл в Болгарию «Дроздовский полк», остатки знаменитой дивизии дроздов, которую в Крыму белые называли каретой скорой помощи. Тогда и теперь дроздами командовал молодой Туркул, с головокружительной быстротой, чуть ли не в один год, превратившийся из вольноопределяющегося в генералы. Этот

типичный кондотьер, грубый, беспринципный, не верил ни в бога ни в чорта, презирал и монархию и республику, пролетариат и буржуазию. Для него имели значение только разгульная жизнь, безудержный произвол – «моему ндраву не препятствуй» и боевые потехи. Он, бесспорно, был храбр, а еще больше жесток.

Дело извлечения коммунистов из общей массы пленных красноармейцев у него стояло на должной высоте. К чести красноармейцев, они никогда добровольно не выдавали ни своего комсостава, ни политруков. Туркула это не смущало. Отобрав нескольких подозрительных пленников, он заставлял их указывать коммунистов, грозя, в противном случае, немедленно расстрелять их. Для большей острастки кой-кого и приканчивали. Перепуганные пленники, идя по рядам своих товарищей по несчастью, тыкали пальцами, куда попало. Новоявленных коммунистов выводили из строя и в свою очередь требовали указать, каких коммунистов знают они среди пленников. В результате подобных опытов случалось, что 25 % всех дроздовских пленников уничтожались во исполнение приказа Врангеля разделяться с «активными коммунистами» на месте. Иных забивали насмерть шомполами, других травили собакою доблестного вождя дроздов.

До какого исступления доходил ген. Туркул, можно судить по следующему факту. Один военнопленный мальчик, всматриваясь в лицо унтер-офицера из свиты Туркула, заявил, что этот дядя служил у красных и занимал должность политрука. При опросе унтер-офицера оказалось, что он, действительно, когда-то служил в Красной армии взводным командиром, попал в плен к белым, добровольно вступил в ряды дроздов, исправно нес службу и даже отличился в боях. Невзирая на слезные просьбы всей роты, во главе с офицерами, Туркул распорядился немедленно расстрелять несчастного.

Этот кондотьер вполне усвоил правило сурового Септимия Севера, когда-то поучавшего своих детей: «любите солдат, награждайте солдат, будьте сами солдатами, и тогда можете презирать весь свет». Окруженный небольшой горстью преданных ему головорезов, он, действительно, плевал ва всех, до своего комкора Кутепова включительно. Кутепов, взбешенный его своеволием в Галлиполи, хотел было его арестовать, но обжег руки. Туркул в свою очередь замыслил было свалить Кутепова, но тоже разбил лоб. Коса нашла на камень.

Вместе с дроздами, помимо Туркула, прибыла еще плеяда генералов, по преимуществу людей молодых, отчаянных сорвиголов. Тут был ген. Витковский, гвардейский «Жоржик», с идеологией кавалергардского корнета времени Николая II-го; безрукий «чорт» Манштейн и его отец-старик, произведенный Врангелем в генералы за заслуги сына. Полковникам, подполковникам, капитанам среди галлиполийцев не было числа: быстрым чинопроизводством белые вожди подбодряли дух воинов. В белых армиях каждый солдат носил в своей английской сумке полковничьи погоны, каждый офицер – генеральские.

В настоящий момент по своему мирозерцанию и настроениям галлиполийцы представляли пеструю толпу. Тут наряду с немногочисленным старьем, считавшим свое нахождение в армии Врангеля продолжением службы царю и отечеству, рельефно выделялся тип «добровольца», убежденного врага большевиков, к числу которых он относил и Милюкова, и Савинкова, и петлюровцев, и грузин, и эс-эров, и казаков, и всех, кто не состоял в Добровольческой армии. Этого сорта люди считали только одних себя призванными уловлять вселенную. Подобная закваска добровольческого

сепаратизма родилась в штабе Деникина тотчас-же после Ледяного Похода, когда участники его, особенно ехавшие в обозе, уже считали себя Миниными и Пожарскими. Теперь этот символ веры исповедывало небольшое число, по преимуществу, первопоходников¹.

Все они чувствовали, что для них, запятнавших себя жестокими расправами с пленными, не может быть прощения от большевиков, которых они по инерции продолжали считать врагами рода человеческого. «Вешать всех» – единственный девиз этих патентованных врагов коммунизма, слепых сторонников Врангеля, которого они считали таким же идейным противником советской власти, какими были сами.

Более многочисленную массу галлиполийцев составляли люди без руля и без ветрил, готовых за кусок хлеба служить где угодно, кому угодно и когда угодно. По социальному положению это была внеклассовая интеллигенция и полунинтеллигенция, по возрасту больше молодежь из бывших студентов, кадет, гимназистов, юнкеров, прапорщиков. Сюда же примыкали и старые царские солдаты, мобилизованные из числа пленных красноармейцев, которым больше нравилось подчиняться «их благородиям», хотя бы и полуграмотным соплякам, но в золотых погонах, нежели вихрастым, аляповатым, от станка и сохи взятым своим же братьям красным командирам. Эта вторая категория галлиполийцев не имела ни своей воли, ни склонности работать, и большинство ни даже своего угла в России. Гражданская война их окончательно выбила из колеи, погубила их юные души. В России им, профессионалам этой войны, делать было нечего. За Врангелем они

¹ Участники похода Корнилова по Кубани (Ледяной), Дроздовского с румынского фронта на Дон и Попова (донцы) по степям.

шли вовсе не потому, что он был их стягом, а просто плывя по течению и находя известное удобство жить в стаде, где не надо о себе заботиться, – на то есть начальство. Лишний кусок сахара закрывал им в Галлиполи глотки, когда они начинали роптать на голодный паек; обещание скорого нового похода, которым их обманывали и который сулил им «зипуны», хороший стол, разгул и веселье, заставляло их терпеливо переносить голод, холод, скуку изгнания. Какой поход в перспективе, все равно. Французов ли бить или большевиков, греков, румын, болгар – безразлично.

Наконец, в Галлиполи зародилась оппозиция.

Кутеповский корпус, между прибытием в Галлиполи и перемещением в Болгарию, сильно сократился. Многих выкинули, иные сами успели перейти на положение «гражданских беженцев», т.е. порвали связь с армией. Эти бывшие добровольцы частью уехали в Бразилию или даже в Россию, или расползлись по Балканам наподобие казаков, перебиваясь как придется. В июне 1921 года весь наличный состав «армии» Врангеля окончательно закрепостили; от всякого была взята подписка о том, что он обязуется подчиняться всем военным законам. С течением времени оставшиеся тоже начали прозревать, трезветь от кровавого угара и задумываться над своей будущей судьбой. Иные из них начали вслух высказывать протест против существования армии за границей; другие действовали исподтишка.

В Кутепии, с самого начала ее водворения в Галлиполи, всякое вольномыслие каралось расстрелом. Не мало горячих голов нашли вечный покой в долине Роз и Смерти, на берегах речки Буюк-Дере. Осторожные протестовали по-иному. Когда при пьяной встрече нового 1922 года в палатке Туркула его свита грянула «Боже,

царя храни», затрещали выстрелы и несколько пуль провизжало над головами пирующих. Этой стрельбой голодные низы выражали протест и против генеральского пьянства, и против столь дорогой русской белогвардейщине монархической идеи. Виновники остались необнаруженными. Неведомая рука украшала цветами могилу полковника Щеглова, расстрелянного за открытое заявление о том, что подлинная русская армия есть Красная, а не галлиполийский сброд.

В страшной Кутепии, то и дело оглашаемой воплями страдальцев за сладкую мечту о родине, нашлись и зрели силы, способные заявить протест против белогвардейского мракобесия. В Галлиполи они не могли объединиться и свергнуть со своего горба генеральское ярмо, так как терялись среди безголовой стаи орлов, бездельной молодежи, оторванной от родной почвы, превратившейся в блуждающих метеоров. Поле деятельности для оппозиции этих элементов открылось в Болгарии.

Таким образом, в массе своей галлиполийцы представляли из себя профессионалов гражданской войны, – как говорили о них даже их идеологи – незаменимых в военной обстановке и опасных во время мира. Недаром впоследствии Ллойд-Джордж заявил: «Мы не поддерживали армии Врангеля и жалеем ту страну, которая даст ей пристанище». В Галлиполи кутеповская дубина тяготела над их головами, и они, сжатые в тиски, сохраняли видимость армии.

Варненские беженские верхи заволновались, узнав о предстоящем прибытии тех, кто может защитить их и от болгарских коммунистов и от «дудаковских банд». Полк. Бехтеев, политический агент Врангеля в Варне, официально же называвшийся помощником уполномоченного Красного Креста, теперь набрался храбрости.

Когда «дудаковские» казаки сильно наседали на него, требуя и себе американские подарки, вопил:

– Прочь, большевики! Вот подождите, подъедут добровольцы, приберем вас к рукам... Недолго вам осталось безобразничать.

– Посмотрим! – отвечали казаки. – Это вам не Крым.

Однако тень беспокойства промелькнула по казачьим лицам.

Ненавистная Доброволия опять висела Дамокловым мечом над их головами.

Наконец долгожданные гости прибыли в Болгарию.

Эмигрантские верхи Варны, не видя галлиполийцев, имели преувеличенное представление об их количестве, дисциплине и настроении. Теперь они несколько разочаровались, встретив не бравых русских витязей, а оборванных рыцарей печального образа, с тупым, бессмысленным взглядом, равнодушных ко всему, кроме белого хлеба, свежих овощей и спиртных напитков. Орлы механически строились в ряды и еще быстрее превращались в бесформенную, оголтелую, сквернословящую толпу.

Тем не менее широковещательный адрес, творение отца Слюпина, был прочитан:

«Вы наша гордость, вы наша надежда на светлое будущее!» – гласил он.

Но после неприятного первого впечатления эти бодрящие слова приторно-слащавого поповского произведения звучали уже неискренно.

Под адресом, для усиления эффекта, стоял перечень приветствующих учреждений. Кого-кого тут только не было! Русское консульство, военный представитель, Отделение Красного Креста, Земского Союза, Союза городов, Русский дом, Русский приход, Комитет бойскаутов, Сестричество при Русской церкви и т. д., до

30 наименований. В действительности же во всех этих учреждениях действовала одна и та же кучка, ничего общего не имевшая с широкими массами беженства.

Болгарские власти не только не приветствовали «дроздов», прибывших в первую очередь, но даже воспретили им устроить парад на соборной площади. Необходимость требовала подчеркнуть перед болгарским обществом частный, чисто беженский характер остатков армии Врангеля. Болгарские офицеры даже не отвечали, когда врангелевцы козыряли им при встрече.

Однако не таковы были врангелевские генералы, чтобы не поафишировать перед братушками стальных галлиполийских рядов. Они вступили в город с музыкой, отслужили молебен в русской церкви, выслушали приветствия и парадировали. Только не сверкали на солнце штыки винтовок, которые прятались в одеялах. Болгарские жандармы для проформы предъявили требование выдать оружие и получили дюжину старых, испорченных ружей.

Со следующим эшелонам, примерно через месяц, в Болгарию прибыли с о. Лемноса остатки донского корпуса – три тысячи еще неуспевших разбежаться казаков. Их теперь свели в два полка: Каледино-Назаровский и Платовский, тот самый, который однажды уже чуть было не прибыл сюда вместо «дудаковской банды», но не по доброй воле возвратился с полпути.

Врангель и вожди всероссийской реакции не доверяли казакам. Как-никак, это была черноземная сила, а не профессионалы гражданской войны. Между казаками и добровольцами всегда лежала громадная пропасть. Казачьи политические деятели, порождение 1917 года, склонялись к народоправству эс-эровского толка. Руководившие политикой Добровольии обломки старой русской государственности в лучшем случае

мирились с программой правых кадетов. Одни опирались на широкие массы казачества; другие на армию кондотьеров. Идейные вожди казаков, закончив свой путь политического недомыслия, постепенно прозревали и исподволь готовились к примирению казачьих масс с новой русской жизнью. Обломки старой государственности, заняв непримиримую позицию, тупоумно бились до конца за сохранение за границей живой силы, с которой можно сделать еще одну попытку спасти «святую», «единую» и т. д.

Даже казачьи военачальники заклеили себя предательством. В Крыму Врангель схватил и предал суду командующего Донской армией ген. Сидорина и начальника штаба ген. Кельчевского за то, что они придерживались соглашательской политики с большевиками.

За границей даже так называемый донской атаман Богаевский, врангелевский Санчо-Пансо, иногда начинал блудить и заговариваться под влиянием милюковского приспешника В. А. Харламова¹. Правда, он очень скоро шел в Каноссу и снова раболепно припадал к ногам своего паладина.

Невзирая на все это, главком и его вдохновители не могли отмежеваться от казаков, этих вечных предателей, как их расценивали в ставке. Как чего ни говори, – это был народ, не беспочвенные кондотьеры, а вооруженный народ, в свое время добровольно взявшийся за оружие. Отмежевание казачества от добровольческой армии лишало последнюю всякой, даже формальной связи с народной почвой и воочию изобличало ее кондотьеризм. Без казаков ее престиж окончательно рухнул бы в глазах тех мелкобуржуазных

¹ Член Госуд. Думы всех созывов; в 1917 году – комиссар Врем. Правит. в Закавказье; в 1918–1919 гг. – председатель Донского Круга.

иностранных кругов, которые считали армию Врангеля действительной выразительницей идеалов и чаяний русского народа.

Все эти соображения заставляли Врангеля, повесившего в 1919 году члена кубанской рады Кулабухова и грубо расправившегося в 1920 г. с донскими генералами, дорожить именем казачества. Ради этого он охотно прощал своему лакею Богаевскому его мимолетные увлечения по легкомыслию либерализмом и, стесняя сердце, распространял свою ласку и свои щедроты на те крошечные казачьи группы, которые еще не расплылись за неимением подходящего случая.

Наконец, зимою в Варну прибыли последние галлиполийцы. Тут был корниловский полк, корниловские ударники, имевшие на рукаве нашивку с изображением черепа с костями и надпись «корниловцы». Это украшение дало тему для двустишия:

Кто расписан, как плакат?
То корниловский солдат.

Затем прибыли марковцы, артиллеристы, военные училища и знаменитый штаб 1-го (добровольческого) корпуса. Кутепия, таким образом, полностью перекочевала в Болгарию. Очень скоро ее железную пяту почувствовали русские люди, которые уже стали забывать в свободной стране братушек добровольческие порядки.

В Варне, первом городе, где временно остановился штаб, появились объявления Кутепова о назначении русского начальника гарнизона и коменданта. Вывешенный на улицах, этот приказ произвел весьма странное впечатление на болгар и гнетущее на русских. Болгары, независимо от партийной принадлежности, начали вслух высказывать недоумение, какие же эти несчастные беженцы, о которых говорило их правительство? Они вовсе не походят на тех, кто ищет работы, как

казаки, и скорее напоминают войско, которое при этом обнаруживает тенденцию хозяйничать в их стране.

Русские низы с ужасом ожидали насилий, хамства, дебошей со стороны тех, кого верхи колонии называли своей гордостью и надеждой на светлое будущее.

Ожидания не замедлили сбыться.

В городе замелькали патрули. Окруженный ватгой офицеров при револьверах и пашках, «комендант» города полковник Де-Полини расхаживал по улицам, грубо хватал всех русских, сохранивших в одежде остатки военной формы, и отправлял их под конвоем в комендатуру. Там их опрашивали, стараясь установить, не дезертировали ли они из 1-го корпуса.

Дезертирство, действительно, началось со времени прибытия первого эшелона. Добрая половина дроздов, узнав, что в Болгарии нет паспортной системы и нет никаких ограничений в передвижении, разбежалась в первый же день по высадке. Кутепов распорядился изловить всех беглецов. Де-Полини старался.

Мирные русские люди уже привыкли чувствовать себя под охраной болгарских законов. Но теперь они увидели, что для галлиполийцев не существует никаких законов и с момента прибытия поборников «права и законности» опять почувствовали себя бесправными белыми рабами. Де-Полини хватал их сотнями, тащил и запирали в чуланы.

Болгарские граждане с изумлением и возмущением наблюдали дикие сцены ловли русскими в погонах русских без погон. Эмигрантским низам, одетым почти исключительно в остатки военной одежды, ничего другого не оставалось, как сидеть дома, лишаясь заработка, или выходить на улицу, но одетыми до потери облика русского человека. Иные казаки нарядились в турецкие фески, другие бежали в окрестности на виноградники.

Таким братским приветом по отношению к мирным русским людям, вступившим на поприще труда, ознаменовали свое вступление в Болгарию «галлиполийские орлы». Дальнейший их полет показал, сколь буйная стая ворвалась в страну братушек, и кто опаснее для государственного порядка: «большевистски» ли настроенные «дудаковские» банды или патентованные защитники права и законности «железные» галлиполийцы.

VII

ОККУПАЦИЯ

Привыкнув самовластно распоряжаться в Галлиполи, Кутепов и его сподвижники с переездом в Болгарию ничуть не собирались сокращаться, уверенные, что их некому сократить.

В самом деле, возбуждался ли хоть раз протест против их безудержного хозяйничанья на греческой территории? Нет.

Даже французы молчали. Один раз они сделали попытку обезоружить зарвавшихся опекаемых. Кутепову было объявлено, что баталион черных будет маневрировать такого-то числа в таком-то месте; надеялись, под видом полевого ученья, незаметно окружить орлов и отобрать винтовки. Кутепов, однако, в свою очередь сообщил французским властям, что по странной случайности он тоже назначил маневры Дроздовского полка в то же время и в той же местности. Французский комендант прикусил язык.

За границей существовало много общественных организаций для попечения о русских беженцах. Но которая из них возмутилась, когда Кутепов, в виде наказания, лишал солдат и офицеров французского пайка, распространял эту меру и на семьи, или когда

расстреливал солдат за кражу банки консервов и лишь слегка журил генералов, фабриковавших на манер Чичикова «мертвых душ», на которых выписывали в свою пользу тысячи пайков от французов и тысячи драхм из фонда Главнокомандующего? Кто возвысил свой голос, когда 23 сентября 1921 года был расстрелян в Галлиполи ротмистр Успенский, которому предъявлялось обвинение в шпионаже... в пользу Франции?

Французы молча проглатывали пилюлю за пилюлей, которые преподносило им неучливое заносчивое детище. Знаменитый своим ничтожеством ПОК, Политический объединенный Комитет, где заседали социалисты типа Алексинского и Бурцева рядом с ультрачерносотенцами типа Маркова II, расточив море слов по поводу порядков в Кутепии, молчаливо одобрил кровавые галлиполийские расправы.

В глазах узколобого врангелевского сатрапа слабая Болгария представлялась такой же удобной ареной для самовластия, как безжизненный галлиполийский полуостров. Кутепов, его генералы, а с их легкой руки и все их приспешники, равно как и мелкий люд, то и дело повторяли избитую со времени войны 1877–1878 гг. фразу:

– Что такое Болгария? «Наша» Задунайская губерния. «Мы» ее освободили, дали ей жизнь, без «нас» она пропала бы. «Мы» имеем право на благодарность.

И на этом основании хозяйничали в стране братушек так же, как и на Украине в 1919 году. Беззащитность маленькой страны, лишенной армии, подмывала распоясываться зарвавшихся авантюристов. Еще при движении из Варны к местам стоянок начали возникать недоразумения с селянами, которые никак не хотели перевозить бесплатно имущество галлиполийских частей. Кое-где серьезно обсуждали вопрос, не

прибегнуть ли по старой привычке к реквизиции подвод и лошадей.

Всего в Болгарию прибыло врангелевского войска, считая «Гундоровский» полк, подсунутый болгарам в мае 1921 г. вместо артели Сельскохозяйственного союза, немногим более 18000 человек. Хотя значительная доля приезжих разбежалась еще в первые дни, но командиры их не исключали из частей, извлекая значительную выгоду из этих мертвых душ. Затем были случаи, когда разные предусмотрительные «ловчилы» записывались в войсковые части про всякий случай; другие ради того, чтобы сорвать хотя бы смену белья или ботинки; третьи – чтобы проехать бесплатно с войсковыми частями от одного пункта до другого. Их охотно принимали для увеличения списочного состава. В общем, по секретной сводке врангелевского штаба к 12 февраля 1922 г. в Болгарии армию Врангеля составляли 12965 галлиполийцев и 6200 донцов. Они имели 24600 винтовок, 156 пулеметов, большое число патронов, 15 легковых и 10 грузовых машин. Оружие прятали, где только могли, даже закапывали в землю. Там оно, разумеется, приходило в негодность. «В мое распоряжение предоставили 300 винтовок, которые годятся, самое большее, в музей», – писал в октябре 1922 г. ген. Покровский из Варны, где он подготовлял десантную операцию, своему клеврету ген. Боровскому в Сербию.

Солдаты и офицеры, тщательно пряча оружие, помнили наставление высших начальников:

– Будьте вооружены, с вами везде будут считаться и никто не возьмет голыми руками... Могли ли французы сделать нам что-нибудь в Галлиполи?

Эта еще достаточно вооруженная армия разместилась по всем более или менее значительным городам страны. Приказом Кутепова от 2 января 1922 г. № 2 были

назначены начальниками русских гарнизонов: Тырново ген. штаба ген.-м. Штейфон, Разград – г.-м. Быркалов, Свищов (Систово) – г.-м. Витковский, Никополь – г.-м. Зинкевич, Белградчик – г.-м. Пешня, Плевна – полк. Яхонтов, Ловча – полк. Христофоров, Орхание – г.-м. Ползиков, Княжево – г.-м. Градов, Горна Джумая – г.-л. Борисевич, Казанлык – г.-м. Икишев, Пловдив – полк. Савченко, Станимака – г.-м. Эрдман, Н. Загора – г.-м. Казмин, Горно Паничерево – г.-м. Скоблин, Варна – полк. Осипов, Ямбол – Жнов¹.

Приказом Врангеля от 10 февраля 1922 г. № 21 учреждались, сверх общего суда русских войск, особые гарнизонные суды с юрисдикцией военно-полевых судов. Примечание говорило: «В случае расположения русских войск отдельными отрядами (на работах и пр.), такие же суды могут быть учреждаемы и в сих последних». Для расследования более серьезных дел были назначены три военных следователя, полк. Городынский: капит. Волошин, Петриченко и Слисской, которые передавали свои законченные следствия военному прокурору.

Постепенно гости начали все более и более помыкать хозяевами, стараясь занять в Болгарии место отсутствующей национальной армии.

В случае побега кого-либо из русской части командиры стали предъявлять болгарским властям официальные требования о розыске. Местами их исполняли. Так, орханийский околийский² начальник, получив от начальника русского гарнизона в том же городе требование о розыске целого ряда дезертиров, 23 марта

¹ Эти начальники открыто заявляли болгарским властям, что с их распоряжениями они не считаются и слушаются лишь Кутепова.

² Околия – административная единица, соответствующая нашему уезду, только значительно меньшего размера.

1922 г. за №1153 предписал сельским кметам³ и полиции разыскать скрывшихся. Полиция поусердствовала; беглецы были изловлены, доставлены в часть, избиты и преданы суду. В тех случаях, когда болгарские власти отказывались ловить дезертиров, командиры частей требовали задержать их как преступников, укравших казенное имущество.

В Великом Тырнове, древней столице славных Асеновцев⁴, разместился штаб Кутепова со всеми учреждениями. На доме №701⁵ на улице 19 февраля⁶ болгарские граждане не без любопытства читали вывеску на двух языках: «Корпусной Суд первого корпуса Русской Армии. Tribunal militaire du 1-er corps de l'Armee Russe». Этот суд, не считаясь с тем, что на территории Болгарии всем обеспечивается свобода политических убеждений, начал присуждать к расстрелу настроенных по-большевистски чинов армии. В Казанлыке одного капитана или полковника расстреляли.

Начальник «тыла» врангелевской армии, известный жандармский генерал Климович, в полной парадной форме, делал визиты, как равный к равным, представителям болгарской центральной власти. Войсковые начальники по своему желанию совершенно свободно производили обыски и аресты в болгарских домах, где проживали русские. На площадях производилась маршировка. Кутепов и другие генералы разъезжали на изящных автомобилях по стране, устраивали смотры

³ Сельский кмет – старшина; городской кмет – городской голова.

⁴ Асеновцы – основатели второго болгарского царства, столицей которого было Тырново; царствовали с конца XII века до середины XIII.

⁵ В болгарских городах, кроме столицы, нумерация домов общая по всему городу.

⁶ 19 февраля 1878 г. – день подписания Сан-Стефанского договора, обеспечившего Болгарию независимость.

и парады, затемняя своим блеском скромное болгарское офицерство. На вокзалах их встречали вооруженные почетные караулы. По вечерам в частях гремела музыка, устраивались спектакли, концерты и танцы, а по ночам некоторые белые рыцари выходили на большую дорогу по старой привычке «партизанить».

Скоро вихрь жалоб посыпался из разных мест на галлиполийских орлов. В Белградчике лихой марковец гонялся с револьвером за девицей Наталией Велевой. В Ловче капитан гвардейского отряда избил болгарина Марина Нейкова только за то, что тот требовал с него долг. Когда обиженный подал заявление в болгарский суд, начальник отряда в официальном письме, на бланке с царским гербом, предлагал ему свой третейский суд. Сообщая о факте этого насилия, газета «Работнический Вестник» возмущенно добавляла: «Болгария это не царская сатрапия Николая II, где всякий офицер, дворянин и помещик мог избивать и убивать простых смертных русских горожан и крестьян». В Новой Загоре два казачьих офицера избили Ивана Кенева.

В Орхание группа врангелевских солдат и офицеров устроила разбойное нападение и увезла муку. Там же вышло громкое столкновение болгарских судебных властей с кутеповской администрацией. Один врангелевец, не выдержав скорби изгнаннического существования, покончил жизнь самоубийством. Его труп поместили в болгарскую больницу и приставили часового. Болгарский судебный следователь, узнав о происшествии, решил начать следствие, чтобы выяснить, не убили ли покойного в казарме. Когда он явился в больницу и хотел произвести следствие, часовой его не допустил. Возмущенный следователь пошел к начальству и только после настойчивых заявлений ему удалось осуществить свое право. Были случаи, когда

врангелевцы отказывались освободить казармы, необходимые для помещения в них собранных «трудоваков». – «Вообще, – писала одна газета неопределенного направления «Победа», – отмечается много случаев, когда врангелевцы злоупотребляют данным им прибежищем в нашей стране и пакостят интересам граждан».

«Когда прибыли к нам галлиполийцы, – сообщал в газету «Работнический Вестник»¹ корреспондент из Орхание, – они были полны негодования по отношению к французскому правительству, которое насмеялось над их участью. Однако, узнав о том, что Франция продолжает отрицательно относиться к Советской России, они опять стали добрыми приятелями империалистической Франции... У нас они чувствуют себя господами. Устроили свою комендатуру и вывесили над ней царское знамя. У входа стоят вооруженные часовые. Ночью по городу ходят офицерские патрули. На празднике в день рождения царя Бориса 400 врангелевцев, вооруженных винтовками, во главе с ген. Ползиковым явились на парад. Этот генерал хотел подчинить себе и болгарский взвод, но подпоручик Цонов увел своих солдат с парада».

Даже для поверхностного наблюдателя получалась такая картина, что Болгария снова оккупирована русскими войсками, как это было после войны 1877–1878 гг.

От первой оккупации у болгар остались далеко не светлые воспоминания, невзирая на всю признательность к русским за освобождение. Много ударов по самолюбию нанесли тогда братушкам разные русские командиры и болгарские военные министры, назначенные из

¹ № 236 и 237, за 1922 г.

русских генералов, усвоивших взгляд на Болгарию, как на свое поместье. Тогда безудержно хозяйничали Соболев, Эрнрот и барон Каульбарс, теперь дебоширил через своих приказчиков барон Врангель.

– Вы, русские, освободили нас от турок, – благодарим вас за это, но кто освободит нас ныне от вас, русских? – жаловался тогда один из руссофилов, экзарх Антим I, в разговоре с русским дипломатом.

Аналогичные разговорчики начали раздаваться и теперь. Болгарские низы, независимо от политических взглядов, весьма неодобрительно поглядывали на действия орлов. Болгарин по натуре трудолюбив, воздержан в пище и питье, целомудрен и большой скопидом. Прибывшие врангелевцы по своему характеру и наклонностям являлись полной противоположностью ему и возмущали его девственное сердце.

– Какво тука правят ваши руснаци? Защо нищо не работят? Отде те земат пари за живота си? Кой на тех дават? Защо толкоз много пият ракия? Днеска музика, утре музика, вечерьта расходка, нощем гуляй правят... Има ли причина за веселье? (Что тут делают ваши русские? Почему ничем не занимаются? Где они берут деньги для своей жизни? Кто им дает? Почему так много пьют водки? Сегодня музыка, завтра музыка, по вечерам прогулка, ночью пиршества... Есть ли основание для веселья?)

Такие вопросы болгары задавали на каждом шагу своим знакомым эмигрантам.

Присутствие в болгарских городках и селах сотен и тысяч молодых, бездельных, развращенных воинов, из которых добрые 75 % украшали себя офицерскими погонами, крайне вредно отражалось на нравственности болгарского населения. На Туркула и его дроздов больше всего слышалось нареканий.

«Хорошо в Севлиево, – писал во врангелевской газете «Русское Дело» некий корреспондент. – Здесь квартирует «страшный» Туркул и «безрукий чорт» Манштейн!! Здесь старый Манштейн (отец чорта) рассказывает молодежи о том, как он воевал в 1877–1878 гг. Сюда же доносится тлетворное дыхание Генуи и всяких признаний и полупризнаний. Здесь русские, верящие в Россию. Здесь русские, ожидающие своей России».

А вот что писала группа севлиевской буржуазии окружному¹ начальнику:

«Туркулу, его офицерам и солдатам, мы оказали любезнейшее гостеприимство, приняли их в свои объятия. Однако, что говорит Туркул и его люди? Мы стали свидетелями многих сцен: появились раздоры во многих семейных домах, совращают девиц и чужих жен, расторгаются браки, насаждаются венерические болезни, которые наполняют больницы своими жертвами».

Севлиевский же околийский начальник 28 марта 1922 года издал следующий приказ № 31:

«С сегодняшнего дня воспрещаю дамам и барышням посещать квартиры русских беженцев под видом балов, вечеров, а также принимать их ночью в своих квартирах в отсутствие родителей или близких родных. Задержанные безусловно будут отправлены в полицейский участок, где будет составлен протокол для передачи суду и наказанию по ст. 485 Уголовных законов».

Врангелевская пресса слышать не хотела о столах и воплях болгарского народа. Она пела дифирамбы Кутепову и его генералам, рисуя их жизнь скромной, идиллической, полной подвижничества и самоотречения. Галлиполийские воины – это сама святость, чистые Дон-Кихоты.

¹ Округ – единица администр. деления, вроде нашей губернии.

«Там, где живут на подвиге», – озаглавил свою статью о Тырново оракул «Русского Дела» Ксюнин.

«Вместо штаба Гурко в Тырново теперь штаб Кутепова, – писал он. – Дни славы русской армии сменились крестопоклонными днями. Но как тогда при царе освободителе, при Скобелеве и Гурко армия русская творила свой подвиг, так и сегодня крест тяжелый на ней, и незримо каждый день она плетет из сегодняшних терний будущий венок русской славы... За городом, среди дач, за частоколами и плетнями, за рядами густой ветлы, теряется маленький домик, где живет ген. Кутепов. Тот самый Кутепов, про которого писались такие страхи, которым эс-эры пугают своих детей, и в которого беззаветно верят галлиполийцы. Кутепов работает в огороде. С лопатой в руке вскапывает грядки. Напротив, из караула, доносится звук вечерней молитвы. На скамейке около дома сидят два офицера в черных марковских погонах. Комната в этом белом домике на краю Тырново напоминает скиты Оптиной пустыни, куда перед смертью ушел Толстой. Русская армия тоже в скитах живет, ушла от мира и ждет, когда позовет ее народ на новое подвижничество».

В то время как Кутепов, превратившись в Толстого, копал грядки и сажал цветочки, его полуголодные банды, действительно, плели венок русской славы «русской армии». Когда Ксюнин умилялся миром, тишиной и елейной святостью кутеповского гнезда, в этот момент тут же в Тырново, на улице 19 февраля, в доме № 701, военный прокурор полк. Медведев писал: «Чины личного конвоя командира 1-го корпуса, унтер-офицеры Степаненко Василий и Харин Никифор обвиняются в том, что они, по предварительному между собою соглашению, 30 января 1922 года, вооружившись заряженными винтовками, около 23 часов (11 часов

ночи), пришли к дому болгарского подданного Стефана Михова, расположенному в 4 километрах от Тырново, и когда на их стук Михов открыл входную дверь, они вошли в дом и открыто, на глазах Ст. Михова, похитили 4 свиных окорока, стоимостью 900 болгарских левов, а затем потребовали у Михова денег, при чем в ответ на слова Михова, что он человек бедный и денег у него нет, один из названных воинских чинов замахнулся на него прикладом, вследствие каковой угрозы Михов выдал им имевшиеся у него 605 лев».

Много досталось от врангелевцев и коммунистам, для которых наличие остатков армии Врангеля в Болгарии являлось бельмом на глазу. Коммунисты отлично знали истинную цель приглашения авантюристов. Последние и сами не скрывали своего намерения при случае «расправиться со всей большевистской сволочью». В г. Орхание, на общественной вечеринке, один галлиполийский офицер изрядно выпил и полез драться с коммунистом, но был довольно решительным образом эвакуирован из собрания. Защищая «честь офицерского мундира», ген. Ползиков, «начальник гарнизона русских войск» в этом городе, обратился с официальным письмом от 4 февраля 1922 г., за № 452, на имя «председателя коммунистической партии в Орхание» такого содержания: «Предупреждаю лиц, называющихся коммунистами, что, поддерживая строгую дисциплину в своей части и исключая из своей среды лиц, которые не умеют охранять своей чести, мы тем более строго и беспощадно отнесемся ко всякому постороннему, пытающемуся использовать нечистые средства для нанесения оскорбления нашей организации или отдельным ее членам. В последнем случае наши действия будут решительны и предприняты без предупреждения». Впоследствии этот интересный документ был приложен к запросу

коммунистической фракции Народного Собрания болгарскому правительству. «Работнический Вестник» по этому поводу иронизировал: «Пусть это письмо останется в анналах Болгарского Народного Собрания на память о том времени, когда выгнанная из России сволочь превратила Болгарию в царскую Задунайскую губернию».

Больше всего скандалили врангелевцы с коммунистами на работах.

Водворив армию в Болгарию и внося деньги на ее содержание, Врангель все-таки не мог удовлетворить офицеров и солдат как следует. Только командиры корпусов, ген. Кутепов и Абрамов, получали по 6000 лев в месяц (жалованье болгарского министра), солдатам же давали пособие на мелкие расходы 50 лев (стоимость двух фунтов сахарного песку), офицеру, не занимавшему командной должности, – 70 лев в месяц. Чтобы дать возможность черной кости подработать, да кстати подкормить и штабы за счет процентного отчисления с заработной платы, команды желающих работать были определены на постройки шоссе подобно казакам Гундоровского полка.

Не желая и тут умалить свое значение, напротив, стараясь и здесь подчеркнуть свое высокое значение спасителей отечества, орлы работали в погонах и, даже копая канавы и таская тачки, неукоснительно соблюдали чинопочитание. Рабочая армия, а не рабочая сволочь; орлы, снизившиеся до земли, величие подвига которых все должны видеть.

Начальники этих команд зорко наблюдали за состоянием ума и сердца своих подчиненных и не допускали вредного постороннего влияния.

Вот эти-то команды поистине белых рабов, вдохновляемые своими аргусами-начальниками, частенько

вступали в ожесточенные пререкания с болгарскими коммунистами из числа соседей по работе или из технического персонала. По своей горячности, по своей привычке или просто ради озорства орлы от слов очень скоро переходили к делу, бросались врукопашную и одерживали более блестящие победы, нежели в Крыму.

Упоенное этими подвигами врангелевского воинства софийское «Русское Дело» ликовало, заявляя, что части русской армии, рассеянные по Болгарии, содействуют оздоровлению страны, противодействуя коммунистическому засилью. Такое заявление делалось не без задней мысли похвастаться перед болгарским правительством, которое, по всей видимости, было очень довольно духом армии. На такие пустяки, как глухой ропот коммунистов или жалобы обиженных, ограбленных и измученных врангелевцами, Стамболийский и его министры долгое время не обращали никакого внимания.

Земледельческое правительство в эту злосчастную зиму 1921–1922 г. переживало неприятные моменты, оставшись без всякой вооруженной силы в городах, где больше всего гнездились врагов. Осенью 1921 года ушли по домам последние солдаты, служившие по набору. В некоторых частях (напр. крепостная артиллерия) осталось по пять человек на роту или батарею. Некому было следить за исправностью материальной части, равно как и ухаживать за лошадьми. Правительство предоставило командирам частей право нанимать людей со стороны в качестве «надничар» (поденщиков) на должности конюхов, кузнецов, уборщиков, «готвачей» (поваров), даже сторожей при орудиях. Только при полном избавлении солдат-добровольцев от хозяйственных работ можно было производить кой-какое ученье.

Так как «надничары», получая казенную пищу, обмундирование и 600 лев ежемесячно жалованья

(доброволец - 700), имели право, как поденщики, в любую минуту покинуть службу, то селяне охотно нанимались в войсковые части зимою. Число же добровольцев, обязанных законтрактовать себя на 12 лет, не увеличивалось. Учтя это, правительство приказало принимать в «надничары» или эмигрантов (русские, македонцы, добруджанцы) или болгар стариков; болгарской же молодежи предлагалось поступать в армию не «надничарами», а добровольцами.

Множество вольных русских людей, особенно казаков, с радостью нанимались на эту службу. Точно так же и орлы, не выходя из состава армии, следовали их примеру. Начальство весьма поощряло такое желание, так как подчиненные не выходили из сферы их наблюдения, служа у болгар в тех же казармах, часть которых занимали галлиполийские войска.

В конце концов получилось такое впечатление, что горсть необученных болгарских солдат растворилась среди многочисленных врангелевцев. Русские фактически держали в своих руках склады оружия и лошадей и прочий уцелевший инвентарь армии Фердинанда. Легкомысленная врангелевская молодежь без всякого стеснения кричала, что в случае надобности им ничего не стоит воспользоваться всеми военными материалами болгар.

Правительство, скрывая от посторонних глаз свои шаги, всячески покровительствовало военной организации Врангеля. Все запасы обмундирования и даже автомобили освобождались от ввозной пошлины. Галлиполийским частям разрешалось брать продукты из болгарского интендантства, равно как производить закупки по интендантским ценам. Для облегчения закупок к врангелевским генералам прикомандировывались болгарские офицеры. «Русское Дело» не могло

не похвастаться этим фактом, лишний раз подчеркивая государственное значение армии Врангеля и отте-няя роль болгарского офицерства, как служебной силы в руках русских генералов.

Провинциальные болгарские администраторы часто становились в тупик. Никаких официальных приказов об отношении к войскам Врангеля они не получали. В то же время отлично видели покровительственную руку правительства. Более того, некоторые министры чересчур рельефно подчеркивали свое внимание к врангелевцам. 12 февраля в Белградчике Кутепов делал смотр марковцам, которые вышли с винтовками. На смотре присутствовал и министр юстиции Янев, кото-рый обменялся любезностями с Кутеповым. В заключе-ние полк дефилировал мимо их обоих.

При таких условиях околийские и окружные началь-ники действовали, как придет на ум. В то время как севлиевский околийский начальник весьма нелюбезно относился к дроздам и их вождю Туркулу, орханий-ский беспрекословно исполнял требования врангелев-ских генералов о розыске дезертиров.

В общем же врангелевские части могли бы долго сохраниться в Болгарии в виде организованной армии, если бы ее верхи умели щадить национальные чувства братушек и сохранять лояльность в отношении прави-тельства, низы же – уважать личность и имущество болгарских граждан.

Но армия Врангеля была органически неспособна к этому. Недаром она считала себя продолжением ста-рой русской армии, которая была приучена подавлять национальные стремления и среди которой насилие над личностью мирных граждан считалось удалством, убийства их – защитой чести мундира. Старые замашки не могли сулить долгого благоденствия в Болгарии,

даже невзирая на то, что правительство им покровительствовало, смотрело сквозь пальцы на их «шалости» и решительно ничего не отвечало на интерpellацию коммунистической фракции в Народном Собрании от 24 декабря 1921 года. Коммунисты в этом запросе правительству указывали:

«По сведениям, опубликованным самим Врангелем, Болгария допустила 17 000 врангелевцев. Эти войска расквартированы в казармах и лагерях болгарской армии и по всей стране. Факт тот, что эти белые русские войска составляют значительную чуждую вооруженную силу под начальством чуждых Болгарии генералов и чуждого правительства. Эта армия организуется в Болгарии, открывает свои военные училища, создает свою полицию, которая действует самостоятельно и в связи с болгарской. Наконец, у этой армии есть свои военные суды, которые выносят смертные приговоры, приводимые в исполнение на болгарской территории. Одним словом, обезоруженная по мирному договору, Болгария фактически оккупирована чуждыми войсками, находящимися под чуждым управлением».

VIII

АЛЪЯНС

Русские реакционеры, вдохновлявшие сначала Деникина, а затем Врангеля, не могли питать чрезмерной симпатии к земледельческому правительству Болгарии, даже невзирая на оказанное гостеприимство и всяческое покровительство военной организации белогвардейцев. При всей своей соглашательской политике, земледельцы, утвердившиеся у власти, в результате революции, не отвечали вкусам осколков старой русской государственности, расценивавших все, что левее кадет — эс-эров, меньшевиков, савинковцев и т. д. — теми же большевиками, только не успевшими ухватиться за власть.

Болгарская буржуазия рассуждала так же.

До чего идентична везде и всюду буржуазия в своем полном непонимании, умышленном или неумышленном, разницы между коммунистической партией и соглашателями, можно судить по выдержке из болгарской буржуазной газеты «Мир» (орган народно-прогрессивной партии) от 11 июля 1922 г. № 6704:

— Както вече знаем от опит, това (дружбашко) управление се различава от болшевишкото само по това, че вместо да управляват по своему коммунистически

советы, управляват по своему дружбашки, които стоят над державната власт. Друга разлика нема, сущность една – советско управление. (Как уже знаем по опыту, земледельческое управление отличается от большевистского только тем, что вместо управления коммунистических советов управляют по-своему земледельческие советы, которые стоят над государственной властью. Другой разницы нет, существо одно – советское управление.)

При таком тождестве взглядов ясно, что не правительственная партия Болгарии привлекала симпатии вождей русской реакции и белогвардейщины, а правый сектор оппозиции – «черный блок», выразитель настроения городской буржуазии и капиталистов.

Русские реакционеры всех оттенков и всех званий, чисто политические деятели и прогоревшие бюрократы, сановники и мелкая шпана в огромном числе нахлынули в Болгарию, после водворения в ней армии Врангеля, из Сербии, где под крылышком Пашича и под сенью трона Карагеоргиевичей свили себе прочное гнездо обломки старой России. Для верхов русской эмиграции окончательно стерлась граница между этими двумя балканскими государствами, столь враждебными друг другу. Белград стал головой, София сердцем балканской эмиграции, опиравшейся на армию Врангеля, как на свою реальную силу. Междупланетное государство эмигрантов захватило территории обоих этих государств, и в нем царила одна власть – Высшего монархического совета, руководившего и Врангелем. Для отвода глаз Врангель от этого отпирался, заявляя, что его армия внепартийна.

К укреплению мощи этого эмигрантского государства на Балканах и к обезвреживанию его врагов были направлены теперь все помыслы русских реакционеров.

С одной стороны, они искали в Болгарии такую политическую группу, которая исповедует тот же политический символ, что они, чтобы опереться на нее, как о гранитный столб. С другой стороны, они напрягали все усилия, чтобы взять под свое руководство решительно всю беженскую массу, вышедшую из войсковых частей, и таким образом создать на Балканах единый противобольшевистский фронт.

Почти инстинктивно русские реакционеры и болгарские буржуазные партии бросились в объятия друг к другу. Свои очень скоро поняли своих. Тонкости политических программ были забыты. Общность классовых интересов сыграла роль силы притяжения.

Помимо того, верхи русской эмиграции и сливки болгарского общества тянулись друг к другу и в силу многочисленных личных связей. Значительная доля болгарской интеллигенции до мировой войны получала образование в России. Русские инженеры, юристы, профессора, офицеры с академическим образованием, очутившись в изгнании в стране братушек, отыскивали среди болгар своих коллег, и старые связи возобновились. Пришельцы информировали хозяев, сколь ужасны коммунисты, выгнавшие их; хозяева не преминули пожаловаться на нахалов земледельцев.

Информация гостей была очень характерна.

26 февраля 1922 г. Варненская колония праздновала столетний юбилей со дня рождения Достоевского, превратив торжество в сплошное поношение советской власти. Братья-болгары, приглашенные на праздник, из речи лучшего оратора г. Беспятова, лектора «варненских курсов по предметам высших учебных заведений», приобрели следующие сведения о России:

– Там, в Кремле, где покоятся мощи святых угодников российских, недавно Троцкий устраивал черную

сатанинскую мессу с человеческим жертвоприношением. Свидетелем этого был латыш-часовой, который потом рассказал об этом корреспонденту берлинской газеты «Призыв» и был за это расстрелян.

Так как гром рукоплесканий покрыл эти слова оратора, то братьям-болгарам оставалось только поверить им, и они, вероятно, среди восторга толпы не слышали тоже довольно громкого возгласа на русском языке без примеси иностранного акцента:

– Недорезанные буржуи!

«Блокари», т.е. члены партий, входивших в блок, и без того ненавидевшие современную русскую власть, теперь после однобокой, тупой, клеветнической информации, чаще всего переходившей в сплошную фантазию, еще больше воспылали страстью к тем, кто столько лет боролся против коммунистов. В свою очередь они постарались внушить русским реакционерам ненависть к земледельцам, почти тем же большевикам, ненадежным союзникам армии Врангеля, разбойникам, мошенникам и деревенским хамам.

В результате получился трогательный альянс между болгарской буржуазией и верхами русской эмиграции. На первых порах это было естественное сближение, но постепенно оно начало скрепляться политическим цементом. Черному блоку счастье само лезло в рот, и с его стороны было бы непростительной ошибкой отказаться от политического союза с руководителями единственной вооруженной силы на территории Болгарии.

Раньше всех это учла народно-прогрессивная партия «народняци», ультра-реакционная, ультра-шовинистическая партия банкиров, ростовщиков, бывших лакеев болгарского и русского дворов. Свое происхождение она вела от тех ослепленных культом царской России болгарских интеллигентов, которые не видели

для Болгарии другого счастья, как ходить по указке русского самодержца, наследника кесарей Востока. В конце владычества грозного руссофоба Стефана Стамбулова¹, ставшего в тяжесть Фердинанду Кобургскому, эта политическая группа консерваторов-руссофилов, во главе с доктором Стоиловым, образовала в парламенте «опозицию его величества», ведя борьбу против диктатора под руководством дворца. После падения Стамбулова, вскоре затем убитого, вожди этой группы дали клятву верно служить Фердинанду и были призваны к власти.

Рожденная на пороге дворца новая партия при крещении ошибочно была названа народной, вместо царской. Доктор Стоилов, принимая бразды правления, гордо заявил, что берет власть во имя права и законности, попранных «блудником и тираном». Первые же выборы воочию убедили болгар, что эти звучные слова не имеют никакого содержания. Все правительственные навыки Стамбулова «народняци» восприняли целиком, и даже кое в чем усовершенствовали их. Во имя «права» шайки наемных хулиганов гасили свечи в собраниях враждебных правительству партий, во имя «законности» они врывались в заседания Народного Собрания и заставляли проводить желательные правительству законы. О народе народная партия заботилась весьма оригинально. Налоги косвенные возрастали до предела в целях «здоровой финансовой политики»,

¹ Видный болгарский политический деятель, ставший у власти после низвержения первого князя Болгарии Александра Батемберга (1887 г.). После избрания Фердинанда Кобургского почти десять лет стоял во главе министерства и фактически являлся диктатором страны. Так как избрание Фердинанда произошло без согласия русского царя, то Россия в то время относилась крайне враждебно к Болгарии. Это, однако, не смущало Стамбулова и он не делал никаких шагов к примирению.

а чтобы рабочие не подняли вопля против этих мероприятий власти, их организации безжалостно преследовались.

После нескольких лет бесславного хозяйничанья во славу Фердинанда Кобургского они пали, но в 1911 году, когда Фердинанду, сближавшемуся с Россией, понадобились старые русские лакеи, снова стали у власти и опять хозяйничали до того времени, пока Кобург не повернул государственный руль Болгарии в сторону Vaterland'a.

Теперь, с воцарением земледельцев, они переживали грустные дни. Но оккупация Болгарии врангелевской армией окрылила вождей «народняцей». Играя на чувствах болгарского народа, вечно благодарного России за освобождение, «народняци» начали рекламировать врангелевский сброд как подлинную русскую армию. С другой стороны, всячески «охаживали» врангелевских генералов. Что касается эмигрантских низов, то «народняци» ценили и их, но лишь как дешевую рабочую силу. «Наши чорбаджи превратили врангелевских солдат в своих лакеев и поденщиков, выплачивая им вдвое ниже против обыкновенной заработной платы. Со штабными офицерами дружат, а солдат эксплуатируют», — сообщал свищовский корреспондент в «Рабочнический Вестник».

Афиширование врангелевской армии, как подлинной русской, началось с прибытия первого эшелона «дроздов». Варненские деды, участники войны 1877–1878 гг., следуя призыву «народняцей», собрались было возле «Русского дома» на парад, но очень быстро раскусили подвох, и для встречи других эшелонов уже не собирались.

Земледельческое правительство, приняв армию Врангеля, как «несчастливых русских беженцев», из

политических соображений избегало чествования врангелевских генералов. Блокари сейчас же указали на это гостям, разъяснив, что от земледельцев им ничего хорошего ждать нельзя, сами же начали всячески подчеркивать свое внимание к вождям прибывшей армии. 9 января в г. Софии вожди «народняцей» – Маджаров, Т. Тодоров и др. устроили в военном клубе в честь ген. Кутепова банкет, на котором присутствовали также представители штаба и дворца. После банкета все снялись в общей группе.

По распоряжению центрального бюро партии ее провинциальные отделы принимали все меры к сближению с врангелевскими командирами и вообще верхами русской эмиграции. Сближение началось на «культурной» почве: провинциальная буржуазия начала на первых порах охотно посещать русские вечера, но пьяные саврасы без узды быстро отбили у многих болгар охоту развлекаться в полковых собраниях. В Орхание директор гимназии заставлял учениц под угрозой исключения являться на культурные развлечения врангелевцев. В Свищове, где короткое время стояли «дрозды», дело обстояло лучше. Туркул на первых порах обвoroжил свищовских тузов. Когда пошли разговоры о переводе полка в Севлиево, группа местных буржуев, во главе с околийским начальником, не разобравшись, как следует, в «дроздах», даже ходатайствовала пред министерством внутренних дел об оставлении полка в Свищове. Отчасти тут играли роль и хозяйственные соображения, а именно: нежелание лишаться дешевых поденщиков. Зато в Севлиево, где Туркул обосновался на продолжительное время, его раскусили хорошо.

Русских инженеров, в массе своей настроенных крайне реакционно, фабриканты охотно принимали к себе на службу, обращая в зорких агентов за состоянием мыслей

рабочего скота – казаков и солдат. Безработных русских генералов влиятельные «народняци» пристраивали куда можно и куда нельзя, порой даже в ущерб интересам болгар. В то время как правительство по бюджетным соображениям сокращало число рабочих и служащих в казенных учреждениях и предприятиях, для русских черносотенцев, по ходатайству чиновников-народняцев, создавались синекуры. В Коммунистическую партию однажды поступила жалоба из Эски-Джумай на то, что в местном инженерстве уволили по бюджетным соображениям «коларя» (обозного), но приняли без вакансии русского инженера. Никаких дипломов от русских не требовалось. Красный Крест, военная миссия Врангеля, командиры полков и даже еще меньшие служебные величины выдавали «своим людям» удостоверения, что такой-то имеет вполне достаточный стаж для занятия той или иной должности. Доверчивые братушки всему верили на слово.

Для более реальной совместной работы с весны 1922 года начали возникать особые общества – «Комитеты Русско-Болгарского Сближения», под председательством болгарских митрополитов или русских генералов. При организации этих комитетов русские верхи обнаружили полную неспособность к сговорчивости между собой, мелкое честолюбие, неумение вести общественную работу. В Варне, где гнездились особенно много русского буржуазного хлама, дело долго не клеилось из-за раздоров русской фракции. Несколько заседаний Комитета прошло в бесплодных спорах русских между собою, так что не удалось даже выбрать президиума. Болгары, откладывая заседания, предлагали русским «да се запознаете» – поближе ознакомьтесь друг с другом.

Деятельность этих комитетов, с которыми широкие слои эмиграции не имели ничего общего, вовне

проявилась в молебнах, приветствиях, речах и банкетах. Какое направление господствовало в этих объединениях черных сил Болгарии и России, видно из такого факта. Когда, наконец, варненский комитет сконструировался и хотел приступить к «деловой работе» в виде чтения докладов, у русской фракции, блиставшей погонями, титулами и чинами, но не образованием, не нашлось лектора, знакомого с историей славянофильства. Пришлось искать такого человека на стороне, и когда выискали, то предварили, что доклады должны быть в строго монархическом духе, – иначе они не будут иметь успеха.

4 марта (по старому стилю 19 февраля) Болгария празднует свое освобождение от турецкого ига, так как в 1878 г. в этот день был подписан Сан-Стефанский договор, закончивший освободительную войну. Народно-прогрессивная партия, как патентованная выразительница национальных чувств, еще задолго до этого дня начала приготовления к празднику. Везде и всюду проектировались собрания, вечера, манифестации с участием «потомков освободителей». Для Кутепова этот день обратился в сплошное торжество. Он, во главе своего штаба, во всем своем величии и блеске, как некогда Гурко, явился на молебствие в тырновский храм св. Николая, затмив своей пышностью решительно всех болгар. После обедни состоялся «народняцкий» банкет, на котором Кутепов присутствовал в качестве почетного гостя. Тут много пролили слез о бедной России, а еще больше вина за ее возрождение под стягом царей. Вечером, на общественном рауте, музыка встретила Кутепова арией из «Жизни за царя», а «народняк» Торбанов держал речь, в которой доказывал, что его партия – наибольшая приятельница армии изгнанников и больше чем кто-либо желает им успеха в борьбе против

большевиков. В Кюстендиле, в Кизил-Агаче и других местах в этот день русских офицеров не только пустили в болгарские офицерские собрания, но даже чествовали их обедом. В Старой Загоре русско-болгарский комитет устроил банкет в честь д-ра Данева, бывшего премьера, друга царской России, и донского атамана Богаевского. Таким образом, по словам «Рабочнического Вестника», праздник «народняцей» оказался торжеством врангелевщины. «В этот день, – добавляла газета, – старая лакейская партия манифестировала пред престолом в бозе почившего Николая II-го в лице генералов Врангеля».

Буржуазная пресса, особенно орган «народняцей» газета «Мир», всячески защищала врангелевцев от нападок коммунистов, помещала опровержения по поводу разных нареканий на белые войска, знакомила болгарское общество с жизнью России со слов суворинского «Нового Времени» и врангелевского «Русского Дела», типичной осважной¹ газеты крымской эпохи.

Не довольствуясь заимствованием информации, болгарские буржуазные партии, сблизившись с вождями русской реакции в Болгарии, восприняли от последних их отношение к современной России вообще. Эмигрантские верхи горячо приветствовали несчастье русского народа – голод, губивший десятки тысяч людей, рассчитывая, что через голод страна скорее свергнет большевистскую власть и припадет к ногам царя.

В Варне, летом 1921 года, агент монархической организации Сепелевенко читал публичные доклады на тему «Через голод и большевизм – к монархии». Если бы от них зависело, заграничные русские черносотенцы

¹ Осваг – осведомительно-агитационный отдел южно-русского правительства, ведавший пропагандой.

готовы были не уменьшать, а усугублять страдания русского народа. Белогвардейская пресса не без успеха указывала иностранцам, зачем оказывать помощь далекой, да притом еще большевистской России, когда под боком тоже голодная истинная Россия – эмигрантская! Румыны чутко прислушивались к таким речам. Русский пролетариат никогда не должен забывать ответа Таке-Ионеску д-ру Ф. Нансену: «Ее величество королева высоко ценит ваши благородные усилия помочь страждущему человечеству и уполномочила меня сообщить, что Румыния не остается безучастной к своим соседям. Около 100 000 несчастных нашли приют и содержание в нашей стране. Несколько тысяч солдат врангелевской армии и теперь еще содержатся румынским правительством».

Болгарская буржуазия не многим отстала от румынской, руководимой своим правительством. В то время как болгарский пролетариат, переживая неслыханную «мизерию» (нищету), ухитрился собрать и отправить в голодающую Россию 2 736 691 килограмм зерна, болгарские фабриканты, друзья врангелевских генералов, увольняли со своих фабрик тех рабочих, которые агитировали за оказание помощи русскому народу. Когда в Болгарию прибыли из Таврической губернии депутаты от тамошних колонистов болгар для закупки хлеба, земледельческое правительство окружило их шпиками, не допуская общения с окружающим миром, а сердобольная болгарская буржуазия не обмолвилась ни одним словом в их интересах.

Более того, самый голод в России болгарская буржуазия использовала так же, как и верхи эмиграции, для противобольшевистской агитации. От них, большевиков, все качества: и голод, и разруха, и все бедствия русского народа; смотрите – вот пример для вас!

Буржуазные партии, с целью противодействия коммунистам во время выборов, начали рассылать по стране наемных людей, которые, выдавая себя за прибывших из России, в самых ужасающих красках рисовали ее положение, взваливая вину на коммунистов. Опровергать этих агитаторов в селах или крошечных городах было некому. Весною 1922 г. провинциальные бюро компартии изобличили двух таких лжесвидетелей, неких Кутинчева и Фаготу.

Русско-болгарское сближение дало свои результаты. Буржуазный блок, руководимый «народняцами», не только вступил в альянс с русской реакцией и белогвардейщиной, но и учился у них провоцировать врагов.

IX

ОБРАБОТКА НИЗОВ

Не совсем хорошо обстояло дело с обработкой низов.

За 1921 год в Болгарию перекочевало из других стран множество всякого сорта русских эмигрантов, интеллигентов и неинтеллигентов, военных и невоенных, занявшихся в Болгарии торговлей, мелкой спекуляцией, службой, а чаще всего – физическим трудом. Улавливание и обработка этих элементов началась при посредстве разных обществ – союза русских офицеров, союза инвалидов, союза студентов и т. д. Во главе этих организаций становились видные представители монархического толка или старые царские генералы, напрягавшие все силы на то, чтобы побольше завербовать офицеров и интеллигентов и окончательно вытравить у них оппозиционный дух. Красный Крест, Земский Союз и т. д. оказывали этим организациям материальную поддержку. Общее число «активных членов различных воинских предприятий и союзов в Болгарии» к 12 февраля 1922 г., как это видно из секретной сводки врангелевского штаба от того же числа, равнялось 1829.

Зато казаки определенно бунтовали. Рассеявшись по всей Болгарии, они работали бок-о-бок с братушками на фабриках, на постройках и ремонте железных

дорог, мостов, зданий и т. д. Не было ни одного уголка Болгарии, ни одной горной щели, куда не забились бы, в поисках заработка, злосчастные жертвы генеральских авантюр и своего политического невежества. Многие нанялись «надничарами» в болгарские войсковые части; около тысячи пристроились в Перникском руднике.

Кадры вольных людей, уже окончательно порвавших с армией, все более и более увеличивались солдатами и младшими офицерами врангелевских частей. Невзирая на козни и запугивания начальств, невзирая на то, что кое-где болгарская полиция ловила дезертиров, бегство из орлиных гнезд стало хронической болезнью врангелевской армии, пересаженной на нездоровую для нее почву. Даже самые неисправимые орлы, и те начинали понимать преимущества свободного труда и при удобном случае спешили расстаться с положением белых рабов, правда, не порывая формальной связи с армией «про всякий случай».

Выбившись из-под начальнического гнета, от влияния информаторов, от воздействия добровольческого уклада жизни и галлипольских понятий, вчерашний врангелевец преображался. Жизнь стояла перед ним во всей полноте, и он изучал ее не под углом зрения воина-профессионала, а свободного гражданина. В полках он читал те газеты, какие ему преподносили начальники и информаторы; теперь он мог читать что угодно. Вынужденный заниматься физическим трудом, он начинал ценить рабочий люд и вникать в сущность рабочего движения. Познав тяжесть труда, он опытом своей собственной спины убеждался в необходимости 8-часового рабочего дня. Противоречия труда и капитала становились перед ним во всей наготе. Из бесед с рабочими-братушками он узнавал, что в глазах трудящихся всего

мира большевизм не разбой, не карикатура, а великое освободительное движение. И тут же он узнавал, что за границей обширные круги общества, не говоря уже о коммунистах, армию Врангеля расценивают просто-напросто как шайку авантюристов, а отнюдь не как рыцарей-патриотов, не как поборников «чести, долга и совести». Наконец, находясь на воле, врангелевец получал возможность сноситься с родными и знакомыми, оставшимися в России. В полках это воспрещалось или во всяком случае не одобрялось. Чтобы отбить охоту переписываться, белогвардейские газеты и информаторы объявляли, что в Советской России расстреливают тех, кто получает письма из-за границы. На воле врангелевец уже смело вступал в переписку с родными, и к удивлению своему узнавал, что Россия не юдоль скорби и адских мук, что жизнь в ней не сплошной кошмар, как пишут белогвардейские газеты; напротив, страна понемногу начинает восставать из-под развалин и пепла; что и там люди живут, женятся, разводятся, служат и крепко стоят на защите октябрьских завоеваний.

Наконец, на работах происходило общение с коммунистами, болгарскими рабочими. Зоологическая ненависть к коммунистам, после более близкого знакомства с ними, начинала рассеиваться. К великому изумлению врангелевцев, ненавистная им партия, которая косилась на них, как воинов Врангеля, взяла их под свою защиту, как только они выступили на поприще труда. В Шумене (Шумле) болгары-старички, служившие «надничарами» в артиллерийском полку, потребовали убавить поденную плату у их коллег по работе – русских, как людей одиноких, и за этот счет увеличить их заработок. Так как просители принадлежали к числу селян, то правительство, ради популярности, удовлетворило

их ходатайство, но коммунистическая партия резко высказалась против такого эгоистического домогательства. «Русские рабочие, – писала газета «Рабочий Вестник», – завлечены сюда генералами ради их кровавых целей, теперь встав на работу, они ваши братья по судьбе, по положению, по своим заветным стремлениям». Коммунистическая партия приветствовала появление на работах даже и организованных врангелевских групп, совершенно правильно рассчитывая, что труд – величайший учитель и что рано ли, поздно ли воинственные прищельцы, взявшие в руки кирку и лопату, поймут правду трудовой жизни.

– «Штабы русских контр-революционных войск, – писал «Рабочий Вестник», – пускают своих солдат в производство, но не выпускают их из рук... При большом кризисе в производстве русские солдаты несут для болгарских рабочих еще большую безработицу, но и сами они испытывают на себе «милости капитала». Их безжалостно эксплуатируют... Думается, что в производстве врангелевский солдат лучше уразумеет свою судьбу. Он может увидеть, что и над его плечами тяготеет ненасытное господство капитала, против которого русские рабочие и крестьяне подняли революционную борьбу. Он может понять, какой он бесправный наемный рабочий, который сегодня работает на капиталиста, а вчера проливал кровь за генерала и помещика; который, не освободившись от рабства начальников, попал в рабство к капиталу, – и какое же страшное преступление совершил он, воюя против своих братьев по положению. В производстве русский рабочий может сблизиться с рабочими организациями; на поприще труда он может стать и солдатом революции... В капиталистическом производстве существуют условия, которые могут сделать русского контр-революционера – революционером».

Все эти мысли подтверждались многочисленными примерами. Сначала врангелевцы и на работах проявляли свои дикие замашки. На руднике Плакальница они вступили в драку с болгарскими рабочими-коммунистами, которые настаивали на том, чтобы отчислять известный процент от заработной платы в пользу голодающей России. Однако скоро они сделались другими, ближе присмотревшись к условиям труда. На этом руднике администрация, считая, что законы о 8-часовом рабочем дне не для нее писаны, задерживала подачу сигнала к окончанию работы. Однажды рабочие-болгары, тцетно прождав свистка около часу, демонстративно покинули работу. Врангелевцы последовали за ними. В селе Вале-Кей, около Бургаса, рабочие-болгары на паровых молотилках Стойчева не поладили с хозяином на экономической почве. Стойчев их рассчитал и выписал партию белых рабов-врангелевцев. Однако последние, узнав, что им уготована роль штрейкбрехеров, отказались работать. Стойчеву волей-неволей пришлось уважить требования рабочих-болгар.

С наступлением весны 1922 г., когда всякий имел возможность легко отыскать работу, врангелевское начальство, предвидя массовое дезертирство, стало увольнять на одиночные работы всех желающих. Такие солдаты и офицеры считались отпускными и обязаны были по первому зову являться в части.

Хуже дело обстояло с «дудаковскими бандами», равно как с беглыми из чаталджинских лагерей. Эти революционным путем порвали всякую связь с частями. Здесь, в Болгарии, они и слышать не хотели ни о каком начальстве и ни о какой новой войне. Между тем казачество, как народ, как черноземная сила, было необходимо для России № 2. Зная, что казаков калачом не заманишь в войсковые части хотя бы только для того, чтобы приписаться

к ним, вожди русской реакции придумали такое средство, которое доставляло им право говорить от лица казачества. В самом начале 1922 года в г. Пловдиве¹ состоялся казенный общеказачий съезд, созданный казачьими правительствами и состоявший из угодных им генералов и полковников. Этот съезд постановил образовать за границей казачьи станицы и хутора, имея в виду основать междупланетные казачьи государства под главенством атаманов, игравших роль врангелевских министров по казачьим делам. Казаки, всегда тяготея друг к другу, а в изгнании в особенности, довольно дружно начали записываться в состав станиц, не без задней мысли выторговать себе от правительства какую-нибудь материальную поддержку. Вскоре же после съезда эти казачьи организации стали возникать во всех балканских странах, но еще скорее обнаружилась полная бесцельность их для низов. Атаманы, захватив в свои руки войсковые капиталы, предпочитали тратить их на собственную вольготную жизнь и на подкармливание своих ближних. Организуя казачьи единения, они вовсе и не думали баловать своих верноподданных подачками, а напротив, сами рассчитывали кое-где подзанять под такое обеспечение, как казачьи головы. Казаки скоро поняли, что от станиц нет никакого проку, и весьма быстро перестали являться на станичные собрания. Но тем не менее юридическое существование этих казачьих единений давало право атаманам расписывать себя перед иностранцами, как старейшин казачьих общин, чем-то в роде Моисея, Аарона и Иисуса Навина, руководящих Израилем во время его скитаний между Черным морем и Ливаном. Донской атаман, богатый более, нежели кубанский и терский, очень искусно

¹ Пловдив – столица быв. Восточной Румелии, впоследствии соединившейся с Болгарией. В древности этот город назывался Филиппополем, каким именем его зовут греки и в данное время.

воспользовался станицами для организации своих агитационных пунктов, превратив, с помощью жалованья, выбранных станичных атаманов в своих агентов. Этим лицам была поручена агитация против возвращения на родину, в пользу необходимости еще раз воевать с Советской Россией и т.д. Орган казачьих атаманов «Казачьи Думы» присылался им из Софии в громадном количестве для бесплатной раздачи казакам. Иногда на подмогу станичным атаманам присылались и специальные агитаторы, иногда в священнической рясе, убеждавшие казаков, что спасение России только во Врангеле и его армии.

Ничто не помогало. Казаки разочаровались во всем и, за отсутствием новых авторитетных вождей, надеялись только на самих себя. Кое-где, как например в Варне, на них оказывали влияние те интеллигентные офицеры, которые, порвав всякую связь с Врангелем, работали бок-о-бок с ними. Казаки высоко ценили этих людей, прислушивались к их голосу и вечно терзали их вопросами: «Что нам делать?» Ответ получили осенью.

Самое страшное, что ни на минуту не давало покою вождям русской реакции, – это возможность массового отъезда казаков в Россию. Случись это, будущая операционная армия Врангеля наполовину уменьшилась бы в своем составе; атаманы лишались ценного материала, под который капиталисты давали им ссуды; Россия № 2 была бы совершенно сконфужена в глазах иностранцев. Еще бы! Ее проповедники столько времени доказывали с пеной у рта, что весь русский народ так стонет под большевистским игмом, что если дать ему свободу, то он немедленно ринется за границу, под священное знамя Рейхенгалля².

² Город в Германии, в котором происходил съезд русских монархистов 1921 году.

В течение 1921 и ранней весной 1922 года кой-каким предпринимателям удавалось время от времени отправлять пароходы из Варны до Одессы. Невзирая на значительную плату, доходившую до тысячи лев с человека, пароходы почти всегда уходили переполненными. Нашлись и бессовестные люди, которые зарабатывали на этом деле, забирая плату вперед и убегая с нею в другие страны. Случалось и так, что пароходы не приходили вовремя, и казаки в ожидании их проедали все до последней американской пижамы, проклиная предпринимателей. Из числа последних у казаков всегда останутся в памяти Константиnidис и Радуцкий, которых они звали Обманидис и Крадуцкий.

В Варне образовывался затор. Люди стремились сюда, а между тем – то не было парохода, то приходил пароход, но не хватало денег на билет. В ноябре 1921 года варненский градоначальник, обеспокоенный наплывом русских, объявил, что все русские, у которых нет удостоверения на право жительство в Варне, будут выселены в Россию. Великое множество русских, благополучно проживавших в городе, бросилось в градоначальство выклянчивать разрешение на право жительство. Толпа запрудила весь двор; все волновались, суетились, рвались поскорее добраться до заветных дверей. Только одна группа казаков не высказывала никакого беспокойства и даже была в довольно веселом настроении.

– Что, станичники, радуетесь? Получили удостоверения, что ли? – спросил их кто-то из чающих движения воды.

– Не получили. Да нам их и не надо.

– Как не надо? Без удостоверения могут выселить в Россию!

– Мы и пришли заявить господину градоначальнику, что у нас никаких удостоверений нет и может его

милость исполнит свое слово, отправит нас в Россию. Мы уже чуть не год ждем в Варне бесплатного парохода, а тут внезапно экое счастье привалило! Сколько на 1000 лев добра для дому накупим. Вот благодетель-то.

Однако ехали в Россию с большим недоумением, не зная, что там ждет. Ехали, стыдливо поглядывая на товарищей, которые оставались и говорили:

– Нет, мы еще поживем, посмотрим.

Еще многих брало сомнение, конченное ли дело врангелевщина или нет. А вдруг не успеешь приехать домой, где тоже неизвестно что ждет, как Врангелю снова развяжут руки и он еще раз ринется на Россию? Тогда уже от него не будет пощады.

Но, конечно, самое главное, что мешало массовому возвращению, это боязнь репрессий на родине. Те, которые уезжали, получали от своих одностаничников наказ немедленно прислать письмо, при этом договаривались об условных знаках, по которым можно было бы судить, опасно или безопасно возвращение. Так, если год, месяц и число впереди письма – можно ехать; сзади текста – нельзя. Если письмо будет написано между линеек – можно ехать, по линейкам – нельзя и т. д.

Агентам Врангеля, Богаевского и К° приходилось развивать усиленную деятельность в Варне, чтобы ухватить казаков за фалды и не выпустить за порог Болгарии. И они работали вовсю. То рисовали, в качестве очевидцев, ужасы о России, то пускали разные «пластинки».

– Слышали, – разносилось вдруг среди казаков, – кто в армии, тем французы выдают полное обмундирование?

– В Русском Доме позавчера говорили: вся заграница признала армию Врангеля! Теперь они покажут фасон!

- Военный представитель сказывал станичному атаману, что в Сербии врангелевские части уже мобилизуются.

- А я, - вмешивается четвертый, - получил письмо из Сербии, там уже им официально объявлено, что врангелевские части в Болгарии мобилизованы. Выходит так: мы их, а они нас мобилизуют.

В конце января 1922 года болгарское правительство назначило в крупных центрах перерегистрацию всех русских эмигрантов, при чем было объявлено, что паспорта будут выдаваться только тем, за кого поручатся военные представители Врангеля. Нет сомнения, что эта перерегистрация была внушена правительству врангелевской военно-политической миссией и что оно согласилось на нее, рассчитывая отсортировать плевелы от пшеницы, обнаружить неблагонадежные русские элементы, за которых представители Врангеля ни в коем случае не дадут ручательства. В этот период земледельческое правительство и крымский авантюрист переживали медовый месяц своего лицемерного союза. С ведома или без ведома болгарских властей - установить трудно, врангелевская миссия использовала эту перерегистрацию в целях мобилизационных. Все, кто являлся к военным представителям за рекомендацией, получали сначала анкетный бланк о прежней службе; последний вопрос, однако не отпечатанный в анкете, но который задавали устно, был таков: согласны ли вы явиться в ряды войск, в случае мобилизации армии, по первому зову Главнокомандующего; при этом предлагалось прописать свой адрес.

Креатура Врангеля, донской атаман Богаевский тогда же разослал в станицы следующий приказ «Все-великому Войску Донскому» от 15 февраля за № 12:

«Невзирая на все невзгоды и тяжелые испытания, русская армия, в состав которой входит неразрывно и донской корпус, сохранила свои кадры. Когда Россия призовет к исполнению святого долга, в ее стальные ряды вольются все, кому дорога честь и свобода родины, все, которые готовы с оружием в руках идти на ее защиту. В этом я не сомневаюсь... Приказываю. 1) хуторским и станичным атаманам немедленно произвести регистрацию по приложенному образцу всех офицеров и казаков, которые хотят зачислиться в списки Донского корпуса; 2) собранные анкеты с ответами на вопросы представить через представителей донского атамана, а где таких нет – через военных агентов. Настоящий приказ подлежит широкому распространению среди казаков, но не в печати».

Начальникам гарнизонов в маленьких городках, где болгарское правительство не назначало регистрации, ген. Вязьмитинов 24-го января разослал следующий секретный приказ: «Согласно предписания Штаба Главнокомандующего, прошу поручить особо назначенному офицеру произвести регистрацию всех военнослужащих, не состоящих в частях армии и находящихся на беженском положении в Вашем районе. Регистрацию надлежит произвести так, чтобы она не имела вида мобилизации. Для болгар сделайте вид, что вы собираетесь решать вопросы, связанные с дальнейшим пребыванием нашим в Болгарии. Регистрацию закончить к 1 марта».

Эта регистрация в явно мобилизационных целях встревожила всех, кто порвал связи с армией. Врангель, видимо, готовился к новой авантюре. Из частей тоже шли сведения крайне воинственного характера. Там уже чуть не днями вычисляли время, оставшееся до выступления в поход. Кутепов всю весну бесперывно

инспектировал добровольческие полки, везде открыто заявляя, что скоро наступит желанный час, когда армия выступит на освобождение святой, великой и т. д.

В марте Софию навестил такой идеолог белогвардейщины и вдохновитель крымской авантюры, как В. Бурцев. Дружески встреченный болгарскими буржуазными партиями, этот тоже-социалист устно на собраниях и печатно в газетах блока заявлял:

– «Болгария должна быть в добрых отношениях с Россией, но, разумеется, не с Советской, которая мимолетное, болезненное явление, а с Русской Россией, с той Россией, которая на каждом шагу напоминает о себе в Болгарии. Эта Россия существует не только в прошлом, но и в настоящем. Эта Россия имеет на Балканах достойных представителей в лице офицеров и солдат Русской Армии. Эта армия в будущем пойдет в Россию, и она, а не большевистская, будет звеном между Россией и Болгарией».

Между тем на мировом горизонте не замечалось ничего такого, что давало бы основание рассматривать новую интервенцию как совершившийся факт. Поэтому не только мирные беженцы, но и сами врангелевские забияки не понимали цели грозных приготовлений. Некоторые думали, что это пустая шумиха, поднятая или самим Врангелем для подбодрения своих воинов, или по приказу французов – для побуждения советской власти к большей сговорчивости в Генуе.

Регистрация, можно сказать, провалилась с треском. Многие постарались от нее увильнуть. Большинство, взяв анкетные бланки на дом, так и не вернули их военным агентам. Одно только старье и тыловые герои высказали горячее рвение и воинственный пыл.

Казаки, – а на них преимущественно охотились, – в регистрации увидели покушение на свою независимость,

попытку опять накинуть на них добровольческое ярмо. Раздались громкие голоса против Врангеля.

– У нас нет профессионалов гражданской войны! – отчетливо прозвучал голос плевненской станицы на призыв донского атамана. Все старания наемного слуги «донского правительства», станичного атамана полк. Крюкова не имели никакого успеха. Станица вынесла постановление против записи в казачьи части (Гундоровский, Платовский и Каледино-Назаровский полки). Почти все прочие станицы высказались в том же духе. Провал был полный.

В районе революционной Варны, переполненном казаками, только двое изъявили желание еще раз сражаться под белыми знаменами. Обеспокоенный таким скандальным оборотом дела, военный агент (представитель) Врангеля полк. Бехтеев явился в собрание донской станицы, где между ним и казаками произошел следующий диалог:

– Чем объяснить, что никто не записывается в армию? – спросил полковник.

– А что у вас за армия? – раздались голоса.

– Как, вы не знаете «русской армии»?

– Слышать-то слышали, да никак в толк взять не можем, за кого она: за царя или за народ.

– Армия должна быть беспартийна.

– Так-то оно так, а все же интересно знать, какой порядок она понесет на место большевистского?

– Об этом будем потом говорить, когда свергнем большевиков.

– Эва! Кто их свергнет, тот и будет наводить новые порядки. Так все-таки позвольте же узнать наперед ваши намерения.

– Сам русский народ определит и форму правления и все прочее. Разве не читали приказов ген. Врангеля,

где он говорит, что эти вопросы решит Учредительное Собрание?

– Не читали. Читали в его приказах о хозяине земли русской, о колокольном звоне, а об Учредительном Собрании, – нет, никогда не читали.

Представитель ушел не солоно хлебавши.

На следующее казачье собрание прибыл священник-агитатор, убеждавший казаков слушаться Верховного Вождя, который даст России богоустановленную царскую власть.

– А ты, наверно, при царе хочешь занять место Распутина; так что ли, батя? – обрезал проповедника чей-то непочтительный голос.

Агитатор в рясе поспешил отрясти прах нечестивого собрания от ног своих.

Казаки определенно начинали бунтовать против белых вождей. Но это были лишь весенние цветочки.

Ягодки появились под осень.

Х

АКЦИЯ КОММУНИСТОВ

Наступление весны в 1922 году не сулило ничего хорошего для русской эмиграции в Болгарии.

Духовные руководители армии Врангеля, русские реакционеры всех оттенков и всех мастей стремились уловить в свои сети всю беженскую массу, духовно закабалить ее, загнать всех русских людей или в казармы или закрепостить их в определенных районах с подчинением врангелевским агентам, одним словом, восстановить военные поселения мрачной памяти царя Николая I.

В низах, добывавших себе хлеб в поте лица своего, в противовес этим козням, назревало совершенно иное направление. Исподволь пробуждалась злоба и ненависть к благоденствующим верхам. Постепенно осознавались ошибки прошлого и рождалось желание остеречься от них в будущем. Чем большую активность проявляли верхи, пытаясь снова накинуть ярмо на низы, тем пристальнее начинали всматриваться на восток, в сторону родины, прояснившиеся взоры еще недавних непримиримых врагов Советской России. Чем туже сжималась петля врангелевского аркана, тем слабее становилась их ненависть к рабоче-крестьянскому правительству. Появление в Болгарии «галлиполийских орлов», принесших

затхлый воздух лагерей, отзвук гражданской войны, намыленную веревку для соглашателей и каленое железо для «красной нечисти», смутило покой людей, мирно работавших подле братушек и начавших забывать ужасы братоубийственной войны. Из оппозиции воинственным замыслам Врангеля низы, сами того не замечая, начинали обращаться в революционеров. Объявление ими войны войне уже почти знаменовало примирение с советской властью. Знамя Октябрьской революции неминуемо должно было взвиться среди эмиграции на полях и высотах Болгарии.

Но и у хозяев назревала борьба.

«Конституционный блок» открыто заигрывал и с вождями русской реакции, и с подведомственной им армией Врангеля не без задней мысли воспользоваться ею для захвата власти или хотя бы заручиться ее благожелательным нейтралитетом. Земледельческое правительство, пугаясь коммунистов, за деревьями не видело леса. Оно смотрело спустя рукава как на безобразничанье врангелевцев, так и на подозрительную дружбу с ними своих заклятых врагов – блокарей.

Коммунисты были более проникательны. Зорко следить за опасными гостями их вынуждали те цели, ради которых Стамболийский допустил иноземную ораву в Болгарию. В конце декабря они попытались было заявить протест по поводу пребывания армии Врангеля в Болгарии. Правительство ничего не ответило на их запрос в Народном Собрании. Голос коммунистов слабо прозвучал в обильной политическим шумом стране.

– «Никакой армии Врангеля в Болгарии нет, есть несчастные русские беженцы!» – заявил Стамболийский депутатам-коммунистам.

Что оставалось делать? Будучи все время насто-роже, коммунисты пока что отмежевали себе роль

наблюдателей, передавая фотографически свои наблюдения в «Рабочем Вестнике». В этой газете стали появляться почти решительно все приказы Врангеля, Кутепова, Богаевского; разные интересные документы, устанавливающие чрезмерное правительственное покровительство армии чужеземцев; описания парадов, смотров, маневров, балов и пиршеств, равно как и скандальных походов белых рыцарей, – одним словом, давалось полное представление об истинной природе тех, кого премьер титуловал почти казанскими сиротами.

Альянс врангелевщины и блока уже не на шутку встревожил компартию. Она отлично знала, какая ждет ее участь, если власть захватят буржуазные партии. Наконец, когда началась подготовка мобилизации армии Врангеля, коммунисты не выдержали.

– На улицу! Пусть будет услышан голос народа. На всеобщий митинг. Мы обвиняем дружбашское правительство в открытии дверей русским помещикам и генералам. Рабочие, неимущие граждане, рабы и рабыни труда! На всеобщий протест против воинственной, контр-революционной и провокаторской политики «народовластного» правительства и болгарской буржуазии в отношении великой русской рабоче-крестьянской республики. Против водворения в стране царских генералов, помещиков, капиталистов! Против организации и подготовки на болгарской территории новых военных походов и нападений на советскую власть!

Такие афиши украсили все дома, стены, заборы г. Софии 15 марта 1922 г.

Коммунистическая партия определенно решила заставить правительство высказаться, что представляет в его глазах армия Врангеля и что означают ее воинственные выкрики.

Митинг состоялся 17 марта во дворе Синдикального Дома, центра профессиональных организаций.

Резолюция гласила:

- «Пусть монархические генералы и все вожди русской контр-революции видят, что с ними только власть имущие и болгарская буржуазия, а против них весь трудящийся болгарский народ, который не позволит безнаказанно предпринимать разбойничьи походы против русских рабочих и крестьян.

- «Заявляем, что пребывание разбитых частей белых русских армий в Болгарии, которые вооружены, располагают своей полицией и своими судами, составляет непосредственную опасность для независимости болгарского народа и освободительной борьбы рабочих и малоимущих классов и резкий вызов по отношению русской рабоче-крестьянской республики, которая хочет жить в мире и приятельстве с народами всего мира.

- «Протестуем против теперешнего правительства, которое открыло двери Болгарии врангелевским бандам, дало в их распоряжение казармы и училища, предоставило к их услугам болгарское интендантство и допускает вооруженную контр-революционную армию открыто афишировать свою вражду к советской России, готовится на войну с ней и подготавливает вовлечение Болгарии в эту преступную братоубийственную войну.

- «Горячо протестуем против предательской и мракобесной политики буржуазии и ее партий во главе с «народниками» и демократами, которые демонстративно братаются с русскими помещиками и генералами, оказывают им усиленное содействие устраиваться в стране и вместе с тем учиняют заговор против советской России и свободы Болгарии.

- «Требуем от болгарского правительства выгнать из пределов Болгарии штабы русской контр-революционной

армии и их сподвижников – царских помещиков и генералов, и в то же время облегчить и ускорить возвращение в Россию солдат и казаков, которые террором и насильственно держатся во врангелевской армии.

– «Особенно сильно клеймим беспримерный позор болгарских буржуазных партий, правых и левых, от старых консерваторов до нынешних «народовластников», которые ползали на брюхе перед русским царем, палачом многомиллионного русского народа, а теперь, когда этот народ сам стал господином своей судьбы, делают дерзкие выпады по адресу республики крестьян и рабочих.

– «Провозглашаем свои глубочайшие и восторженные симпатии целого трудящегося болгарского народа к великому братскому народу и его великой непобедимой республике и заявляем, что предательская политика буржуазных партий к революционной России оскорбляет самые святые чувства болгарского народа, который хочет жить в мире, приятельстве и союзе с русскими рабочими и крестьянами, освободителями Болгарии и борцами за все угнетенные народы».

Вся страна точно ждала этого сигнала.

Простодушные братушки давно уже видели, что врангелевцы нехорошо себя ведут, задевают их самолюбие, готовятся воевать против России, угрожают силой мобилизовать и их. Но по свойственной широким массам пассивности молча покачивали головами, тем более видя, что правительство явно взяло врангелевцев под свое покровительство, а «народняки» из сил выбиваются, чтобы отбить их у правительства и приручить к себе.

Но теперь коммунистическая партия дала толчок, и все затаенное в душе стало пробиваться наружу. Пассивные массы всколыхнулись, для всех стало ясно, что врангелевцы образовали государство в государстве,

не считаются с законами страны, злоупотребляют оказанным гостеприимством. Брошенная коммунистами искра попала в горючий материал.

С быстротою молнии волна митингов прокатилась по всей стране, по ту и другую сторону Балкан, от сербской границы до Черного моря, и всюду слышался один яростный крик болгарских низов:

– Долой врангелевские штабы! Долой предателей-блокарей, желающих вовлечь Болгарию в новую войну против Советской России.

Правительство провинция щадила.

«Страшный Туркул» в Севливо попытался было со своими вооруженными «дроздами» окружить митинг, но поспешил ретироваться, заметив некоторую диверсию со стороны неприятеля. В Варне митинг протеста происходил в воскресенье 26 марта, в один день с открытием интерната имени ген. Врангеля при русской гимназии и с первым торжественным заседанием «Общества Русско-Болгарского Сближения». Овации обломков старой России, сытых за счет голодных беженских желудков, по адресу обожаемого вождя, истерические вопли о. Слюнина о скором восстановлении русской армией «богустановленной власти», душеспасительные слова варненского владыки Симеона, лживые лицемерные речи о братстве болгар и русских заглушались криками болгарского пролетариата, требовавшего убрать из страны всю русскую заваль и белогвардейщину.

С этого времени в «Рабочем Вестнике» появилась особая рубрика, озаглавленная: «Акция партии за изгнание из страны русских генералов и белогвардейских шаек и против обращения Болгарии в колонию соглашенского империализма». В ней печатались сообщения с мест о митингах. Нередко этот отдел занимал три четверти страницы.

Кроме устной и печатной агитации партия, через свою парламентскую фракцию, начала бомбардировать правительство запросами по поводу отдельных моментов деятельности опасных гостей. По адресу же блока, усердного адвоката врангелевских генералов, «Рабочий Вестник» (№ 222) разразился статьей «Предатели на работе», в которой изобличались прегрешения блока:

– «Со всей страны получены известия об интимных связях между штабами «народняцей» и демократов и русскими помещиками и генералами. Эти связи необыкновенны. «Народняци» и демократы устраивают политические совещания, собрания с участием русских помещиков и генералов. В этих собраниях, конференциях и совещаниях держатся речи против Советской России и за восстановление монархической России, против коммунистов, равно как и дружбашей, которые считаются большевиками новейшего типа, за новую войну против Советской России. Каковы большевики дружбаша, которые посылали оружие Деникину и открыли двери бандам Врангеля, знает всякий. Но факт тот, что старые подхалимы в союзе с русскими помещиками и генералами готовят заговор против свободы и мира болгарского народа. Те, которые не пользуются никаким доверием народных масс и, следовательно, не могут взять власть при поддержке народа, ищут чуждую помощь и не останавливаются перед преступным замыслом добраться до власти с чуждой вооруженной силой, готовя после того бросить болгарский народ в новую катастрофу и позорнейшую братоубийственную войну против русского народа.

Изобличенные в своем предательстве, «народняци» дают место в своих органах русским генералам для их лживых опровержений, – факт, подтверждающий

их связь. Газеты «Мир» и «День» стали настоящими официозами врангелевского штаба. Блок, почувствовав удар, разъярился.

А тут еще новое известие подлило масла в огонь. В 20-х числах марта в белогвардейских и блокарских газетах появилось известие о предстоящем прибытии в Софию ген. Врангеля. Коммунистическая партия заволновалась. Взвесив все данные о деятельности агентов Врангеля в Болгарии, учтя международную обстановку перед Генуей, приняв во внимание повсеместные слухи о предстоящей весенней кампании против России, можно было предполагать, что наемник европейского капитала, только перед этим инспектировавший свои части в Сербии, в Болгарии будет ждать сигнала из Парижа для того, чтобы двинуть свои части на помощь Румынии или на Кавказское побережье.

Начались приготовления к новому грандиозному митингу. Компартия хотела всенародно изобличить замыслы Врангеля и его генералов и громогласно требовать у правительства разгона опасной организации. Широко распространялись афиши и ударные плакаты. «Рабочий Вестник» громил и Врангеля, и блок, и дружбашей. Боевик следовал за боевиком. Один раз появились даже стихи:

НАЧЕКУ

Сопутствуем мрачной, позорною славой,
Он близко, Парижа покорный лакей.
Ливрею орел украшает двуглавый
И трон ему снится российских царей.

Идет он, банкирами златом снабженный,
Герой, позабывший уже Перекоп;
Стратег, для разбойных набегов рожденный!
Правитель, для правды готовящий гроб.

Напрасно развеет он белое знамя:
Никто не придет: ни казак, ни солдат.
Прозрели слепые, и души их пламя
Стремленья к трудящимся братьям таят.

Готовьте немедля, болгары-страдальцы,
Кровавому Врангелю должный отпор:
Над шею вашей баронские пальцы
Нервно сжимают тяжелый топор.

Болгарский рабочий, крестьянин болгарский!
Друзья твои верные только в Москве.
Под властью Россия теперь пролетарской,
С Советами пятый уж год во главе.

И серб, и поляк, и болгарин несчастный,
Сливайтесь в братский священный Союз,
С великою русскою армией красной
Избавьте народы от тягостных уз.

Спасенье народов в Советской России...
Гони же вампира, родная страна!
Идет он, как Каин, на подвиги злые,
Так смерти же смерть, так войне же война!

Грандиозный митинг состоялся в Софии 31 марта на главной площади столицы, перед соборным храмом св. Недели¹, и привлек большие толпы народа. Ораторы говорили сразу с 6 трибун. В резолюции, оглашенной при рукоплесканиях многих тысяч рабочих и интеллигенции, правительству предъявлялось требование широко оповестить всех врангелевских солдат о даровании им советской властью амнистии; прекратить всякие регистрации беженцев врангелевскими агентами; объявить, что всякий русский может свободно покинуть войсковые части и не бояться преследования со стороны своего бывшего начальства; организовать работы для тех, которые не желают состоять в войсковых частях; облегчить переезд до Варны тем, которые хотят вернуться на родину; окончательно обезоружить

¹ Неделя по-болгарски значит Воскресение.

врангелевцев; разогнать врангелевские штабы, суды и полицию; привлечь к ответственности пред болгарским судом тех начальников, которые допустили расстрелы по приговорам врангелевских судов; немедленно войти в торговые и дипломатические сношения с Советской Россией.

В общем коммунисты требовали раскрепощения личного состава врангелевских частей и уничтожения военной организации Врангеля. Эти требования вполне согласовались с настроением эмигрантских низов.

При громадном интересе болгарской публики к политической жизни и при великолепной связи центра компартии с ее провинциальными бюро, движение против существования армии Врангеля быстро проникло в самые отдаленные закоулки. Селяне, отлично знавшие, что такое врангелевцы, вполне одобряли «акцию» коммунистов. Скоро зазнавшиеся гости почувствовали тяжелую руку болгарского пролетариата.

Эмигрантские верхи смутились. По рабской подлости многие старались сразу же отшатнуться от армии Врангеля. Мы, мол, сами по себе, а она сама по себе. На «галлиполийском» вечере, — при описании которого идеолог кутеповщины Н. Литвин доказывал, что «галлиполийцам поручена тайна, которую они берегут как зеницу ока и с которою не расстанутся никогда», — отсутствовали многие видные деятели эмигрантской общности.

Эмигрантские низы открыто являлись на митинги протеста и одобряли выступление коммунистов.

Для армии кондотьеров наступали скорбные часы. Войсковые начальники начали вызывать с работ верных людей к «галлиполийским знаменам».

Белогвардейские газеты трубили на весь мир о неслыханной травле «несчастливых русских беженцев»

и перепечатавали ругательные статьи по адресу правительства из газет блока, снабжая в свою очередь последнюю статьями против коммунистов. По обычаю лгали и провоцировали. Чтобы умалить значение «акции» коммунистов в глазах орлов и, вместе с тем, как-нибудь натравить на болгар контрольно-ликвидационную комиссию¹ Антанты в Софии, «Русское Дело» писало по поводу первого коммунистического митинга (17 марта).

– «Народу собралось не более двух тысяч. В речах ораторы поносили правительство Франции, ген. Врангеля и Бурцева, называя их бандитами, кровопийцами и предателями. Была вынесена резолюция, требующая изгнания всех русских контр-революционеров, роспуска армии и гарантий от правительства, что Болгария не будет вовлечена в войну против Сов. России. Резолюция была принята с большим пафосом. Кто-то из толпы громко спросил, что получают ораторы: фунты или доллары, так как за левы так стараться нельзя. Выйдя на улицу, коммунисты затеяли инциденты с встречной публикой. Около гостиницы «Болгария» их разогнали нагайками».

Расправа столь приятным для всякого истинно-русского черносотенца способом была целиком сочинена для того, чтобы порадовать орлов. Мол, и в Болгарии с этой сволочью не церемонятся; не такой уж это страшный враг.

«Русское Дело» (25 марта, №92) с пеной у рта доказывало, что никакой вооруженной врангелевской силы нет, есть только безоружные контингенты; что никаких судов, кроме судов чести и дисциплинарных, необходимых для поддержания внутреннего порядка, у ней нет

¹ Эта комиссия наблюдала за разоружением Болгарии.

и в помине; что в армии насильно никого не держат и что в ней господствует «вместо принудительной власти начальника добровольно признанный авторитет вождя».

В то же самое время, когда писались эти строки, в Севлиево «Страшный Туркул» оцеплял вооруженными «дроздами» митинг коммунистов; в Казанлыке (Запреля) военный суд судил полковника Корниловского полка Николаева за то, что он заявил о нежелании служить в армии, сменил свою военную одежду на болгарские рабочие «дрехи» и поступил батраком в соседнее село; Кутепов 30 марта подписывал приказ за № 250 о немедленном приведении в исполнение судебных приговоров, вошедших в законную силу; орханийский околийский начальник, по требованию врангелевских командиров, предписал (5 апреля, № 1356) сельским властям разыскать целую группу солдат и офицеров, самовольно покинувших войсковые части.

Кого пытались надуть врангелевские газеты, понять трудно. Наконец, они стали завираться, все больше и больше противоречить самим себе и все больше изобличать нечестную игру своих хозяев. Сегодня они с возмущением доказывали, что «разоружение армии нарушило бы ее организацию, сохранение которой было оговорено в договоре о приеме галлиполийских частей Болгарией», а через день заявляли, что «никакой армии Врангеля в Болгарии нет, так как армия – это прежде всего вооруженная сила».

Газеты блока шли еще дальше в своей защите «несчастных русских беженцев». Врангелевские генералы, которых пока еще никто пальцем не тронул, возводились чуть-чуть не на степень святых мучеников, коммунистам же приписывалось человеконенавистническое желание выгнать из страны всех русских беженцев. «Рабочий Вестник», возражая на это,

заявлял, что помещиков и генералов Врангеля отнюдь не следует обобщать со всей беженской массой, низы которой пользуются полной симпатией болгарского пролетариата.

Орган «народняцей» газета «День», издаваясь над резолюцией коммунистического митинга 31 марта, просила сообщить списки солдат и офицеров, желающих вернуться в Сов. Россию, на что «Работ. Вестн.» не преминул ответить: эти списки будут объявлены, когда выгонят из Болгарии генералов и разгонят штабы.

Через 8 месяцев блок получил полное удовольствие читать эти списки ежемесячно, при отправке парохода, в газете «Новая Россия». Каждый такой список состоял более чем из 1000 человек. Врангелевских генералов и штабов на территории Болгарии тогда уже не существовало.

XI

ПЕРВЫЕ РЕПРЕССИИ

Земледельческое правительство уже в самом начале акции коммунистов чувствовало себя весьма неловко.

Водворение врангелевцев и предоставление им известной автономии произошло с его благословения. В течение долгого времени оно оказывало этой организации всяческое содействие и плохо скрывало свои взгляды на нее как на опору против коммунистов.

С другой стороны, чрезмерное нахальство гостей, их якшанье с блокарями требовало некоторых мер предосторожности. После разоблачений коммунистами истинной природы врангелевского воинства и поднятого ими шуму, правительству уже никак нельзя было отделяться молчанием. Притом оно видело, что агитация коммунистов пала на вполне подготовленную почву. Многие селяне, возмущенные проделками врангелевцев, вполне одобряли акцию коммунистов. Особенно неблагоприятное впечатление производили в деревнях воинственные замыслы Врангеля; шалопай же его вечно подтрунивали над братушками: «Ничего, заставим и вас итти с нами». Болгарские селяне, мирные по натуре и уже вдоволь навоевавшись с 1912 года, не имели ни малейшего желания воевать с кем бы то

ни было и боялись, как бы Врангель и на самом деле не втянул Болгарию в войну. Дальнейшее молчание правительства могло вызвать ропот и ряд кривотолков среди селян, вплоть до предположения, что правительство идет заодно с Врангелем и собирается воевать против России. Для диктатора мнение селян было далеко не безразлично, и он понял наконец, что настал час его разрыва с организацией Врангеля. Страх за власть некогда побудил его пригласить эту армию; страх за власть побудил его теперь отвернуться от нее.

Однако действовать смело, открыто и решительно не входило в характер Стамболийского. Из всех видных болгарских политических деятелей, начиная с Петка Каравелова, наибольшей азиачиной зарекомендовал себя не кто иной, как Александр Стамболийский. Политическая честность никогда не входила в число тех принципов, которыми он руководствовался в своей политической деятельности. Убедившись в необходимости бороться с врангелевцами, севшими на шею, он начал это дело исподволь, думая, что поступает весьма умно. Заставив молчать официальные и партийные земледельческие газеты, он поручил поддержку коммунистов желтой прессе, состоявшей в услужении у правительства. В самом болгарском министерстве возникло некоторое расхождение по вопросу об армии Врангеля. Некоторые министры, во главе с министром финансов Турлаковым, не склонялись к тому, чтобы уничтожить ее до основания. Этот Турлаков долгое время находился в Париже по делам о репарациях и невольно подпал под влияние французов, а следовательно и русской черной сотни. Затем военный министр Томов и начальник штаба болгарской армии полк. Топалджиков тоже не считали удобным сразу переменить фронт в отношении

врангелевцев; в особенности неловко приходилось им обоим, имевшим с врангелевскими генералами постоянные сношения.

Зато министр внутренних дел Райко Даскалов и председатель Народного Собрания Неделко Атанасов не считали нужным церемониться с авантюристами и склоняли на свою сторону премьера.

24 марта в Народном Собрании, при обсуждении бюджета, коммунистический депутат Т. Луканов, в течение двух часов, с документами в руках, доказывал правительству, что врангелевская организация есть армия; что правительство это отлично знает; что оно не только покровительствует этой организации, но даже делает на нее затраты. Раздались голоса против врангелевцев и со стороны «оранжевых»¹. Земледельческий депутат Г. Марков также требовал разоружения врангелевцев, уличая начальника штаба Топалджикова в покровительстве им и указал на один возмутительный факт, как на днях пьяный русский офицер избил болгарского подофицера и требовал его арестовать, говоря, что это коммунист.

– Дальше нельзя терпеть, чтобы чуждая организация насаждала у нас такие нравы! – закончил оратор.

Многочисленные депутаты-селяне явно склонялись к этому же мнению. Из-за армии Врангеля Томову и Топалджикову приходилось терять свой авторитет среди народных масс. Пришельцы этого не стоили.

Правительство наконец распаталось.

26 марта состоялось заседание Высшего Административного Совета при министре внутренних дел, под председательством полк. Топалджикова, и здесь были приняты следующие решения:

¹ Цвет земледельцев.

1) предложить всем врангелевским войсковым частям внести в депозит министерства финансов суммы на свое содержание, так как внесенные раньше уже иссякли;

2) приступить к быстрому и окончательному разоружению врангелевских частей;

3) ввиду наступления весеннего сезона принудить все части стать на работы и облегчить им получение таковых;

4) болгарское правительство примет шаги к амнистированию этих войсковых частей большевиками, чтобы врангелевцы могли поскорее вернуться на родину, и к облегчению переезда;

5) все русские в Болгарии подчиняются болгарским законам и приказам, неисполнение которых будет караться по всей строгости закона;

6) части армии ген. Врангеля не могут пользоваться в Болгарии никакими правами боевых частей; все они должны подчиняться болгарской гражданской власти;

7) никто из русских, кто бы он ни был, гражданское или военное лицо, не может иметь оружия.

– «Мане, фекел, фарес!» – читали в этом постановлении вожди армии и все, кто связал с ней свою судьбу.

– Разоружение! – патетически восклицало «Русское Дело». – Несколько десятков старых винтовок? Если остатки «русской» армии пережили Галлиполи, то неужели братская рука возьмется их убить. Нам кажется, это недоразумение.

Все черное болото эмиграции, образовавшееся на болгарской территории, всколыхнулось. Рука болгарского правительства готовилась нанести смертельный удар той военной организации, которая давала возможность множеству людей кормиться подле нее или

благодаря ей, и еще большему числу связывать с нею свои надежды на возвращение утерянных благ.

У блока тоже опускались руки. Рушились его планы. Гибла та организация, с помощью которой он предполагал сокрушить ненавистную земледельческую власть. Русская и болгарская реакции объединили свои силы для спасения армии Врангеля. Но как спасти?

30-го марта, накануне грандиозного митинга в г. Софии, состоялось секретное совещание вождей блока с представителями русской общественности, во главе с проф. Соколовым, и русской армии – во главе с полк. ген. штаба Алатырцевым. Из болгар здесь присутствовали «народняци» – М. Маджаров, знаменитый своей окладистой бородой, которую у него впоследствии вырвали во время схватки в Горном Дубняке, Т. Тодоров, в 1885 г., при объявлении войны Сербии бежавший от мобилизации в Румынию, а затем, при Фердинанде, ставший во главе министерства правосудия, проф. Абрашев и другие тому подобные национальные знаменитости; демократы – А. Ляпчев, прозванный «блоковым генералом», и проф. Моллов; радикалов представлял П. Стоянов. Земледельцы, проведая о совещании, командировали туда своего соглядатая, депутата К. Илиева. Его, однако, допустили в собрание, так как этого добряка знали за большого любителя воинского строя, знали, что в пригородном селе Княжево, наблюдая парады врангелевцев, он всегда с похвалой отзывался об их выправке.

Совещание кончилось ничем, если не считать умного совета, который дал врангелевцам «народняк» доктор Орачовац. По его мнению, врангелевцы чересчур уж афишировали себя как армию. В будущем, чтобы вернее сохранить свою силу и мощь и меньше возбуждать разговоров, им надо как можно больше маскироваться,

избегать публичного употребления терминов армия, главнокомандующий, штаб, военное училище и т. д.

В тот же день совещались сепаратно «представители русской общественности», по преимуществу в генеральских погонах, так как статские давно уже перетрусили. В результате Высший Административный Совет обогатился одним интересным документом – протестом «русских общественных кругов против разоружения армии Врангеля, снабженным наглой угрозой: «Когда «русская» армия освободит Россию, она сообразит о всех, кто ей делал добро и кто зло в Болгарии».

Но действовать легальными приемами было не в характере поборников права и справедливости. Излюбленное средство Освага была провокация, старый прием, унаследованный от царской жандармерии. Кутепов и Врангель ею широко пользовались в борьбе за армию с французами; в Болгарии врангелевские агенты блестяще доказали, что они все еще мастера этого дела. Чтобы настроить солдат против коммунистов, скрепить их этой ненавистью и сплотить вокруг галлиполийских знамен, для противодействия разоружению, а перед Европой разрисовать армию несчастной жертвой кровожадных болгарских коммунистов, врангелевские агенты сфабриковали № 20 несуществующей в Болгарии газеты «Рабочническая Мысль». Здесь на первом же месте писалось:

– «Товарищи! Поджигайте казармы врангелевцев, сжигайте их склады, грабьте их оружие, делайте его негодным, избличайте их и высказывайте им свое презрение».

Газета «Русское Дело», разумеется, сейчас же привела выдержки из этого провокационного листка, добавляя:

– «Опять «Рабочническая Мысль» жаждет делать нам пакости.

Неопытный читатель мог весьма легко счесть, что такие кровожадные мысли проповедует «Рабочий Вестник», орган компартии.

Чтобы обратить внимание опекунов армии Врангеля французов, белогвардейские и блокарские газеты начали обвинять земледельческое правительство в союзе с Москвой. Этот трюк, кроме того, давал блокарям выигрышные козыри среди болгарского общества.

– «Русские коммунисты предлагают болгарскому правительству», – писало «Русское Дело» (№ 87) тотчас же после первого митинга протеста, – продать 30 тысяч русских беженцев, нашедших приют в Болгарии, за 82 миллиона болгарских лев, которые Болгария должна России. Большевики готовы аннулировать этот долг, если болгарское правительство возобновит сношения с Сов. Россией и отправит всех русских беженцев и русскую армию в Россию».

Газета блока «День», в pendant к этой провокации, разразилась статьей «Последнее безумие», в которой метала громы и молнии против правительства:

– «Накануне Генуэзской конференции Стамболийский устанавливает единый фронт с Сов. Россией! Как после этого можно ждать снисхождения Болгарии от Европы, которую Стамболийский хочет запугать вместе с большевиками! Как он может настаивать на выходе к Эгейскому морю перед конференцией, которая знает, что он в припадке безумия может открыть большевикам путь на Балканы? Присутствие в Генуе большевистских представителей нисколько не усилит положения полубольшевистской Болгарии, которую вооруженные до зубов соседи раскусят в один миг».

Буржуазная пресса, со свойственной ей виртуозностью и бесцеремонностью, в разоружении врангелевцев видела уже национальное несчастье и вместе с тем

гибель земледельцев. «Травлей русских, – писала газета «Мир», – коммунисты хотят отвлечь внимание общества от внутренних дел и облегчить своих союзников земледельцев, сила которых падает. Сотрудничество правительства с коммунистической партией накличет беду на Болгарию; соседи займут ее в 24 часа!»

Чтобы окончательно убедить болгарское общество в том, что блок земледельцев и коммунистов – состоявшийся факт, буржуазные газеты сочинили целое интервью между председателем Народного Собрания Н. Атанасовым и делегатами коммунистов, при чем будто бы Атанасов звал коммунистов действовать заодно с земледельцами, влияние которых в стране пошатнулось, тогда как влияние блока усиливается.

Подобного рода выходки в большом ходу у болгарской прессы. Русским белогвардейским газетам оставалось только перепечатывать эти статьи «честных журналистов», друзей России.

Чтобы еще более взволновать Антанту, «Русское Дело» примешивало сюда и немецкую интригу, сообщая, что газета «Независимость», орган германофилов-радославистов, вполне одобряет действия правительства и даже находит, что оно слабо расправляется с врангелевцами. Белградское «Новое Время», подхватив эту заметку, преподносило всему миру красочную картину грозного для Антанты большевистско-германо-болгарского союза. По мнению этой газеты, Антанта слишком близорука и мало обращает внимания на Болгарию, которая превратилась в открытое окно для проникновения большевизма на Балканы; через этот проход коммунистическая пропаганда и Красная армия коммуны заходят в тыл Румынии и на подмогу кемалистам.

Одним словом, «национальная Болгария» и «национальная Россия» скорбели о том, что возникает опасность

для Румынии, отхватившей у болгар Добруджу, у русских – Бессарабию, и звали для выручки из беды международного жандарма – французов.

Стамболийский все это видел и улыбался. Газетная травля его мало волновала: он к ней привык. Антанта же отлично знала, что он за большевик, и едва ли в своем суждении о нем считалась с отзывами и аттестациями «Русского Дела» и «Нового Времени». Зато он зорко следил за орлами. Спугнутые народным движением против врангелевщины, отчасти по зову командиров, орлы стали бросать работы и стекаться под свои знамена. Предвидя какой-нибудь выпад со стороны отчаянных людей, диктатор предложил штабу болгарской армии и штабу болгарской жандармерии организовать наблюдение за движением и поведением русских частей и о замеченном немедленно доносить по телефону в министерство внутренних дел. В места стоянок врангелевских полков предписывалось, в случае надобности, вызывать из деревень крестьянскую милицию. Безоружные братушки, видимо, не собирались шутить; орлам с сожалением приходилось сознаваться, что Болгария – не Галлиполи.

Чувствуя приближение рокового часа, «Русское Дело» начало запугивать правительство небесными карами. Вот образец подобного умопомрачения:

– «На митингах нам кричат «вон из Болгарии»; честные журналисты молят, чтобы мы не отряхали праха болгарской земли от ног своих. Быть может, мы уйдем. Мы привыкли. С тех пор, как ушли из своей страны, мы на палубе, а вокруг нас пенится море. Мы не видим берега. Но уходя скажем: «Не для нас одних писал пророк Исаяя свою страшную книгу, и не под нами одними катится вал безумия. Бойтесь слов пророка, гремящих в тысячелетиях: земля ваша опустошена, города

сожжены огнем. Поля ваши на ваших глазах съедают другие. И осталась дочь Сиона, как шатер в винограднике, как осажденный город. И будете вы, как дуб, которого лист опал, как сад, в котором нет воды».

Стамболийский плохо верил в пророчества, а древних пророков едва ли когда знал даже по именам. Он не только не обратил никакого внимания на эти бредни, но даже не счел нужным закрывать обнаглевшую газету. Вскоре он уехал на генуэзскую конференцию.

12 апреля его заместитель Райко Даскалов заявил в «Народном Собрании»:

– Врангелевцы были приняты, как беженцы, с условием выдать оружие и стать на работы. Действительно, мы разрешили им иметь свою организацию, но это неизбежно. И сельские рабочие выбирают себе артельных старост. Когда до нас дошли слухи, что они имеют оружие, открывают училища, мы устроили проверку. Оказалось, что у них есть оружие, или привезенное контрабандным путем, или приобретенное здесь. Известная среда в Болгарии имела желание использовать этих русских беженцев для достижения своих внутренних политических целей. Но правительство приняло меры. Оно не позволит врангелевцам располагать оружием, иметь военную организацию, образовывать государство в государстве, вмешиваться в наши внутренние дела.

Депутаты-блокеры переглянулись при этих словах министра. Камешек был направлен в их огород. Теперь уже не коммунисты, а временный глава правительства, наиболее энергичный и образованный из земледельческих вождей, открыто бросал им обвинение в связи с военно-политической организацией Врангеля.

Блокеры подняли перчатку.

ХИ

САМОХВАЛОВСКИЙ ЗАГОВОР

Когда Стамболийский уезжал на Генуэзскую конференцию, Болгария переживала тяжелые минуты. Репарационная комиссия, заседавшая в Париже, приступала с ножом к горлу горемычного правительства злосчастной страны, требуя или немедленно выложить деньги на стол, или отдаться в полную экономическую кабалу. 22 марта эта комиссия предъявила Болгарии условия, на которых соглашалась отсрочить плату по репарациям. Если бы правительство приняло их, страна лишалась своей независимости, и в ней, к великой радости врангелевских генералов, началось бы хозяйничанье Антанты.

Болгарская буржуазия потирала руки от удовольствия, предвидя скорое падение земледельцев, неизбежное, если страну займут иностранные войска. Сербь уже давно точили зубы на Перникский каменноугольный рудник, близкий к границе. В Белграде на митингах требовали занятия этого необходимого Сербии пункта.

В Болгарии, в связи с предъявлением ультиматума, тоже начались митинги, манифестации, заседания партийных комитетов и т. д. Блок винил земледельцев

в гибели страны, земледельцы – блокарей. В сложные взаимоотношения болгарских политических группировок теперь еще впутался «врангелевский вопрос», – и остатки злополучной крымской армии сделались притчей во языцех.

Вожди всероссийской реакции видели, что воздух Болгарии сделался крайне неблагоприятным для сохранения ее реальной силы. Приходилось нажимать все пружины, чтобы произвести вентиляцию с помощью Антанты.

Ультиматум репарационной комиссии давал им надежду на возможность оккупации Болгарии, и они всеми силами старались ускорить ее начало.

«Национальная Болгария», интригуя против земледельцев, усердно помогала им провоцировать земледельческое правительство. Когда Стамболийский худо ли, хорошо ли, но пытался в Генуе отстаивать достоинство и интересы страны, его политические враги блокари, с помощью своих союзников русских реакционеров, пытались сорвать его работу, сиюсь убедить державы Антанты в том, что Болгария заключила союз с Москвою и что ее надо привести в христианский вид. Агент Врангеля в Париже ген. Миллер, добиваясь от Франции новых субсидий и воздействия на Болгарию, впавшую в большевизм, доказывал французам, что как только Красная армия станет наступать на Румынию, слабая румынская армия не выдержит, и советские войска устремятся к границам Болгарии, в которой немедленно произойдет большевистский переворот. Наличие данных для этого переворота силилась всячески подтвердить соединенная русская и болгарская реакция. Болгария на вулкане, в Болгарии назрел большевистский переворот по милости Стамболийского, *cavent consules...*

Главным очагом, где ковались ковы против земледельческого правительства, была «русская военная миссия в Софии». Она находилась при «Русском Посольстве» и пользовалась посольской экстерриториальностью. В действительности она представляла из себя отделение штаба Врангеля для Болгарии, ведавшее по преимуществу политической жизнью армии. При ней подкармливалось не малое число опытных в провокационном деле людей, которые, между прочим, довольно искусно фабриковали «воззвания коммунистов», выдававшиеся Антанте за подлинные.

В марте месяце в Болгарию предполагал прибыть Врангель. Военная миссия, ссылаясь на одно из таких воззваний, содержащее угрозы Врангелю, просила болгарское правительство разрешить организацию в Болгарии особого наблюдательного пункта для слежки за «злоумышленниками». Предвидя, что и на самом деле против Врангеля возможны «аттентаты» (заговоры) и что убийство или ранение вождя может вызвать эксцессы со стороны его войск, правительство согласилось. В Софию прибыл из Сербии генштабист-контр-разведчик полк. Самохвалов, но не с целью обнаружения мнимого заговора, а для установления несомненных связей болгарского правительства с правительством Сов. России. Быть может, такое поручение ему было дано не только Врангелем, но и Францией и Сербией. Когда Самохвалов развил чересчур усиленную деятельность и покрыл Болгарию сетью своих агентов, правительство поинтересовалось узнать, какова же его действительная роль.

«Под Георгиев день» (так обозначало дату правительственное сообщение), т.-е. 6/23 мая, столичная полиция сделала обыск в гостинице «Континенталь»,

в канцелярии Самохвалова и отобрала для просмотра все дела. При самом поверхностном обзоре оказалось, что Самохвалов не простой агент-наблюдатель, а политический шпион Врангеля. В его бумагах оказались планы всех софийских казарм, данные о числе болгарской армии, об ее качествах, планы складов оружия и патронов, планы караулов, сведения о железнодорожных путях, значительных мостах, почтах и телеграфах, водопроводах и т. п.; сведения о политических партиях и о борьбе их; план мобилизации армии Врангеля в предположении, что вся его вооруженная сила будет сосредоточена в Болгарии; списки всех более видных деятелей компартии с их адресами, при чем за всеми ними было установлено наблюдение.

Болгарское правительство увидело, что врангелевский штаб усердно изучал страну по преимуществу с точки зрения военной и политической и делал это, видимо, не из любви к искусству, вопреки высказанному впоследствии мнению одного из мудрых блокарей.

Самохвалова арестовали.

Заместитель Стамболийского Райко-Даскалов, большой любитель делать всякие «изъявления» (сообщения), поспешил оповестить представителей прессы, что хотя архив шпионской организации еще не весь изучен, но уже теперь с несомненностью можно установить подготовку врангелевцев к посягательству на суверенитет страны и на поддержку их буржуазными партиями.

При дальнейших розысках в архиве нашли протокол заседаний представителей блока с представителями русской реакции 30 марта, план захвата г. Софии (видимо, заготовленный на случай выступления коммунистов) и секретный приказ Врангеля от 9 апреля 1922 г. № 263 такого содержания:

– «Ввиду создавшегося положения приказываю:

- 1) частям быть наготове по первой тревоге выступить (пакеты №№ Е-М);
- 2) в случае перехода границы Сербии войсками ни в коем случае в боевые действия не вступать;
- 3) в случае выступления внутри страны какой-либо политической партии ни в коем случае участия в столкновениях не принимать.

Приказ напечатан в 10 экземплярах. Комкор 1, Начдиву, Г.-М. Фоку, командирам полков Корниловского, Дроздовского, Марковского, Алексеевского, инженерного военного училища и начальнику Софийского гарнизона».

Не возникало теперь сомнения, что Врангель если не стоял во главе, то был в курсе интриг против Болгарии и ожидал скорой развязки; что границу Сербии могла перейти только сербская армия для сокрушения коммунистического засилья в Болгарии, доказать которое Антанте так старались Врангель и болгарская буржуазия; партия, которая могла выступить против земледельческого правительства, не кто иной, как блок. Ставя этот документ в связь с прочими, найденными у Самохвалова, можно заключить, что Врангелю, в случае оккупации Болгарии соседями и водворения в ней буржуазной власти, предоставлялась возможность пользоваться Болгарией как базой для подготовки военных действий против Сов. России.

Подлая работа Врангеля и его агентов и предательство блока, стремившегося какой угодно ценою свалить Стамболийского, были налицо. Теперь и правительственная пресса ополчилась против Врангеля и блока. Про коммунистов нечего и говорить.

– «Народ в опасности! Раскрыт «аттентат» против народной независимости. Буржуазный блок замешан

в страшное предательство. На митинг! Все трудящиеся от мала до велика на протест. Вон шпионские гнезда, которые допускает земледельческое правительство!»

Так гласила афиша коммунистов.

По всей стране снова пронеслась волна митингов. Отовсюду неслись грозные крики:

– Долой врангелевские штабы! Вон царских генералов и помещиков!

Возмущенная нация на этот раз не протестовала, а грозила.

Рабочие, селяне, большинство горожан единогласно требовали разгона врангелевской организации. «Рабочнический Вестник» печатал постановления целых сел во главе с местными властями.

Полк. Самохвалов на допросе заявил, что никаких объяснений по поводу своей деятельности он не даст без разрешения своего начальника, главы военной миссии ген. Вязьмитинова. Последний же настолько перепугался ареста Самохвалова, что поспешил лично явиться в градоначальство, где заявил, что он ничего общего не имеет с полк. Самохваловым, что последний вел шпионаж на свой страх и риск. Однако из архива было с ясностью видно, что Самохвалов – только начальник разведки и контр-разведки, во главе же всей военно-политической организации стояли ген. Вязьмитинов и Шатилов, начальник штаба главнокомандующего.

У правительства возникла мысль о ликвидации всей этой организации, имевшей в провинции филиалы в виде управлений военных представителей. На этот раз высшая власть страны не постеснялась приступить к расправе с опасными гостями, притом чисто по-болгарски.

Газеты трубили тревогу, ораторы разжигали страсти, полиция неистовствовала. Только дали сигнал из

Софии, и вся страна пришла в неописуемое движение. Ликвидация врангелевщины вполне назрела.

В Софии начались почти повальные обыски среди русских. Русским беженцам воспрещался выезд из столицы. Более того, временно им воспрещалось всякое передвижение по стране. Аресты следовали за арестами. К ген. Вязьмитинову полиция нагрянула на квартиру в его отсутствие и, считая, что он заперся внутри, не постеснялась выломать двери. Ген. А. Попов, помощник главного врангелевского прокурора ген. Ронжина, навестил полк. Самохвалова на гауптвахте, а затем опубликовал в газетах блока, что Самохвалова в участке били. За это подвергся немедленному аресту. Участки переполнились русским генералитетом, вчера еще наглым, ругавшим на чем свет стоит паршивцев-болгар, а теперь жалким, робким, растерянным.

В провинции творилось то же самое. Правительство располагало крайне незначительными регулярными силами для борьбы с многочисленными врангелевцами. Правда, зимою повсеместно была проведена агитационная кампания в пользу добровольного поступления молодежи в армию и она имела кой-какой успех. Но добровольцев еще не успели обучить, и они ни в коем случае не могли состязаться с профессионалами гражданской войны. Первое же столкновение показало преимущество последних.

В ночь на 11 мая взвод болгарских солдат начал незаметно окружать кутеповский штаб возле Великого Тырнова, чтобы арестовать нескольких офицеров, агентов Самохвалова. На этот раз мирное жилище новоиспеченного Цинцинната превратилось в форт Шаброль. Как только многочисленный караул почувал приближение врага, немедленно рассыпался в цепь и болгарские

солдаты увидели перед собой дула пулеметов. «Несчастные беженцы» оцетинились.

Болгарские войска отступили.

После этого настала стадия дипломатических переговоров болгарских властей с Кутеповым о выдаче самохваловских шпионов. Кутепов согласился только на допрос их. Но как только первый офицер переступил порог убежища, его арестовали. Кутепов в ответ на это прервал всякие дипломатические сношения с тырновскими властями.

О подобном поведении главаря кондотьеров сообщили в Софию. Начальник штаба болгарской армии полк. Топалджиков вызвал его к телефону и предложил немедленно прибыть в столицу. Кутепов выторговал себе право свободного возвращения в Тырново. Однако уже в поезде генерал понял, что попал в западню. Два болгарских офицера, правда, находясь на почтительном расстоянии, наблюдали за его действиями. В Софии он проехал к полк. Топалджикову. После долгих объяснений ему было заявлено, что немедленная высылка его из Болгарии – факт решенный.

Среди врангелевцев впоследствии распространился рассказ о том, как Кутепов, перед уходом от Топалджикова, вынул из кармана револьвер и положил его на стол.

– Зачем вы отдаете ваше оружие? Ведь вы только под надзором, а не под арестом.

– Я даю вам револьвер для того, чтобы вы застрелились. Так должен поступить всякий офицер, который не держит своего слова.

Из военного министерства Кутепова препроводили в гостиницу «Болгария» и объявили арестованным.

В Тырнове между тем стоял дым коромыслом. Газета «Победа» писала: «Город в панике, так как замечено стягивание в Тырново русских офицеров из других

городов Болгарии. Русские готовят сопротивление, если кто-нибудь посягнет на их оружие. Штаб корпуса имеет вид главной полевой квартиры».

Чтобы ликвидировать опасную шайку, власти окружили древнюю столицу заставами; в окрестных селах расставили пикеты. Орлов, стекавшихся под галлиполийские знамена, точнее к оружию, хватали, обыскивали и сажали по участкам. Русским запрещено было ходить по улицам после 8 час. вечера. 13 и 14 мая происходили облавы на отдельные группы; 15-го правительственным войскам удалось разогнать защитников кутеповского штаба, после чего болгарские солдаты, вооружившись кирками и лопатами, приступили к поискам зарытого в земле оружия. Наконец его откопали.

То же происходило на всем остальном пространстве Болгарии. Арест Кутепова, «живого нерва, души галлиполийских рядов», лишил врангелевские войска руководителя; начальники растерялись; не получая ниоткуда приказаний, постепенно сдавались.

В Севлиево, где страшный Туркул чувствовал себя царем и богом, местная власть не знала что делать, не имея под рукой никакой реальной силы против все еще многочисленных «дроздов». Городскую бедноту, т.-е. коммунистов, правительство не разрешало приглашать для милиционной службы, селян же трудно было оторвать от начавшихся полевых работ. Околийский начальник дал Туркулу 4 дня сроку для выдачи оружия и выезда из города. Сатрап, однако, не подчинился, и власть оказалась бессильной что-либо предпринять. После того как болгарские войска покончили с разгоном врангелевцев в Тырново, они прибыли в Севлиево и приступили к разоружению «дроздов», у которых отобрали 120 винтовок.

Почти в течение двух недель страна переживала тревожные дни. Болгары, азартные по натуре, довольные случаем поволновать кровь, не без рвения занимались разгоном ненавистных им врангелевских гнезд, ловили врангелевцев десятками, сотнями, часто без всякой надобности, а просто из любви к искусству, тащили под арест в участки, тюрьмы, за проволоку. Местами сами власти проявляли усердие не по разуму. Так рущукский окружный управитель арестовал поголовно всех русских, даже женщин и детей, даже бывших военнопленных, и выслал их в количестве 450 человек под конвоем в Варну для принудительной отправки в Россию. В самой Варне тоже арестовывали без разбору. Забрали даже двух матросов с только что прибывшего из Одессы катера; в число врангелевцев попали Константиnidис, тот самый, который отправлял пароходы с беженцами в Россию. Так как и из столицы направили в Варну большую группу арестованных, то в общем здесь образовалось два больших концентрационных лагеря под открытым небом.

Конечно, во время этой суматохи не обходилось и без насилий. Кой-кого из русских в участках обобрали дочиста. На спекулянтов полиция охотилась специально.

Такой решительной и внезапной «акцией» правительство предупредило со стороны врангелевцев сопротивление. Сила банд была сокрушена, задорный дух поколеблен, спесь сбита.

Когда полоса арестов, обысков и разгромов прошла, Высший Административный Совет, обсудив создавшееся положение, постановил:

- 1) экстернировать всех русских беженцев, которые своим поведением опасны для внутреннего порядка и спокойствия страны;

2) живущих в казармах русских рассеять на группы и удалить в села, где они сами должны добывать себе хлеб, до возвращения в Россию;

3) болгарское правительство предпримет шаги для скорейшего возвращения их в Россию, обеспечит дорогу до своего берега. Которые желают сейчас же возвратиться, должны заявить околийским начальникам, чтобы их занесли в списки;

4) административный совет, рассмотрев условия о приеме русских беженцев в Болгарию, констатирует, что в этих условиях ничего не говорится о какой-либо военной организации, военных училищах, штабах и проч., а тем более о каком-либо оружии. Обнаруженное впоследствии оружие было привезено контрабандным путем. Вопреки категорическим заявлениям ответственных русских лиц, что все оружие выдано, таковое найдено зарытым в Тырново, Старой Загоре и в других местах. Вследствие этой непокорности и раскрытия шпионажа полк. Самохвалова, руководимого штабом Врангеля в лице ген. Шатилова, правительство решило приступить к экстерминированию виновных.

По всей стране произвели чистку среди арестованных, отпуская на свободу тех, которые не принадлежали к военно-политической организации Врангеля и не играли руководящей роли в союзе русских офицеров, который болгары признали крайне вредным. Ген. Кутепову предложили выехать или в Венгрию, или в Константинополь. Он избрал Венгрию, но туда его не впустили, пришлось ехать на берега Босфора. Шатилова выслали в Сербию, туда же отправился Вязьмитинов, который, уезжая, назначил было себе заместителем полк. Алатырцева. Болгары, проведав об этом, арестовали и Алатырцева, после чего Вязьмитинов заявил, что при таких условиях военной миссии в полном

составе лучше всего собрать чемоданы и выехать. Правительство вполне одобрило разумное решение.

Большую часть опасных авантюристов выдворили в Сербию, которая давала убежище решительно всем врагам Советской России монархического толка. Сначала болгары предназначили к высылке громадное число из строевых начальников, но потом, по настоянию «русского посланника» Петряева, до поры до времени оставили их в стране. Интересно заметить, что в столь тяжелую для армии Врангеля минуту послы Антанты не вмешивались в расправу болгарского правительства с врангелевцами, и только один испанский посланник поддерживал Петряева.

Расправляясь с русскими, правительство не забывало и своих, так или иначе близких к военно-политической организации Врангеля. Все чиновники общественной безопасности (тайной полиции), дававшие сведения Самохвалову, лишились мест; такая же участь постигла чиновников телеграфа, передававших шифрованные телеграммы врангелевских генералов в Сербию.

В первые дни арестов, когда партии блока еще не определили линии поведения правительства, они несколько притаились. Но, видя, что хватают только русских, набрались храбрости и начали травить правительство за «шантаж». Образовалась «Лига защиты прав», во главе с «народняцами» В. Молловым и Ганевым, радикалом П. Стояновым и др., которая заявила протест против изгнания врангелевских генералов.

О защите прав эмигрантской бедноты это высококультурное и высокогуманное учреждение, разумеется, не подумало.

Газеты блока просто неистовствовали, называли поступок правительства, т.-е. расправу с врангелевцами, предательством против высших интересов болгарского

государства, бросали ему отчасти справедливый упрек в том, что оно «из подслуживания к французам и из-за страха перед коммунистами пустило армию Врангеля в Болгарию, содействовало ее устройству, потворствовало ей, а теперь разгоняет».

– «Какую цель преследует правительство травлей русской эмиграции? – задавал себе вопрос орган народной-цанковистов «Мир». – Изгнать эмиграцию из Болгарии? Но для этого незачем прибегать к столь низким средствам. Было бы честнее и благовиднее предложить этим несчастным поискать себе другую страну, менее коммунистическую и более благородную. И они отряхнут прах от ног своих и уйдут, как ушли из своей собственной страны. Тогда по крайней мере в душах их не останется скорби о том, что они были выданы на клевету и издевательство своих заклятых врагов». По мнению газеты, правительство, теряющее свой престиж среди селян, хочет ценою русских беженцев купить себе расположение коммунистов. В другом месте газета срамила: «Эти действия дружбашей ложатся пятном не только на них, но будут вечным позором и для всей Болгарии; они составляют покушение на доброе имя нашего народа и в будущем. За совершенное дружбашами надо краснеть всякому болгарину, как всякий из нас краснеет за совершенное при Сурдулице¹».

Но как ни старалась болгарская буржуазная пресса, она уже не могла удовлетворить русскую белогвардейскую, ожидавшую от блока много большего. «Русское Дело» кричало о том, «что большевистская провокация

¹ Сурдулица – селение в Родопских горах. Здесь живут «помаци», отуреченные болгары. В 1912 году, при объявлении войны Турции и при занятии Родопы болгарской армией, последняя в Сурдулице произвела избиение своих братьев по крови и языку – «помадей».

сумела поселить недружелюбие между русскими беженцами и болгарским народом, между национальной Россией и национальной Болгарией. Последняя не сумела дать ей отпора. Русские контингенты оказали национальной Болгарии крупные успехи. О них не говорится. Рыцарски умалчивается. Национальная Болгария, зная об этих молчаливых заслугах, не нашла в себе ни мужества, ни умения отстоять друзей Болгарии. Русские контингенты, отчаявшись в Болгарии, могут уйти, куда глаза глядят. И, вероятно, уйдут. Ибо слишком тяжело стало их положение. Именно этого домогается теперь Интернационал. Именно этот скорбный исход предопределит судьбу русско-болгарских отношений на многие годы».

Для утешения орлов эта газета сообщала о том, что Греция и Сербия с распростертыми объятиями готовы принять всю армию Врангеля, а высланных генералов на каждой станции встречают с музыкой и почетными караулами. «Новое Время», вторя своему софийскому собрату, до того довралося, что без всякого стыда печатало такую телеграмму из Варны: «Все офицеры местного болгарского гарнизона отказались принимать участие в арестах русских, а затем, в знак протеста, подали в отставку во главе с начальником гарнизона, воспитанником русской академии генерального штаба». В действительности никто от службы не отказывался и в отставку не подавал, тем более начальник варненского гарнизона, полковник пограничной стражи Печигаров, кстати сказать, никогда в русской академии не обучавшийся. Обругав неудачных союзников Врангеля – блокарей, сочинив ложный донос Антанте о том, что будто бы 17 мая на митинге коммунистические ораторы призывали водворить во дворце царя Бориса совет солдатских и рабочих депутатов, чтобы в Болгарии

водворился мир хижинам и война дворцам, «Русское Дело» решило покончить свое бесславное существование самоубийством и начало во-всю ругать болгарское правительство.

– «Теперь надо говорить открыто, – писалось в последнем номере 134 от 19 мая, – что русские приняты, как организованные части, не будет отрицать ни один член болгарского кабинета. Не посмеет в частности ни один из болгарских военачальников, принимавших участие в переговорах о приеме русских контингентов. Просто отмечаем переход от белого к красному».

– «Дорогу Раковскому! – шумел Сережа Шевляков, не столько журналист, сколько информатор кутеповского штаба. – Грядите, г. Раковский, и получите в Болгарии то, в чем отказано Кутепову. А мы опять смолчим, и даже на братских могилах наших отцов и дедов, павших за освобождение Болгарии с наших уст не сорвутся упреки. Мы их затаим в себе. Мы отнесем их в будущую Россию».

А фельетонист Литвин, тот самый, что раньше грозил болгарскому правительству мрачными словами пророка Исаии, теперь впал в тихую грусть и заливался горячими слезами пророка Иеремии на развалинах белогвардейского Сиона:

– «Под сенью балканских высот казался таким желанным и осуществимым братский, неразрывный союз с болгарским народом. Казалось, что здесь уцелевшие побеги русской государственности разрастутся в могучий ветвистый лес. Были светлы и ясны надежды. И потому слишком горьки и обидны эти дни. Слишком много испытаний осталось позади. Впереди нас еще густая завеса. Встает вопрос, жгучий и горький: Куда? гонимым странникам с гордыми душами и горячими

сердцами – наши дороги раскрывает сегодняшний день. Веет холодом от балканских высот и неприветливости в эти дни молчаливые болгарские поля. И у старых знамен так понятна внезапная мысль, рожденная в черные русские дни: снова в путь, снова в неведомую даль. Там, где не поняты оскорбления и страшный разливаемый позор, там не место чистым душам и горячим сердцам... Усталые странники перед новыми дорогами».

Так пел белогвардейский Заратустра.

– Вместо всей этой болтовни и бредней о новом пути, сидели бы гг. сотрудники «Русского Дела» на месте, не сбивали бы с толку других и хоть немного начали бы жить не в эмпиреях, а в окружении действительной жизни! Отозвались на эту литвиновскую иеремиаду милюковские «Последние Новости» из прекрасного далека – Парижа.

Выслушав упреки и назидания передовицы, угрозы Шевлякова и надгробные рыдания Литвина, болгарское правительство закрыло газету и предоставило «гордым душам и горячим сердцам» бесплатный билет до сербской границы.

Наконец, обрушился на болгар и Врангель. 16-го мая он отправил на имя председателя совета министров Болгарии крайне дерзкую «ноту». В ней прежде всего перечислялись все старые каиновские грехи болгар против своей освободительницы России. Потом, забывая, что Болгария приняла орлов после долгих слезных молений, барон снисходительно заявлял:

– Готовая забыть тяжелое прошлое, русская армия с полным доверием приняла гостеприимство болгарского народа. Сердечный прием, который ей засвидетельствовал болгарский народ, с очевидностью убедил всех, что народ не был виновен в предательстве своего правительства.

Но дальше белый вождь опять укорял:

– Второй раз болгарское правительство двигает свой народ в руки смертельных врагов России. Поддаваясь нечистому внушению, болгарское правительство ищет подкрепления у тиранических насильников России, креатур и сподвижников Германии. Этот союз имеет целью пожертвовать тем, что еще осталось от русской армии, вопреки священному закону гостеприимства.

И, наконец, грозил:

– Окруженные ненавистью и клеветой, русские солдаты видят, как приближается момент, в который они будут вынуждены сплотиться около своих знамен. Зловещий призрак братоубийственной войны появляется еще один раз. Бог свидетель, что не мы причиной этому.

Как и следовало ожидать, на эту «ноту» правительство ничего не ответило, совершенно не опасаясь возникновения братоубийственной войны, хотя вся масса армии Врангеля по-прежнему продолжала оставаться на территории Болгарии. Скоро она убедилась, что русские низы одобряют его акцию против врангелевщины. Не далее как 21-го мая общее собрание казаков варненского района вынесло следующую резолюцию:

1) просить кого следует о том, чтобы был положен решительный конец военной организации Врангеля, являющей собой прямую угрозу международному миру и имеющей единственной и ближайшей задачей – восстановление в России тирании царя и помещиков; 2) крайне сожалеем о том, что беженское положение иногда осложняется политикой безответственных авантюров, и признаем правильными те репрессии болгарских властей в отношении чинов врангелевской армии и сочувствующих ей лиц, активно использовавших гостеприимство Болгарии во вред ее государственному благополучию и безопасности; 3) просить правительство

страны о назначении судебного расследования по делу об убийствах во врангелевской армии солдат и офицеров и в случае обнаружения виновных предать гласному державному суду; 4) обратиться ко всем сочувствующим элементам армии и казакам с призывом: протестуйте смело и открыто против кровавой и унижительной врангелевщины, требуйте уничтожения иерархии и организуйтесь на выборных началах для защиты своих прав – материальных и политических; 5) заявляем категорически, что мы не будем участвовать ни в каком военном походе против России, и ни в какой иной аванюре другого характера, направленной против России и русского народа. Мы не только не будем участвовать в авантюрах подобного рода – мы будем против них активно бороться в сознании, что они глубочайшим образом усугубят нынешнее тяжелое положение нашей страны¹.

Это было первое публичное выступление низов балканской эмиграции против Врангеля.

¹ Эта резолюция была напечатана в №3 Софийской газеты «Вестник земледельца».

ХІІІ

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И ОФИЦЕРЫ

Буржуазному блоку, связи которого с армией Врангеля были теперь разъяснены всему болгарскому народу, после «самохваловских дней», волей-неволей приходилось искать другую реальную силу для того, чтобы с ее помощью сокрушить земледельческую власть. Армия Врангеля еще оставалась в стране, ее надломил, но не уничтожил. Однако блок видел, сколь непопулярна эта чужеземная организация в целом болгарском народе, без различия политических взглядов, и стал искать национальную опору для своих замыслов.

Многочисленное болгарское офицерство, оставшееся после войны без всякой работы, уже в первое время владычества земледельцев было крайне оппозиционно к революционному правительству, но в массе своей чуждо мысли о перевороте. В состав образовавшегося тогда «Союза запасного офицерства» вошло не мало и бедноты, даже членов коммунистической партии, которые сдерживали фашистские замыслы верхов союза. Безработные генералы и полковники, большей частью выходцы из зажиточных классов, не прочь были свалить Стамболийского, ненавистного офицерству своей пропагандой против войны еще в 1916 году, за что будущий диктатор почти два года сидел в тюрьме.

В феврале 1921 года, на 16-м съезде болгарского народного земледельческого союза, Стамболийский хвастался:

– Мы раздавили последнее гнездо анархии, мы раздавили военную лигу: ее не существует больше. Она труп. Я собрал офицеров софийского гарнизона и предупредил их: «Вы желаете убить нас и устроить переворот... помните, что за мной стоит организованный земледельческий народ, который за мою голову возьмет не только ваши головы, но и головы ваших жен и детей. Если вы устроите переворот, на другую же ночь будете думать, где найти прибежище, куда бежать из городов со своими семействами».

Но не страх перед крестьянскими дубинами остановил военные верхи совершить переворот в пользу городской буржуазии, а настроение многолюдных офицерских низов, далеко не разделявших замыслов своих руководителей.

Буржуазия, цепляясь решительно за все средства, годные для борьбы против земледельцев, обратила внимание и на «Союз запасных офицеров» и начала его обрабатывать. Постепенно все более или менее видные его деятели были устроены на более или менее теплые места в синдикаты, на фабрики, в разные торгово-промышленные предприятия. На последующих конгрессах (съездах) союза голоса оппортунистов раздавались уже слабо; напротив, всю силу забирали верхи, неукротимые враги дружбашей. Офицеров-коммунистов вовсе изгнали из союза. В президиум попали бывшие интенданты, коменданты и другие тыловые герои, теперь уже все народ богатый, коммерческий, имевший деловые и всякие другие связи с торгово-промышленным миром. В 1922 г. большая часть членов центрального управления союза, в том числе и председатель ген. Луков

и председатель софийской группы ген. Лазарев (совершивший переворот в июне 1923 г.), состояли на службе в табачном синдикате, тяжелой артиллерии болгарской городской буржуазии, или, как майор Рачев, работали в редакции газеты «Слово», органе этого синдиката.

Для политической обработки офицерского союза буржуазные партии начали действовать довольно искусно. Они образовали «беспартийный» общегражданский «Народный сговор», общество, ставившее себе туманную цель – достижение Болгарией национальных задач с помощью объединенной интеллигенции.

Если же смотреть на вещи просто, то эта организация представляла замаскированный филиал блока для улавливания и обработки беспартийной интеллигенции, особенно запасного офицерства. Туманные фразы о нейтралитете, беспартийности, национальных задачах являлись только красивой приманкой; существо же сводилось к тому, чтобы вселять отвращение к земледельческой и коммунистической идеологии и образовывать кадры для борьбы с ними. Для большей маскировки ни один видный лидер буржуазных партий не вошел в это общество, а были командированы туда второстепенные, менее скомпрометированные своей прошлой деятельностью.

Само собой разумеется, заправила тоже «беспартийного» «Союза запасных офицеров» входили в состав «Народного Сговора» и, вдохновляясь от него, в органе своего союза проводили те же мысли, которые были выгодны буржуазии. Одним словом, через высших запасных офицеров, которые были или сами банкирами и капиталистами, или платными орудиями капитала, буржуазия старалась приобрести офицерский союз в услужение себе. После разгона врангелевских штабов пресса блока начала кадить фимиамом перед

запасным офицерством, напевая ему, как сладкоречивая лиса, о его культурной роли, вооружая в то же время против нарушителей божеских и человеческих законов – дружбашей.

Земледельцы предвидели этот новый альянс блока. Еще в разгар арестов врангелевских шпионов министр земледелия Обов заявлял на митинге в г. Пловдиве, что отныне буржуазные партии усилят свою ласку по отношению оживающей офицерской лиги.

Председатель союза ген. Луков не скрывал своих намерений свергнуть власть земледельцев. Еще 19 марта, в г. Софии, на одном общегражданском собрании он призывал всех граждан сплотиться для того, чтобы уничтожить дружбашей, попирающих три святыни – армию, просвещение и правосудие.

Правительство Стамболийского начало зорко следить за действиями «Союза запасных офицеров», как бы предчувствуя, что отсюда ему будет нанесен смертельный удар. На 26 мая в Софии созывался «земледельческий собор» – собрание партийных земледельцев всего государства. Но, узнав, что 28-го состоится «конгресс союза запасных офицеров», правительство отсрочило съезд на два дня для того, «чтобы продемонстрировать перед офицерством силу и мощь правительственной партии и держать под рукой крестьянские дубины на случай агрессивных действий конгресса».

Начались грандиозные, трескучие приготовления к земледельческому собору.

Вернувшийся с Генуэзской конференции Стамболийский хотел устроить себе величественный триумф, наслаждаться зрелищем народной толпы, расprostертой у его ног.

– «Что и говорить! – народу явится множество: пристава, полицейские, детективы (сыщики), сельские

кметы (старосты) и все селяне, кому надо в столице обделать какие-нибудь делишки!» – язвил «Работнический Вестник».

Наконец открылись и собор земледельцев, и конгресс запасных офицеров.

Стамболийский упивался своим величием и дешевой популярностью. Честолюбие некогда скромного деревенского учителя было удовлетворено вполне. Теперь он с лихвою вознаградил себя за двухлетние тюремные муки. Сын его гонителя «царь болгар Борис III» состоял при нем на побегушках; если же начинал артачиться, диктатор дружески предупреждал его:

– Слушай, момче (парень), береги свою корону! Ей-ей, она нынче что-то непрочно сидит у тебя на голове.

Можно думать, Стамболийский терпел эту пешку только для того, чтобы наслаждаться ее страдательной ролью и чтобы лишний раз подчеркнуть свое значение в стране.

Представители аграрных партий других держав, в том числе нынешний польский премьер Витос, явились на собор в Софию приветствовать организатора болгарского земледельческого класса. И честолюбу уже мерещился в тумане будущего обольстительный облик Зеленого Интернационала в противовес красному, коммунистическому.

По обычаю в первый день манифестировали, и столица дрожала столько же от криков, сколько от страха перед погромами. В одном месте громада земледельцев встретилась с горстью запасных офицеров. Это походило на встречу кита с маленькой рыбкой.

Тысячи громадных оранжевых плакатов с ударными надписями возвышались над морем земледельцев. «Да здравствует сельская диктатура!» «Вон врангелевских генералов!» «Долой предательскую буржуазию!» «Царь

царствует, но не управляет». Пристава, предводительствуя «дружбами»¹, время от времени поднимали свои дубины, и тогда тысячи голосов исступленно вопили:

– Да здравствует Стамболийский!..

А на лицах были написаны усталость, равнодушие, полное непонимание целей этой кутерьмы.

Офицеры маршировали, как на параде. В первых шеренгах шли генералы, сзади полковники и еще дальше – низшее офицерство. Время от времени они стройно пели национальный гимн: «Шуми, Марица», с иронией поглядывая на ревушие толпы селян. Колосс на глиняных ногах – «Народный земледельческий Союз» их не особенно страшил. На Стамболийского генералитет поглядывал вызывающе.

А диктатор в это время захлебывался от удовольствия. Он верил в эту толпу, согнанную приставами, и мнил себя ее душой. В этот миг он чувствовал, что интриги и заговоры блокарей гроша ломаного не стоят и что нет такой силы, которая может сбить его с пьедестала.

Выпрямив свою слонообразную фигуру, потрясая могучей головой, а еще более кулаками, он, весь – воплощение дикой, необузданной стихийной силы, демагогически восклицал:

– Не идеи свои демонстрируем мы сегодня, а свою силу. Наш главный враг – София, город спекулянтов и кожедеров, сегодня трепещет. Мы одним ударом кулака сокрушим весь оппозиционный блок, который находится в Софии, этом Содоме и Гоморре Болгарии. Пусть буржуи и кожедеры и не думают устраивать переворот. Сегодня мы объявляем против них единый фронт. Софию мы поставим в карантин, ибо она сошла с ума

¹ Дружба – провинциальное отделение земледельческого союза.

и опасна для окружающих. При первом моем зове вы должны исполнить наш план. Мы не боимся врангелевцев и не позволим у нас интриговать. Довольно прятаться. А царю мы говорим: ты будешь царствовать, пока мы тебя поддерживаем. До сих пор земледельческий союз только воевал, но не управлял. С сегодня мы начинаем управлять. А управлять мы будем до тех пор, пока пожелаем. Нас никто не свергнет. Сейчас Болгария переживает свою весну, а через несколько времени начнется для нее лето.

– Долой блок! Да здравствует Стамболийский! – гремели десятки тысяч голосов.

А в военном клубе, при раскатах этих возгласов, преспокойно подводили подкоп под владычество диктатора, грозного на словах, но слабого на деле, и под весь его земледельческий союз, весьма внушительный по размерам, но не спаянный внутренним цементом и потому готовый рассыпаться в любую минуту.

Сначала на конгрессе, как водится, без конца сыпались красивые фразы, произносились заманчивые речи, затуманивались головы призывом к реваншу, подчеркивалось унижение страны и взваливались все несчастия и беды Болгарии на голову Стамболийского. Ораторы, начав за здравие, кончали за упокой. Проф. Кулев, приветствуя конгресс от имени «Народного Сговора», высокопарно заявил:

– «Нас обвиняют, что мы собираемся делать переворот. Это клевета. Между нами и вами идейный союз. Если мы собираемся делать переворот, то переворот культурный, от уныния к бодрости, от невежества, демагогии и террора к разуму, честности и долгу. Наши способы действия не сила и террор, а убеждение и сознание. Сила же и террор – это средства сегодняшних узурпаторов».

Точно так же и ген. Лазарев, заявив вначале, что «мы не служим той или иной партии, а только Болгарии», закончил свою речь словами:

- «Мы - обвинители нынешнего правительства и будем бороться против земледельцев, как и против коммунистов».

Даже офицер-калека, делегат «Союза инвалидов», посланный для приветствия, воинственно заявлял:

- «Все болгары умрут до одного, но не помирятся с созданным положением».

Постепенно «беспартийный» конгресс превратился в солидарную с блоком организацию и демонстрировал свою вражду к правительству. Чтоб еще больше кольнуть ненавистных земледельцев, конгресс исключил из состава союза членов правительства, запасных офицеров, министра Радолова и начальника штаба полк. Топалджикова.

Коммунистов-офицеров на этот конгресс не впустили даже в качестве зрителей. Один из них, Иван Иванов (есть такие и в Болгарии), раздавал подле клуба декларацию своей группы, которая просила запасных офицеров не превращаться в солдат блока. Иванова офицеры жестоко избили.

После всего этого едва ли кто-нибудь мог без усмешки читать начало резолюции:

- «Союз запасных офицеров есть идейная, беспартийная организация, которая имеет целью закрепить в стране право и законность».

А заканчивалась она угрозой:

- «За всякое посягательство на кого-либо из членов союза запасные офицеры считают ответственным лично министра-председателя».

Орган русских заграничных черносотенцев «Новое Время» совершенно правильно понял суть этого

офицерского конгресса и ничуть не ошибалось, когда писало по поводу его резолюции:

– «Союз запасных офицеров Болгарии протестовал против бездеятельности оппозиционного блока и требовал от него смелой борьбы против народных тиранов».

Конгресс закончился пением национального гимна и, как следовало ожидать, расколом запасного офицерства. Едва только прозвучала резолюция, как отовсюду посыпались протесты. К общему удивлению в среде запасного офицерства оказалось множество людей, вполне осознавших правду новой жизни, которую проповедывали коммунисты. Почти с быстротою молнии организовался трехтысячный «Союз запасных офицеров и подофицеров». Он не стал открыто на коммунистическую платформу, но начал в своем органе «Народная Армия» проводить основные принципы классовой армии пролетариата.

За Стамболийским офицерством не пошло: половинчатость его теории и дряблость его практики претила прямолинейному, решительному военному характеру.

Распыление сил запасного офицерства мало повлияло на решимость вождей «Союза запасных офицеров» померяться силами с правительством. Спустя год это состязание состоялось и закончилось не в пользу того, кто 28 мая 1922 г. демонстрировал свое небывалое величие и свою несокрушимую мощь перед слугами болгарской городской буржуазии.

XIV

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ В НАРОДНОМ СОБРАНИИ

Когда прошел угар шумного торжества, Стамболийский и его министры поинтересовались положением противоположного лагеря. Блок, скомпрометированный связью с Врангелем, все-таки не склонял головы, а после офицерского конгресса совсем расхорохорился. Земледельческий собор и демагогия Стамболийского его мало тронули.

Газеты буржуазных партий, не довольствуясь обычной грызней, начали отпускать по адресу диктатора совсем наглые выходки, даже необычные для Болгарии. Ложь, клевета, провокация уже устарели и мало волновали Стамболийского, борзописцы которого тоже были мастера на эти штуки. Газеты блока решили использовать карикатуру.

Вот одна из них.

Площадь перед дворцом царя Бориса. Дюжий селянин, с неизменной «сопой» (дубиной) в руках, обращается к городскому франту:

- Скажи, не видал ли ты здесь Стамболийского?
- А кто он такой?
- У меня служил свинопасом, да вот третий год, как сбежал в Софию.

– А, этого знаю. Он теперь стал министром.

– Министром? Вот негодяй. Пойду его дубиной отделаю, прогоню обратно к свиньям. А то ведь, чего доброго, все пастухи побросают стада и уедут в Софию, когда узнают, что тут всякого свинопаса министром ставят.

Газеты с такими карикатурами расклеивались повсюду в публичных местах и на улицах.

Вся личная жизнь Стамболийского, вся его политическая деятельность выносились на всеобщее поношение. Находились лжесвидетели, обвинявшие его в печати в разных преступлениях, в политических убийствах, в казнокрадстве. Эти разоблачения, не имевшие никакой ценности, буржуазные газеты пережевывали с неопишуемым вкусом.

Коммунисты, которых раньше так боялись и земледельцы и которых так ненавидели блокари, теперь отошли на второй план. Земледельцам и блоку теперь было не до них. Их ругали теперь только при случае. Между земледельцами и блокарями завязался смертный бой; всю свою тяжелую артиллерию они направляли друг на друга.

Диктатор был готов ко всему и готовил блоку сюрприз.

Настал день, когда в Народном Собрании предстояло обсуждение двух интерпелляций: коммунистической – по поводу хозяйничанья в Болгарии врангелевских генералов и «народняцев» – по поводу гонений на «несчастливых русских беженцев». В парламенте предвиделся «большой день». Партии мобилизовали свои словесные силы.

Болгарское Народное Собрание в эпоху Стамболийского превратилось из говорильни в ругальню. Обсуждать законопроекты не имело никакого смысла. Чтобы

ни внесло правительство в парламент, многочисленные депутаты-селяне все вотировали в том виде, как того хотел кабинет. Поэтому оппозиция шла сюда только для того, чтобы отводить душу, ругая в глаза своих политических противников.

А ругаться можно было как угодно и сколько угодно. Прошло то время, когда депутаты бережно относились к своим словам и когда побаивались министров. При Баттемберге они в струнку ходили перед военными министрами из русских. Когда ген. Эрнрот, узнав, что внесен запрос по поводу непорядков в его ведомстве, явился в Народное Собрание и спросил: «А ну-ка, кто тут внес интерпелляцию? Хотел бы я его видеть», – интерпеллянт настолько оробел, что спрятался за спину соседа и буркнул из-за этого убежища: «Его нет в Собрании». При Стамболове и Фердинанде тоже приходилось оглядываться назад. Зато Стамболийский развязал всем языки. Диктатор был уверен, что никакая парламентская оппозиция не сокрушит его силу и царствию его не будет конца. Однако и его терпение лопало, и он собирался не на шутку пугнуть блокарей, впрочем не столько за парламентскую руготню, сколько за тайные козни, за якшанье с Врангелем и запасными офицерами, за старое, за новое, за три года вперед.

8-го июня в Народном Собрании царило необычайное оживление. Блокари нервничали, сходились в группы и расходились. Жадно пили воду и много жестикулировали. Прямую противоположность им представляли депутаты-турки, сохранявшие олимпийское спокойствие, всегда готовые голосовать за предложение правительства, какое бы это последнее ни было, земледельческое, буржуазное или коммунистическое. Поддерживать преобладающую власть было их всегдашнее амплуа. При выборах всякое болгарское правительство

имело головокружительный успех в тех районах, где преобладают турки. Земледельцы-статисты, т.е. многочисленные депутаты от селян – суровая, крепколобая деревенская знать, тоже, как и правый сектор оппозиции, нервничали, будучи недовольны Стамболийским, который столько времени церемонится с блоком, не приказывает им выкидать за окошко всех блокарей, так чтобы и духу ихнего не осталось в парламенте.

Заседание началось с речей интерpellянтов. Высокая честь защищать Врангеля от имени национальной Болгарии, т.е. блока, выпала на долю некоего Цоню Брышлянова, бывшего меньшевика (по-болгарски – широкие социалисты), впоследствии перешагнувшего в болгарский Союз Архангела Михаила – народно-прогрессивную партию. Ренегат, разумеется, тянул волюнку о гонениях на «несчастных русских беженцев», устроенных по приказу из Москвы, и ни словом не обмолвился об устройстве этими несчастными, имеющими собственные автомобили, военно-полевых судов, своей полиции, военного шпионажа и т.д. Ополчившись на кровожадных коммунистов, всецело овладевших правительством, оратор в порыве увлечения возвел Врангеля почти в святые, его генералов – в агнцы непорочные, и закончил речь указанием на то, что теперь Болгария утратила симпатии сотен «великих русских государственных мужей».

В. Коларов, секретарь Коминтерна, блестяще подерживая запрос коммунистической фракции, довольно деликатно напомнил Брышлянову, что несчастные русские беженцы в защите блока не нуждаются, так как их никто не трогает, а если попало в физиономию генералам, то вполне по заслугам.

Главный герой «самохваловских дней» и будущий герой «тырновского двубоя», министр внутренних дел

Райко Даскалов доложил парламенту все, что удалось извлечь из самохваловского архива, не преминув, впрочем, сначала порисоваться. – Коммунисты обвиняют нас в потворстве врангелевцам, блок – в союзе с коммунистами. Мы не с вами, гг. блокари, и не с вами, гг. коммунисты. Мы идем своей дорогой. Когда мы стали уличать блок в заигрываниях с Врангелем, мы это делали не для удовольствия коммунистов, а потому что это вытекало из фактов. Если бы блок так не приголубил врангелевских генералов и не поощрял их, они никогда не позволили бы себе так много.

Далее министр огласил переписку между Врангелем и Людскановым, секретарем болгарского посольства в Сербии и воспитанником русской академии генерального штаба. Людсканов, по-дружески информировав Врангеля о сложной политической обстановке Болгарии, сообщал ему о стремлении оппозиции привлечь врангелевские части на свою сторону и что необходимо предупредить вмешательство русской армии во внутренние дела Болгарии. Врангель отвечал ему следующими словами: «Если в жизни армии имеются некоторые явления, которые могут дать повод неправильно истолковать намерения как частей армии, так и ответственных ее начальников, стоящих во главе, я уже дал решительное указание, чтобы не повторялись эти явления. Я резко порицаю всякие опыты вовлечения армии в политическую борьбу, которую ведет болгарская оппозиция против правительства».

Однако в дальнейшем, при чтении Даскаловым документов, выяснилось, что главнокомандующий очень интересовался Болгарией. В тайных докладах ему сообщались, шаг за шагом, все явления болгарской политической жизни. Даже такая мелочь, как продление срока для созыва земледельческого собора, и то

отмечено в докладах, притом, с целью провоцирования Стамболийского, это объяснено желанием приурочить земледельческий собор к открытию коммунистического конгресса, когда прибудет из Москвы видный русский большевик Милютин, который будет выступать там и там. Действительно, белградское «Новое Время» писало именно так о причине отсрочки земледельческого собора.

Далее, Врангеля уведомяли о возникновении русско-болгарского союза во главе с Молловым, а также об успехах блока, который привлекает на свою сторону царя и мелкобуржуазных радикалов, готовит переворот и запрашивает военную миссию Врангеля, как будут вести себя в этом случае русские войска.

Едва Даскалов дочитал содержание этого последнего документа, как в зале воцарился невообразимый шум.

– Предатели! Кожедеры! – ревели депутаты-земледельцы.

– Это шантаж! – вопили блокари.

Вдруг общий рев и гвалт покрыл зычный, повелительный голос:

– Довольно! Я долго церемонился с блоком, так как не хотел политических процессов. Мне было неприятно устраивать гонения на политических врагов: я не забыл еще тех гонений, которые сам претерпел. Но теперь я говорю: довольно! Теперь я не остановлюсь исполнить желание народа: под суд предателей, под суд вождей буржуазного блока.

Это говорил Стамболийский. Зала замерла, а когда он окончил, с земледельческих скамей грянул гром рукоплесканий. Брышлянов все-таки ухитрился так крикнуть, чтобы его слышали:

– Эй, Стамболийский, бойся коммунистов, а не буржуазных партий: это партии порядка.

Ровно через год Стамболийский точно узнал, кого ему следовало бояться, а Болгария узнала порядок блока.

С запросом «народняцей» покончили, и притом самым неожиданным образом.

От коммунистов не удалось так легко отделаться. В следующие дни, 9 и 10 июня, правительство главным образом отбивалось от них. Коммунистическая фракция винила кабинет за допущение контр-революционной армии Врангеля в Болгарию, за покровительство этой военной организации и за нежелание вступить в дипломатические сношения с советской Россией.

– Врангелевцы были приняты, как безоружные, согласно заключенного условия, – начал было Даскалов.

– Огласите соглашение! – раздались требования справа и слева. – Стамболийский сам, как тяжелая артиллерия, выступил на поддержку своего сподвижника.

– При принятии врангелевцев нам была предложена конвенция, в которой говорилось о вооруженных частях. Мы ее с возмущением отвергли и приняли их как безоружных. Я уже тогда говорил: «Эти люди отчаянные большевики; все, что русское, – большевистское, анархическое; но как станут на болгарский берег, они уже не войско, а несчастные беженцы...

– Которые имеют пулеметы! – подал реплику с места тов. Луканов.

– У них пересмотрели багаж, – продолжал премьер, – оружия не нашли, а откуда оно взялось позже – можно только гадать. Если еще у них есть штабы, – военный министр, разгоните их. От нас требуют распустить врангелевскую армию... Как ее распустить? Выгнать людей из казарм и пусть разбойничают, или приставить к каждому по полицейскому для надзора?

Я спрашивал Раковского, Чичерина, Красина, есть ли амнистия врангелевцам. Они говорят: есть, но мы пришлем комиссию, которая каждого изучит, можно ли его пустить в Россию... Большевистская амнистия! Впрочем, мы никого не держим; кто из русских хочет ехать, пусть отправляется.

Настал черед высказаться меньшевикам. Эта политическая партия (по-болгарски – широкие социалисты), со времени возникновения коммунистической, стала хиреть, терять авторитет и сторонников. На партийных собраниях ораторам приходится говорить перед пустыми скамейками. Для первомайской демонстрации в 1922 году лидерам насилу удалось собрать душ двести, из которых четверть состояла из детей. Встретившись с коммунистической манифестацией, меньшевистская группа растворилась в ней. При Фердинанде эта партия бряцала оружием, в угоду воинственным замыслам царя; ее лидер Янко Саккизов настаивал на занятии болгарами Белграда. Теперь она держалась за хвостик блока, чтобы в случае его успеха провести петушком хоть одного своего человека в министерство. Впоследствии блок не забыл этой верной службы меньшевиков или, как их зовут болгарские коммунисты, «полицейских социалистов».

Едва только Крестю Пастухов, второй лидер этой партии, поднялся на трибуну, как коммунистическая фракция, точно по сигналу, направилась к выходу. Это был освященный временем обычай коммунистов. Таким маневром они высказывали свое презрение к соглашателям.

Как подобает меньшевику, Пастухов начал проливать горькие слезы над участью генералов Врангеля.

– Жертвы чудовищного режима в России, они заслуживают наши горячие симпатии. Поднятая против них травля – дело рук коммунистов. А вы, – он указал на

министров, – большевизируете. Коммунисты вас водят за нос.

Взволнованный Цюню Брышлянов, первый защитник врангелевских генералов, бросился к Пастухову и горячо пожал ему руку.

Коммунистическая фракция после этого снова появилась в зале.

Началось обсуждение резолюций, бурное, с репликами, с руготней, с ироническими замечаниями. Взаимные упреки и оскорбления оглашали своды парламента, который понемногу превращался в Бедлам.

– Врангелевцы готовились не против болгарского правительства. Они хотят итти на Россию, но момент еще не настал! – кричал депутат-блокяр Христов.

– Вы тоже ждете этого момента, готовитесь с ними, чтобы утопить болгарский народ в его крови... Бессовестные предатели! – горячился коммунист Димитров.

Стамболийский снова обрушился на блок.

– Вы трусы, каких мало. Без меня вы давно сидели бы по тюрьмам. Я уверен, что как начнется следствие по самохвальскому шпионажу, вы смалодушествуете и будете все валить друг на друга... Знаю я вас!

– Они уж и так отпираются! – крикнул дружбаш Марков. – Не так давно подали протест против ареста Самохвалова, а теперь Ганев говорит, что текст протеста выработал Моллов, а тот валит на Ганева... Другие говорят – подписывались, не читая...

– Заткнись, прихвостень коммунистов. Вы, дружбаши, только и держитесь союзом с коммунистами.

– Коммунисты не помогают нам жить, а помогают вам умереть. Вы – обреченные самой жизнью на смерть! – отрезал Стамболийский.

– Вы тогда стали врагами дружбашей, когда они выгнали вас из министерства, – отбивался тов.

Луканов. – А раньше кто убивал наших товарищей? Не вы ли в союзе с дружбашами? 23 коммунистических головы погибло в нашей борьбе с ними... А сколько дали вы, борцы за законность и порядок?

При всеобщем остервенении и уже начинающейся свалке проголосовали резолюции. Была принята, разумеется, земледельческая. Она гласила:

– «Народное Собрание одобряет действия правительства, принимает к сведению его заявления о разоружении армии Врангеля, признает необходимым установление надзора за дальнейшим разоружением и требует отдания под суд всех участников самохваловского шпионажа из числа болгарских подданных».

Возбужденные, готовые перегрызть друг другу глотку, споря и ругаясь на ходу, покидали депутаты парламент, на переднем фасаде которого, под государственным гербом, красовалась надпись – девиз болгарской нации:

– Соединението права силата¹. Единение создает силу! Сила в единении.

¹ Эти слова чеканились и на монетах.

XV

АРМИЯ В ПОДПОЛЬЕ

Казалось, после «акции» болгарского правительства в «самохваловские дни» от врангелевской военной организации не должно бы остаться и следа.

На деле вышло иначе.

По свойственной ли болгарам отходчивости или по настоянию Антанты, эту организацию окончательно не придушили.

Отправка на работы затормозилась и части остались жить в казармах. Более того, в частях кое-где сохранилось и оружие, припрятанное в земле. Начальники, присмирившие в самохваловские дни, и штабная челядь, разбежавшаяся было в страхе перед арестами, постепенно опять приступили к прежней работе под сенью галлиполийских знамен. Снова, точно после Мамаева нашествия, начиналось собирание земли русской на болгарской территории.

Болгары, преследуя по преимуществу военно-политическую организацию Врангеля и ее тайных агентов, отнимая оружие и наводя панику на штабы, не разгоняли строевых частей. Только, в целях безопасности, перевели в глубь страны те из них, которые квартировали близ столицы (в с. Княжево). Значит, теперь

надо было наладить связь между частями, восстановить штабы и удержать оставшихся людей от распыления. Болгарская власть перестала покровительствовать и признавать легальное существование организации. Приходилось работать в подполье.

30-го марта, на совещании блокарей с представителями армии, хозяева советовали гостям возможно тоньше вести свое дело, возможно меньше афишировать свою военную организацию. Шатилов, в первый же день после ареста Самохвалова, писал Кутепову (письмо это перехватили болгары), что в будущем, для сохранения армии, надо действовать осторожно и маскироваться всеми силами. Начальники приняли это к сведению, насколько могли. Оставшееся оружие припрятали тщательнее. Ученье стали производить в глубине казарменных дворов.

Кутепова выслали, на его место сейчас же заступил ген. Витковский. По ходатайству посла Петряева не выслали ни главного военного прокурора ген. Ронжина, ни начальника снабжений ген. Ставицкого, ни командира донского корпуса ген. Абрамова. Скоро и на место Шатилова прибыл в Болгарию бывший архангельский главком ген. Миллер, побывавший в Париже и заручившийся расположением французов. Он приступил к сохранению хотя бы основных ячеек армии Врангеля, и до некоторой степени добился своего.

Со времени его приезда болгарское правительство заметно смягчило свой гнев на врангелевцев.

Коммунисты снова заволновались, видя, что правительство остановилось на полумерах. Изгоняя военнополитических деятелей, оно полагало, что отрубает голову у опасной змеи, отогретой у себя на груди. А у этой змеи, как в сказке, на место одной головы немедленно выросло несколько новых.

– «Врангелевские штабы не разогнаны, – писал «Рабочий Вестник» 26-го мая (№ 267), – оружие у них не отнято. Правительство, под натиском народных масс и ради страха за собственное существование, приступило к обыску врангелевских штабов и экстернировало нескольких врангелевских генералов. Но дальше этого оно не пошло. Широкие меры для борьбы с этой организацией, возведенные в первое время после открытия шпионажа, не приведены в исполнение. Ген. Кутепов, покидая страну, официальным приказом назначил себе заместителя. Буржуазная пресса во главе с газетой «Мир», с затаенным злорадством разгласила этот приказ. То же делали и другие высланные, только без шума и огласки. Посягнув на несколько лиц, правительство оставило штабы, которые продолжают функционировать. Без сомнения, что и шпионская организация врангелевского штаба, под другой, более скрытой формой, продолжает свою работу. Она теперь еще более опасна, так как, наученная горьким опытом, скрывает свои действия».

Контингенты жили.

Несчастливая, испорченная гражданской войной молодежь, не приученная к труду, соглашалась оставаться под каким угодно режимом подле галлиполийских знамен, лишь бы жить в стаде, ничего не делая и не заботясь о себе, переложив заботы на руководителей организации. Элементы жизнеспособных, пригодные не только на разрушение, но и на плодотворную работу, давно уже перешли на самостоятельное существование. Ряды галлиполийцев все более и более процеживались; подле начальников, как на дне сита, оставался один только мусор.

Однако за эту жалкую горсть погибших людей Врангель хватался руками и ногами. Она делала его не

простым беженцем, а вождем, даже и в заграничных странствиях. О ведении каких-нибудь операций против Сов. России ему теперь и не мерещилось. Но он ждал международных осложнений. Чем больше гною и разложения, тем вольготнее паразиту. А пока что подбодрял своих орлов кой-какими подачками, то в виде штанов, то в виде ботинок. Орлы, в ожидании войны, когда можно будет быстро поправить свои дела, довольствовались этим.

Заботливо оберегая своих людей от окончательного распада, подкармливая их и утешая скорым походом на Россию, начальство силилось выделить их от прочей беженской массы внешними отличиями. Предписывалось по-прежнему строго соблюдать форму, которую болгарская власть терпела, а болгарский народ презирал.

– «Многие из воинских чинов гарнизона, – гласил приказ гарнизону русских войск в гор. Казанлыке 6-го июня № 17, – ходят по городу в штатском платье, без погон, поясов, в черных шароварах на выпуск и не отдадут чести ни своим, ни болгарским офицерам. Всем, состоящим в войсковых частях, получающим паек и «пособие на мелкие расходы», обязательно соблюдать установленную форму, отдавать честь и выполнять все требования, предъявляемые воинским уставом. В противном случае я буду вынужден о нарушителях этих правил входить с ходатайством о переводе их на беженское положение. Не допускаю мысли, чтобы русские воинские чины были нарушителями дисциплины и порядка».

Чем дальше шло время, тем все наглее и наглее становились войсковые начальники, ободренные прекращением гонений.

В «акции» правительства оказалось больше шуму и треску, нежели серьезной опасности для организации

Врангеля. Полоса арестов пронеслась, как ураган, а затем все затихло. Кто уцелел, остался жить по-прежнему.

– Что, взяли? попробовали разогнать? – говорили врангелевцы болгарам.

Поведение болгарской буржуазии еще более подзадоривало их распоясываться. На мнение низов они не обращали внимания. В Свищове (Систове) 15 июня «народняци» и запасное офицерство справляли годовщину перехода русских войск через Дунай в 1877 году. На торжестве опять участвовали русские юнкера, солдаты, офицеры. Митрополит в своей речи пожелал врангелевцам победы и одоления над ненавистой коммунистической властью. Военный министр Томов, случайно оказавшийся в Свищове, извинился перед русскими за «недавнее недоразумение». В Белградчике тамошние блокари качали на руках генерала Пешню, которого власти выселяли, и демонстративно провезли через город на вокзал. Болгарская буржуазия подавала врангелевцам пример презрительного отношения к предрержащим властям.

Скоро опять посыпались жалобы на врангелевцев, но на этот раз уже на их насилия не над болгарами, а над русскими, не разделяющими галлиполийской идеологии. Болгар задевать теперь не осмеливались, особенно после того, как в В. Тырново рассвирепевшие болгарские солдаты уложили двух юнкеров и одного ранили.

– Потомки освобожденных нами рабов хотят нас уничтожить, но мы еще посмотрим! – говорил на похоронах погибших юношей ген. Репьев, «инспектор артиллерии 1-го корпуса».

Болгары это слышали.

В Родопских горах селяне выгнали врангелевцев из монастыря св. Кирилла, который отвел им для

жительства болгарский синод. Недовольство людьми в погонах начало сказываться повсюду. Политичные люди, при найме на работу, начали отрицать всякую, даже прежнюю связь с врангелевщиной. Военнопленные, оставшиеся от мировой войны, чувствовали себя аристократами. Их болгары любили. У русских консулов иногда можно было наблюдать такие картины.

– Перемените, пожалуйста, мне паспорт, который вчера выдали.

– Что так?

– Да как же! Там написано «российский гражданин такой-то».

– В чем же дело? Вы же не немец, не француз.

– Напишите так, как есть на самом деле: «военнопленный такой-то». А то с этим российским гражданством беды наберешься... За врангелевца примут.

Предусмотрительность была не лишняя.

– Защо избягал от Русия? (Почему сбежал из России?) – в первую очередь спрашивали теперь селяне каждого галлиполийского орла. И, покачивая головой, добавляли:

– Видно, ты плохой человек, что тебе там жить нельзя!

Братушки сердились на гостей. С братушками уже нельзя было шутить.

Зато над своими подчиненными начальники и их креатуры глумились вволю и безнаказанно. В Белградчике в Марковском полку гноили под арестом капитанов Щеглова, Волостнина и чиновника Фролова до тех пор, пока не вмешалась коммунистическая партия. 16-го июня в Новой Загоре, где в общежитиях Красного Креста скопилось множество старого хламу – генералов, жандармских полковников, окружных атаманов, словом, «новозагорские пески» по казачьей

терминологии, врангелевцы избивали до полусмерти И. Гончарова, агитировавшего за возвращение на родину. В инвалидных домах, в ведомстве аполитичного Красного Креста, почти каждую неделю избивали какого-нибудь калеку и изгоняли на голодную смерть за мечты о России. В Ямболе юнкера Корниловского училища П. Морозова посадили под арест за то, что отказался отдавать половину своего заработка в пользу преподавателей.

Ген. Туркул, сидя в Севлиево, по-прежнему непризнавал ни бога, ни чорта, ни местных властей, ни центральных, и если сохранял верность вассала Врангелю, то только потому, что тот снабжал его деньгами. В июне группа севлиевских буржуев, – даже буржуев! – жаловалась властям на то, что он чуть не месяц держит под арестом своего капельмейстера Ив. Николаевича, которого предполагает отправить под конвоем в Тырново, чтобы под конвоем расстрелять. Такие случаи уже бывали, добавляли жалобщики. На просьбы граждан об освобождении капельмейстера Туркул ответил, что настроение граждан его не интересует и вмешиваться в свои начальнические права он им не позволит. В жалобе сообщалось о целом ряде своеволий и самоуправных действий, а заканчивалась она просьбою окончательно обезоружить и уничтожить преступную шайку «дроздов» или, во всяком случае, избавить город от ее присутствия.

В Свищове юнкера Александровского училища отправили лидеру местных коммунистов Дамянову письмо, в котором грозили всех коммунистов побросать в Дунай.

– Теперь мы вам говорим словами вашего жидовского интернационала: Час борьбы настал! Держитесь, подлецы, негодяи, сволочи, теперь мы расправимся

с вами по-русски, – заканчивалось это юнкерское литературное произведение.

Таковы первые попавшиеся на глаза эпизоды из жизни и деятельности врангелевского воинства в период, последовавший за майской встряской. А сколько всяких безобразий остались неизвестными печати!

Мириады тайных агентов, или уцелевших от майского разгрома, или вновь вынырнувших из Сербии, наводнили страну братушек, распространяя всякие небылицы про Россию, про скорое свержение земледельцев и воцарение блока, о крепнущих симпатиях Франции к Врангелю и о скором радостном дне объявления всем светом войны большевикам. Для полноты картины в Софии начала выходить газета «Русь», второе издание закрытого «Русского Дела».

Коммунисты до глубины души возмущались двуличной политикой правительства, которое левой рукой созидало то, что разрушало правой. Наконец, и оно, внимая гласу коммунистов, мобилизовало свою желтую прессу, чтобы исподволь готовить общество к новым ударам по Врангелю. «Опасность от врангелевских авантюр еще не миновала, правительству необходимо принять решительные меры, чтобы предотвратить страну от неожиданностей», вдруг брякнула полуправительственная «Победа». Как бы в ответ на это правительство начало рассылать врангелевцев на работы. Им запрещалось носить погоны и кокарды. «Общественная безопасность» (тайная полиция) начала зорко следить за прибывающими из Сербии русскими.

Кой-кому из зарвавшихся белых героев указали путь из Болгарии, но тихо, без шуму и треску.

Водворение орлов на рудники и заводы не смутило подпольные штабы врангелевских войск. Они принимали все меры к тому, чтобы и на работах не выпускать

людей из своих рук. 25 июня 1922 г. заместитель Кутепова, ген. Витковский, издал руководящий приказ № 49 «для сохранения спайки с переходом корпуса в новые условия быта, связанные с постановкою на работы». Наиболее интересны следующие пункты этого приказа:

2. Всем командирам частей поддерживать занимаемые частями помещения в полной исправности для того, чтобы чины, временно остающиеся без работы, всегда могли найти себе в родной части кров.

4. В каждой части, сверх лиц, которые остаются на казенном довольствии, будет отпускаться некоторое количество добавочных пайков, которыми командирам частей удовлетворять наиболее нуждающихся, лишившихся работы.

5. В каждом пункте групповых работ, в группе каждой части, назначить старшего, через которого командиры частей и должны сноситься со своими людьми. Старшие должны постоянно информировать своих командиров об условиях жизни и о всем, заслуживающем внимания.

6. Информационному отделению высылать во все места групповых работ, а также в места, где работает много наших чинов, хотя бы одиночным порядком, «Информационный Листок».

7. Все вышедшие на работы продолжают оставаться в списках своей части и армии. Поэтому, несмотря на временное ношение штатского платья, все должны соблюдать правила отдания воинской чести и взаимного приветствия, ибо это является внешним проявлением принадлежности к одной семье.

11. Я уверен, что все чины корпуса с твердым сознанием необходимости перенесут временный переход к новым условиям жизни. И когда наш Главнокомандующий отдаст заветный приказ: «Вперед, на родину!»,

все мы, сменив снова лопату и топор на винтовки и пашки, сомкнемся под сенью своих знамен, чтобы исполнить свой священный долг перед возрождающейся родиной.

Таким образом, теперь каждая галлиполийская часть разбилась на две половины – рабочих и штабных бездельников. При штабах остались командиры, адъютанты, немощные фавориты, особенно те счастливцы, за женами которых ухаживало начальство. Этих корчил Врангель.

Остальные добывали себе кусок хлеба в поте лица своего, и только в случае болезни или лишения заработка могли рассчитывать на паек. При жалком бездомном существовании и эти слабые материальные блага утешали обезличенных людей и цементировали организацию.

Главное гнездо, куда слетелось больше всего орлов, были шахты Перника. Этот каменноугольный рудник лежит между Софией и сербской границей, в 25 километрах от первой и в 50 от второй. Сюда, в горы, правительство нагнало около 2000 врангелевцев.

На этом руднике служило много русских инженеров и инженерных кондукторов, выдававших себя за инженеров. За время гражданской войны и заграничных скитаний многие пленялись лаврами Хлестакова. Ни для кого не тайна, что главный врач кубанского корпуса Фостикова оказался недоучившимся студентом, а в болгарском городе Враце, в гимназии, взялся преподавать химию русский джентльмен, не умевший добывать кислорода. Русские учреждения и общественные организации в роде Красного Креста выдавали какие угодно дипломы тем, кто видел спасение России в царе и Врангеле.

Присосавшись к перникскому руднику, господа русские инженеры et conscriptii очень быстро освоились

здесь и почувствовали себя в своей тарелке. На них пахло родным воздухом фабрик и заводов царского периода на Руси. Большие оклады инженерам и нищенские чернорабочим, светлые помещения для одних и грязные, полные паразитов бараки для других. Царство белого рабства, царство нищеты, голода и эпидемических болезней. Статистика показала, что за 10 лет в Пернике погибает столько «рудничар»¹, сколько пало солдат за все время страшной осады и штурма Адрианополя в 1912 году. К сожалению, нет статистики, которая могла бы наглядно показать, какую «печалбу» (прибыль) имеет перникский «домакин»², который угощает рабочих такой «чорбой»³, которую даже неприхотливые болгары зовут свинской.

Сюда, откуда Болгария главным образом черпает ресурсы для своего существования, прибыли врангелевцы и сразу же попали под покровительство господ русских инженеров. Болгарские рабочие с удивлением замечали, что новоприбывшие ставятся в более благоприятные условия, что их назначают на более легкие работы. Многие просто слонялись без дела или отлынивали от него. Старшие групп, корниловской, дроздовской и т. д., в числе десяти человек, получали «надницу» (поденную плату) за ничего неделание. В общем же на руднике появилось до 2000 привилегированных рабочих. Производительность Перника стала падать.

Неудовольство врангелевцами росло. Рабочих возмущал их безудержный задор. В бараках они жили отдельно не только от болгар, но и от «дудаковских казаков»; администрация не мешала им устраиваться

¹ Рудничар – рудничный рабочий.

² Домакин – заведующий хозяйством.

³ Похлебка вроде борща.

частями. На работе же им приходилось волей-неволей соприкасаться с рабочими, и тут-то они проявляли свой неукротимый нрав. В конце-концов, обозленные братушки-рудокопы несколькими поломали ребра.

Тяжелый труд в обществе грубых рабочих, тоскливое прозябание среди гор не по вкусу пришлись галлиполийским орлам. Крылья их очень скоро опустились. Прошло то время, когда они парили в воздухе, чихая на всех и вся. Теперь приходилось лазать в крошечную тьму подземелий и превращаться в ту самую рабочую сволочь, которую они так ненавидели.

Из тех, кто до последнего времени просидели белоручками подле своих галлиполийских знамен, всячески отлынивая от работы, не могло выйти дельных работников. Мечты их обращены были на другое, далекое от работы. Все эти бесчисленные полковники, подполковники и капитаны, при нормальных условиях – конторские служащие, сельские учителя, лавочники или еще дети-ученики, теперь мечтали только о полках, бригадах, о производстве в следующий чин. Многие очень бережно сохраняли в английских сумках, награбленных в Новороссийске, свои фантастические погоны эпохи гражданской войны. Ждали с нетерпением, когда опять украсят ими свои плечи. Врангель и начальство окончательно губили их, мешая втянуться в труд или одуматься под его благотворным влиянием, Главком, информаторы, командиры полков без конца жужжали им в уши о том, что это унижительное для орлов положение временное, что скоро опять поход, а если не поход, то райская жизнь под галлиполийскими знаменами. Есть ли смысл усердствовать, когда, быть-может, завтра конец этой каторги? Какая-нибудь страна, Франция, Англия, пусть хоть Мексика, может использовать «армию» для боевой работы... О, с какой

радостью и с каким проклятьем покинут они подземелья Перника, улетят к своим знаменам!

– Им бы царя да воевать! – иронизировали вольные казаки, уже вполне освоившиеся с трудом.

– Ну, да ничего, – добавляла добродушная «козя», – отберются; поработают – поумнеют.

Если врангелевцы начинали отказываться от тяжелых работ, администратор рудника, суровый земледелец Христо Чолаков рассчитывал их без зазрения совести.

– Мы будем жаловаться! – заявляли орлы.

– Жалуйтесь! – заявляли и им. – Идите к коммунистам, они защитники рабочего люда. Быть-может, и вас, слуг Врангеля, возьмут под свою защиту.

К чести болгарской коммунистической партии надо заметить, что она, враждуя против военно-политической организации Врангеля, всегда защищала врангелевцев в тех случаях, когда нарушались их права как рабочих.

Все более и более не нравилась орлам рабочая жизнь, и все более и более разлетались они с рудников и фабрик, куда глаза глядят. Обещания Врангеля перевезти их в другие страны остались пустым звуком: никому не хотелось пускать шайку опасных людей.

Сербы постепенно начинали тяготиться военной организацией Врангеля. Глава крестьянской партии Милош Московлевич вел в скупщине упорную борьбу против нее. В марте 1922 г. он запрашивал правительство, известно ли ему, кто такой Врангель, который проживает в Сербии, войско которого находится в Болгарии, его правительственный орган, Русский Национальный Совет, – там же, а духовный центр в Германии, среди монархических кругов, желающих восстановить монархию в России. Министр иностранных дел Нинчич на это ответил:

– Мы подчеркиваем, что не признавали Врангеля во дни его успехов, не признаем и сейчас. Его пребыванию в Сербии не надо придавать политического значения. Ген. Врангель пользуется гостеприимством, но это не значит, что мы допустим подготовку военной авантюры. Мы не закрываем глаз, что если бы такая авантюра готовилась, она вовлекла бы нас в войну с Россией. А такая война никогда не пользовалась бы сочувствием сербского народа, даже не глядя на то, что в России власть большевиков.

Русская реакция укрепилась в Сербии только благодаря Пашичу и королю Александру, которому эмигранты одно время вбивали в голову, что при восстановлении монархии в России он может занять трон Романовых. Широкие общественные круги Сербии совершенно не одобряли благоволения правительства к врангелевцам. Белградская община еще в 1921 году, когда штаб Врангеля переехал из Константинополя в Сербию, вынесла постановление о том, что она не допустит в свой город этот штаб, как состоящий из людей, не способных к честному труду.

Румыния тоже закрыла границу для русских эмигрантов, не впускала и не выпускала их из своей страны. Греки хорошо изучили армию Врангеля в Галлиполи, где орлы чувствовали себя как на родине, почему и перекрестились в галлиполийцев. Видеть эту публику второй раз на своей территории грекам что-то не хотелось.

Наконец, все государства не были глухи, когда на Генуэзской конференции Ллойд-Джордж, отбиваясь от Чичерина, произнес:

– Мы не поддерживаем Врангеля и жалеем ту страну, которая примет его армию.

Продажа пушечного мяса, оптом в виде частей, барону не улыбнулась: не нашлось покупателя. Каждый орел сам начал промышлять, как бы пристроиться в какую-нибудь армию. Болгарская – давала пристанище немногим на ролях «надничар». Зато в Константинополе у англичан имелись места в обозе, и платили хорошо. Носились слухи, что Кемаль-Паша принимает русских. Этот воинственный идол Турции еще в Галлиполи волновал воображение орлов. Про него даже пела галлиполийская колыбельная песня:

Там, за далью дарданелльской,
Ласкою дыша,
Манит бог тебя турецкий
Сам Кемаль-паша.
Даст тебе за службу лиры,
Сахар и халву...
Спи же ты, несчастный в мире,
Баюшки-баю.

Наконец, уже в Болгарии стали поговаривать, что греки, ввиду поражений, не прочь прибегнуть к найму боевых солдат. Неисправимые кондотьеры зашевелились.

На Софийском вокзале иногда можно было слышать такие разговоры поборников национальной России:

- Ты куда?
- В Константинополь, через Варну. А ты откуда?
- Я как раз из Константинополя. Думал пробраться к Кемалю, не удалось.
- А зачем сюда приехал?
- Слышал, что болгарам разрешено принимать иностранцев в строй. Может, удастся законтрактоваться.
- Пустое! Не принимают.
- А ты что думаешь делать в Константинополе?
- Да думаю к грекам, говорят, они принимают нашего брата.

– «Пластинка»!¹ Сиди лучше тут. Профессионалы ищут боевой работы.

С Кемалем против греков, или с греками против Кемаля – безразлично. Лишь бы лиры, сахар, халва...

Эти о примирении с родиной не думали. В Советской России им, действительно, делать нечего.

¹ Пластинка – вздорный слух, утка.

XVI

ВЫРАВНИВАНИЕ РУССКИХ ФРОНТОВ

Болгария все более и более превращалась в странно-приимный дом. Волей-неволей ей приходилось открывать двери для незваных гостей.

На место ничтожной кучки высланных врангелевских генералов и политических деятелей монархического толка скоро приехали тысячи людей с той же идеологией.

Англичане, принявшие на свое иждивение русских эмигрантов «деникинской эвакуации», в конце-концов стали тяготиться содержанием бездельников и при первом удобном случае поспешили сплавить их в Болгарию.

«Гости английского короля», так звали их в Англии², или «египтяне», так их прозвали в Болгарии³, мало походили на беженцев врангелевской эвакуации, большей частью беспардонную голытьбу.

– Как вы жили в Египте?

– Хорошо жили. Английский король – дядя богатый. Жили, правда, в лагерях, в палатках, но пользовались

² Содержание русских беженцев шло за счет гражданского листа короля, его жалованья от казны.

³ Большую часть беженцев деникинской эвакуации англичане содержали в Египте.

полной свободой. Когда пожелаем, нас на автомобилях отвозили в Александрию, а оттуда тоже привозили назад пьяными.

– Кто же вас возил?

– Да англичане на своих военных автомобилях. А ежели пьяный наш с шофером не поладит, бацнет ему и в морду. Потеха.

– И англичане ничего?

– Да ничего... Мы ведь гости ихнего короля, а он приказал обращаться с нами вежливо.

– А кормили в Египте как?

– Чудесно и отлично. Всего вволю. Давали бисквит, шоколад, какао, молоко и всевозможные консервы. Одевали чуть ли не каждую неделю: то костюм, то одеяло, то белье, то халаты... Конечно, все загоняли и пропивали. Да еще и жалованье давали деньгами. А кто заявит, что желает торговлей заняться, так тому англичане пособие солидное отваливали. Но никто делом не занимался, а больше деньги шли на пропой. Один только взял пособие на открытие столярной мастерской в Александрии и, действительно, вдруг открыл ее и отлично стал работать. Пришли к нему англичане и видят: русский работает! Так его пособиями задарили. Теперь богатый человек стал¹.

Среди «египтян» добрая половина – бывшие люди. Бывший губернатор. Бывший князь. Бывший камергер. Один ухитрился привезти в Болгарию свой автомобиль, с которым неразлучно путешествовал от Новороссийска. Для этих совершенно непонятны лишения и муки десятков тысяч серой эмигрантской массы, которая в Крыму лила кровь в то время, как они отдыхали под

¹ Газета «Новая Россия», орган миссии нашего Красного Креста в Болгарии, 1923 г., № 31.

жарким небом пирамид. В Египте, при общем беженском благополучии, эта группа оптиматов резко выделялась от прочих своей изысканной жизнью. Не мог же король Англии принимать одинаково всех гостей, как черную, так и белую кость.

Родина покамест их не интересовала. Три года вольготной жизни, да еще в перспективе английское подаяние на целый год, убили в них всякую мысль о доме, где сейчас такое безобразие, где Россия, но не их Россия. Они не прочь ехать туда, но когда Врангель, царь или Антанта обеспечит им возвращение прямо в тишину их дворянских гнезд под пленительную сень вишневых садов.

Послушать их речи, можно подумать, что никакой революции в России не произошло, колесо русской истории остановилось на феврале 1917 года, а эти милые люди, совершив увеселительную прогулку в страну пирамид, завернули из любопытства в страну братушек.

– В моем полку...

– В моей губернии...

– Нынешний государь... Они живут мечтой.

– Спросите губернатора...

– Не могу я командовать полком, раз я генерал-лейтенант.

– По своему положению я имею право требовать прибытия суда в полном составе к себе на квартиру.

– Нет, Туркестана я не возьму... В Финляндию генерал-губернатором согласен.

Ни о каких новых веяниях, даже в той же эмиграции, эти господа не хотят слышать. Уже в Варне, в карантине, они показали себя, точно люди, свалившиеся с луны.

– Моп dieux, кого там жандармы бьют... Студента, что ли? – спрашивает изящная, выхолненная дама у «руснака» спекулянта.

- Нет, бывшего русского офицера, который пирожками торгует. Видно, не дал жандарму взятки.

- Офицер продает пирожки? Какой ужас... Как можно низко пасть! Так ему и надо, что не бережет честь мундира.

- Арестовать, схватить, под суд! - вопил генерал барон Розен, увидя одного интеллигента, продавца газет, у которого один «египтянин» купил «Вестник Земледельца», орган дудаковского «Сельскохозяйственного союза».

- Что, в чем дело, ваше высокопревосходительство? - испуганно спрашивали санитары беженского лазарета, которым заведовал барон.

- Арестовать его, большевистскую газету продает... Арестовать!

- Виноват, чего вы разорались; здесь Болгария, здесь можно продавать все газеты! - отгрызался продавец.

- Арестовать... Какая Болгария? Эту Болгарию мы создали... Вести его.

Улыбаясь, продавец доходит с санитарями до первого попавшегося жандарма, который, разумеется, отпускает «арестованного». Барон в отдалении разводит руками.

Сюда, в эту же Болгарию «Общеказачий Сельскохозяйственный союз» привозил из Константинополя все новые и новые партии русской нищеты, метавшейся в поисках куска насущного хлеба. Эти отщепенцы день слонялись на пристанях Серкеджи или Галаты, не зная, где проведут ночь, под забором у Святой Софии или среди развалин ипподрома. Они забыли думать о войне, забыли уже Врангеля; все их помыслы уходили на то, как бы не протянуть от голода ног. Кто посмысленнее, познергичнее и побессовестнее, спекулировал нагревая своего же брата-эмигранта. Другие воровали,

мошенничали, сводничали. Третьи устраивали тараканьи бега или торговали тещиными языками. Слабые окончательно и бесповоротно отравлялись зловонными испарениями мирового города, теряли даже человеческий облик, гибли или приближались к гибели и, во всяком случае, умирали морально. Константинополь почти в течение трех лет был свалочным местом балканской эмиграции; теперь эту кучу мусора разгребли во все стороны.

В раздольной, светлой, идиллической Болгарии эти отбросы, еще не совсем омертвевшие, могли ожить. Кто хотел работать, находил физический труд, обеспечивая себе по крайности куском хлеба. Кому осточертела жизнь в человеческой куче, мог уйти в села, в девственные дебри и трудиться бок-о-бок с простыми, честными селянами, не волнуя себя видом богатства, довольства и роскоши, которые уживаются в Константинополе рядом с вопиющей нищетой.

На южных склонах Восточного Балкана, поросших мощным лиственным лесом, еще во время мировой войны, с легкой руки немцев, наводнивших тогда Болгарию, началась усиленная эксплуатация лесных богатств. Война кончилась. Маленькая страна, невольно втянутая в мировую бойню, дорого заплатила за политику своего царя Фердинанда. Хищники-победители задались целью высосать из Болгарии все ее соки, под видом возмещения их военных расходов (репараций).

И лесные работы в Балканах закипели для обогащения французских и английских капиталистов. Винтообразная узкоколейка, обвивающая горные кряжи, с каждым годом все далее и далее проникает в глубь девственного леса. Уединенные горные селения Гебеш, Джефер и др., служившие во времена владычества

турок убежищем для «гайдуков» – борцов за народную свободу, – теперь уже служат железнодорожными станциями.

На лесных работах и на постройке «железницы» – узкоколейки находит себе пропитание не одна тысяча и «дудаковских» казаков, и бывших врангелевцев, и всех, кто любит честный труд. Тяжелы условия их работы, и нет покоя от тоски по родине.

Утро... Тихо, почти бесшумно, поднимаются «руснаки» со своих лесных логовищ. Кроватью им служит ряд посланных на земле бревен, постелью – листья буков и дубов, и подушкой – рабочая одежда. У некоторых, более заботливых хозяев эти логовища прикрыты навесом из обрубленных ветвей, большинство же пользуются природным пологом – голубым небом. Как тени, начинают мелькать между деревьями люди, но голосов почти не слышно. И особенно не слышно ужасающей русской ругани, от которой уши вянут. Не верится, что на крошечном участке копошится несколько сот человек, – до того тихо. Работа перевоспитала даже самых буйных, горластых врангелевцев, облагородила их.

Наспех пьют чай, – умываться нечем: вода на высотах в летнее время ценится почти на вес золота. Мало ее, и не всегда источники под руками.

– На работу! – прорезает воздух зычный голос артельного старосты. Артель хотя и вольная, но в голосе слышится приказ командира: трудно отвыкнуть от старых привычек.

По полотну тянется пестрая толпа рабочих, поражающая разнообразием своих костюмов. На ногах «царвулы» – болгарские лапти, белые американские брюки, на плечах французский френч, а голова покрыта феской или котелком.

Работают на постройке дороги сменами. Сначала одна половина каждого десятка – кирочники – взрывают землю, потом остальные – лопатники – скидывают ее в сторону.

С утра работа кипит дружно.

Команда повсюду военная – недаром работают люди, столько лет не перековывавшие мечей на плуги.

– Лопатники, на линию!

– Кирочники, оправиться!

То лопатники, то кирочники отдыхают в тени леса. На просеке, где устраивается полотно, чересчур палит южное солнце.

Вот десяток «интеллигентный» – в его составе бывший военный прокурор, мировой судья и адвокат.

– К вам подходить страшно, засудите! – шутят соседи. Засудить не засудят, а научить работать могут: интеллигентный десяток считается самым старательным.

– Дзынь! – временами раздается лязг лопаты, ударившейся о лопату соседа.

– Значит, и завтра поработаем вместе! – не преминет заметить владелец обиженной лопаты: такова старая примета землекопов.

– Думают ли у нас в России, что мы дуже больше не армия, что мы разбрелись и работаем, что мы за свою дурость отбываем каторжный труд.

– До нас там теперь! Подумаешь, какой ты кум королю выискался, чтоб еще о тебе думать. Народ нас и из головы выкинул наверно...

– А если помнят, так не добром. Думают, как бы чорт их не принес еще раз разорять русскую землю.

– Врангеля бы сюда, да с атаманом Богаевским в пристяжную: пусть попробовали бы, сколь рыхла балканская земляца.

Тема для разговоров одна и та же на отдыхе и во время работы: мечты о доме и злые, недобрые слова по адресу своих бывших белых вождей.

Чем выше взбирается солнце над лесом, тем все ленивее и ленивее поднимают руки кирки и лопаты, тем все гуще и гуще делаются беседующие группы.

Вдруг со стороны «кешт» (кешта – изба), – так зовут казаки свое логовище, – раздается тихое, протяжное:
– О-о-блак!..

Точно по мановению волшебного жезла, число рабочих на строящемся полотне возрастает вдвое, молнией начинают взлетать вверх кирки и лопаты, взрыхленная земля дождем начинает падать по сторонам.

«Облак» – условное название начальства, старшего техника.

Младшего титулуют облачком.

Маленький, толстенький старший техник, Душка Желев, ковыляется по обочине, как челнок.

– Так, по-малку, по-малку (по-маленьку), – останавливает он не в меру ретивых, усердствующих не по разуму.

Душка Желев – как и большинство мелких железнодорожных служащих в Болгарии, – коммунист. Нельзя сказать, чтобы он знал свое ремесло: еще не так давно он сам рыл землю простым рабочим. Но зато в политике он силен. Политика и свинки – две его страсти.

Как всякий болгарин, Душка любит говорить везде и всюду, со всеми и с каждым на политические темы, и говорить страстно, увесисто, до самозабвения. Особенно приятно ему, убежденному коммунисту, просвещать и обращать в марксистскую веру таких заблуждающихся овец, как бывшие солдаты Врангеля. Это его партийный долг.

Некоторые лукавые «врангелисты» не прочь послушать речи коммуниста, но чаще всего с той целью, чтобы

в разговорах провести рабочие часы. Иногда нарочно вызывают его на такие разговоры. Чтобы азартный болгарин больше распинаялся, возражают ему, спорят. А время летит.

– Братушка Душка, пора и на обед! – внезапно охладит страстного оратора деловое замечание.

Из-за политики у Душки никогда не возникало ссор с подчиненными, из-за свинок случались. Дело в том, что его любимицы, не довольствуясь обилием желудей, иногда совершают налеты на «кешты» отставных врангелевцев. Идя на работу, второпях не всякий успевает повесить на ветви пищевые продукты; Душкины свинки, совершая свою прогулку между «кештями», не стесняются подбирать где что плохо лежит. Им нет дела, что рабочий-казак не пообедает или не поужинает. Несколько интерpellяций по поводу незаконных действий свинок не имели никакого успеха.

– Тогда мы прибегнем к стрихнину! – заявил Душке терец Онуфрий, наиболее обиженный свинками.

– А, стрихнин! – раскипятился Душка, и звучная пощечина огласила девственный лес.

Но и Онуфрий не остался в долгу. Завязалась потасовка. Насилу артельный староста растащил их в стороны.

И тот же Душка, когда Онуфрий под осень задумал бросить работу, дал ему рекомендательное письмо в другое место.

– Вот поди же ты! – удивляются казаки, долгое время не питавшие особого доверия к болгарам-коммунистам, – значит, они, коммунисты, не так уж плохи, как твердило нам о них целых пять лет начальство, чтоб его...

Еще более почувствовали к Душке уважение его контр-революционные рабочие, когда старший инженер,

пользуясь бесправием «руснаков», заброшенных в лесные дебри чужой страны, пытался было заставить их работать свыше 8 часов. Душка, по собственному почину встал на защиту интересов своих рабочих, пыхтел, ссорился с инженером, грозил написать в «Работнический Вестник», и сам услышал угрозу полететь с должности, но в конце-концов все-таки самоотверженно отстоял правое дело.

— Без коммуниста-то, пожалуй, нас здесь заели бы! — невольно пришло в казацьи и солдатские головы.

Здесь на работе, от которой так отвыкли за время многолетней войны, бывшие врангелевцы начали яснее познавать, что такое труд и что такое капитал, нужен ли рабочим 8-часовой рабочий день и кто является истинным поборником интересов трудового люда.

Почва для примирения с властью Молота и Серпа невольно начинала зарождаться здесь, под сенью балканских дубов и буков, под лязг кирок и лопат, под влиянием не столько слов, сколько действий, немудрого, недалекого, но честного и искреннего коммуниста болгарина Душки.

Семя, брошенное им и другими такими же незаметными, как он, рядовыми болгарскими коммунистами, теперь уже вполне созрело на Балканах, среди трудящихся масс русского беженства.

* * *

Мысль о родине давно уже бродила буквально у всех, кто порвал связь с армией и не исповедывал монархического символа веры. Но не многие решались перешагнуть заветный Рубикон. Слишком много обид причинили белые красным и красные белым в хаосе гражданской войны, чтобы та и другая сторона могли встретиться как ни в чем не бывало. Слишком густой туман застилал русскую действительность, которую

к тому же донельзя искажали ложь и клевета белогвардейщины. Слишком крепко приковывало прошлое к своей среде, с которой каждый сроднился за годы войны и скитаний. А всю массу сразу увлечь было покамест некому.

Болгарское правительство, после самохваловских дней, обещало озаботиться об отправке желающих на родину, и, конечно, ничего не сделало. Беснующаяся черная сотня противилась этому; уход низов влек за собой запустение белого стана. Вожди России №2 нажимали все педали и имели успех. Стамболийскому Антанта дала понять, что ему не следует усердствовать по укреплению мощи большевиков.

Массовое движение на родину выбилось исподволь из недр самого беженства. В конце мая, когда, после удара по врангелевской организации, низы вздохнули облегченной грудью, на поверхность эмигрантского моря выплыла маленькая ладья с надписью «Совнарод» – «Союз возвращения на родину». Верхи сейчас же принялись ее топить. Врангелевские провокаторы целыми дюжинами наводнили эту первую возвращенскую организацию, проросшую под сенью Болгарской Коммунистической партии, и постарались ее разложить и дискредитировать. Казаки в этот союз не пошли потому, что это была не казачья организация. Даже те, которые хотели немедленно ехать домой, предпочитали не вступать в нее. У казачества за время гражданской войны выработалось отвращение ко всему тому, что исходило из недр Доброволии. Они привыкли идти за своими казачьими вождями, и теперь, когда созрело движение домой, тоже искали вожаков среди своих. Дело Совнарода, казалось, совсем рухнуло, когда провалилась отправка бесплатного парохода, которую обещал Союз, полагаясь на заявление болгарского правительства.

Люди бросили работу среди лета, сорвались с мест и прибыли в Варну только для того, чтобы любоваться ее роскошной природою. Кредит Совнарода пал.

Однако начатое движение из низов не остановилось. Совнарод дал пример. На арену скоро выплыла другая возвращенская организация.

«Общеказачий Сельскохозяйственный Союз», основанный еще в 1921 году, впитал в себя немало идейных врагов белогвардейщины, людей с хорошим прежним положением и с незапятнанной репутацией. Некоторые из них работали бок-о-бок с казаками. Мечты и думы казаков они знали, как свои. Им стало ясно, что мысль о массовом движении на родину созрела. В Сельскохозяйственном Союзе возвращенское движение началось с периферии.

Заправили Союза, с переездом в Болгарию, как и низы, сами того не замечая, переходили от белого знамени к красному. К концу лета 1922 года они только ждали толчка снизу для работы в новом направлении.

Движение в низах к примирению с Советской властью не ускользнуло от шпионов Врангеля. В Карловицах Стремских, где было «седалище Главнокомандующего Русской армией», учли опасность, угрожающую «национальной России», и решили ее встретить лицом к лицу. Идейному порыву там предполагали противопоставить наемный труд агитаторов. Требовались средства. Они нашлись.

В руках Врангеля, помимо черноморского флота, находилась петроградская ссудо-сберегательная касса. Лучшие суда к этому времени уже были загнаны, а вырученные деньги пошли на содержание персоны Главкома и его друзей, бесчисленных шпионов, на подкармливание политических деятелей типа Маркова II и социалистов типа Бурцева и Алексинского, на свою

белогвардейскую прессу и даже на орлов. Голодающая Россия нуждалась в каждом катере для подвоза хлеба из-за границы, а эта публика с легким сердцем продала черноморский флот.

Настала очередь за ссудо-сберегательной казной, которую в 1917 году, во время наступления немцев, вывезли на Кубань в г. Ейск. Здесь она попала в руки белогвардейцев. Во время гражданской войны сюда складывали добро, награбленное со всей России. Сюда отправляли драгоценности, отобранные у пленных красноармейцев и преступного мира; сюда складывали добро из музеев, – словом все, что не расходилось по рукам. При эвакуации ее вывезли в Каттаро, порт в Югославии. Теперь барон решил ее загнать и искал покупателя, как раз в то самое время, когда вся контрреволюционная пресса подняла невероятный вопль по поводу изъятия Советской властью церковных ценностей. Нашлись американские спекулянты, которые были не прочь погреть руки у русского добра. Чтобы избежать скандала, неминуемого ввиду того, что среди «товара» имелись уникамы, редчайшие предметы исторического значения и художественные произведения, американцы изъявили желание купить только лом серебра. Хитроумного барона это не остановило.

Верные люди, чуть не целая сотня офицеров, начали превращать в негодность редчайшие предметы, серебряные модели памятников, траурные венки с гробниц, призовые спортивные чаши и братины, предметы церковной утвари, ризы с икон и т. д. Во время «работы» не обошлось без воровства. Офицер Богачев похитил бриллианты, извлеченные из лома, и сербский суд закатал его на полтора года в тюрьму. Наконец, в Каттаро прибыл пароход и увез в Америку плоды вандальской работы в размере 700 ящиков, по 15 пудов в каждом.

Русские круги в Сербии поговаривали, что Папичу и министрам кое-что перепало от этой операции. Сербская печать возмущалась поступком барона. Этот грабеж среди бела дня обсуждался на все лады. Портрет героя сенсационного происшествия долго не сходил со страниц газет, обсуждавших эту серебряную панаму.

Так или иначе Врангель ликовал. Деньги были добыты, и в большом количестве.

Казачьи атаманы тоже готовились. Вдовенко, вождь весьма малочисленных терцев, и его «правительство» умудрились спекулировать нефтеносными землями близ г. Грозного. Нашелся какой-то чудак, который пошел на уру и дал в виде задатка четыре миллиона франков. Кубанское правительство было беднее церковной мыши и довольствовалось теми крохами, которые перепали от Врангеля. Зато донской атаман ген. Богаевский не стеснялся в средствах.

Из числа случайных людей, всплывших на поверхность в эпоху гражданской войны, прогремевших, как пустая бочка, и в конце-концов скрывшихся не по доброй воле с российского горизонта, наиболее бесцветными и наиболее бездарными в белом стане принято считать Африкана Богаевского.

Войсковой наш атаман –
Он в политике профан,

пели про него казаки еще во дни его величия и славы.

– Божья коровка! – именовали его видные фигуры.

Политика этого неудачника была несложна и заключалась в нескольких словах:

– Как прикажете, ваше превосходительство.

Стоит во главе южно-русской контр-революции Деникин – поклон Антону Ивановичу. Забирает власть Врангель – реверанс перед Петром Николаевичем.

Покорный, робкий, угодливый Африкан Богаевский никому не мешал, никому не противоречил, жил и жить давал другим. Фронта он не любил и больше занимался мирными делами – посещал военные училища, давал обеды, производил кого нужно и кого не нужно в генералы за пирушками. В войске Донском образовался особый сорт «африканских» генералов, получивших это звание во время кутежей с атаманом. Когда на фронте грохотали пушки и лилась с обеих сторон русская кровь, в атаманском дворце в Новочеркасске гремела музыка, лилось вино, разносились крики ура.

– Войсковой ресторан №1, – звали казаки атаманский дворец.

Но блаженные времена миновали...

Судьбы изменчивы законы:
Хотелось слышать перезвоны
Церквей московских и в Кремле
Царя навязывать земле,
А тут пожаловал Буденный
Вводить советы на Дону.

Атаман в три счета оказался сначала в Крыму, затем за границей. В Крыму он выдал головою Врангелю командующего Донской армией ген. Сидорина и начальника штаба ген. Кельчевского, которого врангелевский суд осудил на каторгу за попытку соглашения с большевиками.

За границей атаман в первую голову постарался отделаться от Войскового Круга, который протягивал руку к донскому серебру. Круг тоже был обвинен в большевизме, и французы сослали его из Константинополя, былого центра мира, в захолустный болгарский городишко Мессемврию, известную разве тем, что она была родиной вымышленного Сенкевичем Хилона Хилонида. Избавившись от опасного конкурента,

Богаевский начал бесконтрольно распоряжаться ценностями войска Донского. Независимый в материальном отношении, он иногда подписывал такие акты, которые были неудобны Врангелю. Один раз три атамана даже формально откололись от главнокомандующего. Но, еще не износив башмаков, атаман пошел в Каноссу. Лакейничать Богаевскому было более по плечу, чем предпринимать какие-нибудь самостоятельные шаги.

Как генерал-адъютант Врангеля, он твердил своим «подданным» о необходимости вооруженной борьбы с Советской Россией. В тех же случаях, где это было ему выгодно, умел прикидываться «мирным беженцем». На это у него ума хватало. Когда американский Красный Крест заявил, что может оказывать материальную помощь только русским беженцам, но отнюдь не русской армии, Богаевский ничтоже сумняшеся отрекся от Врангеля и его армии.

– Помилуйте, у меня за границей народ, а не солдаты. Доверчивые янки приняли на веру эти слова, и обильно посыпались в обширные атаманские карманы американские доллары.

Теперь он жил в Софии. Черные самохваловские дни не омрачили его покоя. Волна арестов отхлестнулась от него и его приближенных прихвостней, его «правительства», как от каменной стены. Атаман доказал земледельческому правительству Болгарии, что он староста казаков-земледельцев и потому Стамболийскому друг и брат.

Его тогда не тронули.

Спустя месяц этот новоявленный «дружбаш» явился в г. Ямбол, в Атаманское военное училище и гордо заявил юнкерам:

– По предоставленной мне верховной власти я произвожу вас в хорунжие русской армии.

Говорят, кто-то ему на это ответил:

– А я произвожу тебя в фельдмаршалы бабушкиной гвардии.

Несчастные юнкера пали духом, боясь, как бы это производство не закрыло им дверей Советской России.

Хорошо жилось атаману в Болгарии. Жалованье этого «старосты казаков-земледельцев» превосходило раза в два жалованье Стамболийского; министрам Болгарии не снились такие оклады, какие получали «министры» Богаевского. Все блага жизни, до особняка включительно, находились в распоряжении атамана, и даже для возвеличения его подвигов существовала на его средства газета «Казачьи Думы».

Но так как пятна – удел даже солнца, то не обошлась без них и вольготная жизнь Африкана Богаевского. Его беспокоило настроение казаков. Эта дерзкая «козуня» становилась все нахальнее, требуя поделиться донским добром. Атаману это было несподручно. Он мог всех казаков произвести хоть в генералы, это ничего не стоило, но не мог допустить прикосновения их к денежному мешку.

– Придешь в атаманскую канцелярию за способом, – рассказывали казаки, – маячишь-маячишь, наконец кого-нибудь поймаешь, заявишь просьбу. «А ты почему, мерзавец, ушел из полка? Небось в Россию думаешь ехать? Таким не помогаем». Ответ ясен. Поворот от ворот. Приходит другой гундоровец или платовец... Этот уже честь-честью, в погонах и шапка набекрень. «Так и так, нельзя ли маленькое способности, ботинки изодрались». – «Ты в полку числишься?» – «В славном Гундоровском, желаю умереть за веру, царя и отечество». – «Так чего ж ты, станичник, лезешь: в полку вам паек дают и о вас заботятся, там и проси ботинки. А мы помогаем только беженцам».

Не любил атаман появляться среди подданных, боясь каких-нибудь неожиданных проявлений народной любви. Сунулся он один раз на «Изиду», кирпичную фабрику близ столицы, но второй раз не отважился. После его отъезда услужливая болгарская администрация выгнала со службы двух кочегаров, говоривших атаману приветственную речь.

Зловещие признаки надвигавшейся бури атаман заметил своевременно. Его агенты, станичные атаманы, сообщали ему о казачьих настроениях. Атаману тоже понадобились средства для борьбы. В его распоряжении находилась «мамонтовская добыча», драгоценности, награбленные Мамонтовым в знаменитом рейде и принесенные в дар войсковому правительству еще в 1919 году. Теперь это серебро, еще не проеденное, ликвидировали.

С помощью денег, вырученных от этой торговой операции, атаман, как и Врангель, думал затушить пламя безудержного порыва его бывших подданных на родину.

Оба фронта эмиграции готовились. Болгария до предела была насыщена русскими эмигрантами. Точно сама судьба влекла их сюда для того, чтобы они могли принять участие на той или другой стороне в решительной борьбе, которая назревала на Балканах.

В борьбе за советскую Россию – в эмиграции.

XVII

ЗНАМЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Наконец, оно высоко взвилось в Болгарии, знамя октябрьской революции.

— Правые говорят, что Россия умерла; что там, за Черным морем, только ее труп, душа же ее отлетела в Рейхенгалль или в Белград, в редакцию «Нового Времени». На месте России, говорят они, одно кладбище. Пусть будет так. С течением времени рука пахаря может и кладбище обратить в плодоносную ниву. Если трудящимся России удастся восстановить былую хозяйственную мощь нашей родины, какая горечь обиды выпадет на нашу долю, когда нам скажут: «А где вы были? Вы палец о палец не стукнули для России и даже не поинтересовались притти и узнать, можно ли работать над ее воскресением». Пусть монархисты создают блюстителей престола, пусть Врангель мечтает о походе на Москву. Это их дело. Наш же долг проложить путь на родину с веткою мира и нести туда не жажду мести, а сердце, полное любви к нашим братьям-трудящимся. Наш долг отдать все силы для восстановления разрушенных хозяйств России, а если нужно, то и самую жизнь для защиты ее границ.

Такой, необычный для эмиграции открытый призыв раздался 27 августа в г. Варне, на многолюдном собрании казаков. Говорил оратор-интеллигент, идейный враг врангелевщины, добровольно покинувший штаб для физического труда. Он указывал казакам, что единственная казачья организация, способная взять на себя подготовку к массовому возвращению домой, это бывший дудаковский «Сельскохозяйственный Союз», теперь скинувший с себя маску аполитичности и переименовавшийся в «Общеказачий Земледельческий Союз», ставший на советскую платформу.

Собрание слушало эти слова с замиранием сердца. До этого времени тоже уезжали люди в Россию, но молчаливо, как бы с сознанием своей вины перед остающимися. Теперь возвращение на родину возводилось в гражданский долг.

Революционная Варна оправдала себя.

Собрание единогласно постановило просить Земледельческий Союз взять на себя организацию казачьих масс для возвращения на родину, чего жаждут все казаки до единого.

Настроение низов оформилось.

Оказалось, что и среди интеллигенции имеется много лиц с таким же настроением. Не прошло и нескольких недель, как на советскую платформу начали становиться один за другим видные офицеры, порвавшие связь с врангелевщиной. Ген. Секретев, лихой донской конник, честная солдатская натура, обратился с горячим призывом к казакам, разъясняя им всю безыдейность эмигрантщины и полную бесполезность дальнейшего прозябания вне родины.

Казачья масса, военный класс, приученный итти за вожаками, и в этом мирном походе на Россию нашел вождей.

Дело было сделано, клич кликнут.

- На родину! - гремело к северу от Балкан.

- На родину! - отзывалось эхо за Балканами, в долине Роз и в долине шумной Марицы.

Ключ к разрешению мучительного вопроса «что нам делать?» был найден. Все, кто до этого времени не решались даже заговаривать о возвращении домой, теперь смело устремляли свои взоры на восток. Бездольный, бесправный люд, жалкая игрушка чужих честолюбий, увидел цель жизни. Тысячи людей, потерявших родину, теперь снова обретали ее. Смелое слово было сказано, и сказано авторитетными людьми, и оно радостно отозвалось во всех сердцах и детей степи, казаков, и калмыцкого народа, и украинских хохлов, солдат бывших галлиполийских частей. Какой-то непостижимый подъем охватил эмигрантские низы. Такого не приходилось наблюдать в белом стане в эпоху гражданской войны. На дне шахт, на фабриках под грохот колес, у молотилок в тучах пыли, на постройках болгарских небоскребов, везде, где лился русский пот, заговорили об общем движении домой.

Все страхи как рукой сняло. Как ни изощрялись агенты Врангеля и Богаевского, Совдепия не пугала уже никого. Ведь все собираются ехать, едут даже генералы, да какие!

Движение начало быстро разрастаться. Семя пало в подготовленную почву и быстро стало давать ростки. Скромные, маленькие люди, без всяких побуждений со стороны, добровольно брались за апостольский подвиг, разнося идею Варны по лицу Болгарии и организуя возвращенские казачьи или крестьянские группы. Молодой «хорунок» (хорунжий) Карп Нифонтов, бросив выгодную работу, с головокружительной быстротой поставил на советскую платформу все низы целого Шуменского

округа. Без гроша за душой «хорунок» исходил пешком все городишки, села и деревни и всюду слышал одно: «Мы – готовы! Мы – как весь «Земледельческий Союз»! Не забудьте и нас в радостный день возвращения на родину! Прихватите!» Слабая опора белогвардейщины – Шуменская станица не выдержала проповеди смелого борца за Советскую Россию. «Хорунок» увлек за собой и полковников, и войсковых старшин, и вся белая станица, во главе со станичным атаманом, капитулировала, вынеся постановление о переходе в «Земледельческий Союз». В Преславе, древней столице царя Симеона, в Ново-Базаре, в Каспичане над русскими эмигрантскими группами взвился флаг Советской России.

Калмыки, добрые, покорные «подсолнухи»¹, тоже радостно отозвались на общий клич. В декабре 1919 года, по дикому приказу белой донской власти, их сорвали с насиженных гнезд, и почти весь желтый народ устремился в неведомую даль, с женами, детьми, со скотом, с домашним скарбом. Часть их погибла еще на Кубани и Черноморье от холоду и голоду, часть перебралась в Крым, а оттуда на чужбину. В Софии они жили большой общиной, кое-как приспособив под жильё старые товарные вагоны. Во главе их стоял «бакша», первосвященник, и он благословил избранный народом путь к родным очагам.

Дождь резолюций сыпался отовсюду в центр «Земледельческого Союза», и отовсюду сообщали, что казаки считают свое дальнейшее пребывание на чужбине преступлением. Оживилась и деятельность Совнарода (Союза возвращения на родину), который с течением времени превратился в технический аппарат по переброске репатриантов в Россию. Один Союз идейно

¹ Шуточное прозвище калмыков, имеющих желтые, круглые лица.

подготавливал низы для России, другой начал готовить материальные средства для организации переезда.

– «Мы открыто признаем Советское Правительство единственной законной российской властью, признанной народом и им поддерживаемой. Мы все проникнуты горячим желанием скорее слиться с Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армией, ей одной отдать свои силы и способности!» – гласило воззвание большой группы офицерства, с несколькими генералами во главе.

В эмиграции в царстве Врангеля и под сенью Рейхенгалля это была уже целая революция. Россия № 2, гордившаяся тем, что «народ» идет за нею против узурпаторов-большевиков, получила страшный удар. Однако она решила дать бой за удержание этого народа.

В Болгарии, среди эмиграции, расколовшейся на два фронта, началась борьба.

Мириады врангелевских и атаманских агентов всей массой повели атаку на деятелей советского фронта. Там, где не решались противостоять словом, действовали хулиганскими приемами: срывали афишки с объявлениями о времени казачьих собраний, подсылали пьяных негодяев в заседания отделов «Земледельческого Союза» устраивать скандалы, дискредитировали руководителей обоих Союзов.

– Это поголовщики! За голову каждого казака, отправленного в Россию, они получают поголовную плату, – исподтишка внушали казакам шпионы. – Не верьте им, они ведут вас на расстрел.

– А какое вам дело до наших голов? Заботьтесь лучше о своих, – кое-где получали они в ответ.

Белогвардейская пресса тоже измывалась. Имена Дудакова, Агеева, Булацеля, Калинина и Лунченкова, заправил «Земледельческого Союза», трепались в каждом номере.

– Предатели казачества... агенты Москвы... агенты Чека..., продажные души...

Всякого, кто открыто заявлял о своем переходе на советскую сторону, мигом развенчивали и забрасывали грязью. Профессор Э. Д. Гримм тотчас же обратился в земгусара от науки. Известный конник ген. Секретев – в обозного казака. Даже знаменитый путешественник Ф. Нансен, столь много сделавший для России, – в Карпантье от географии. Сразу блекли таланты, забывались подвиги, взводились поклепы самого мещанского свойства. Будучи не в силах бороться идейно, белогвардейщина отводила душу в том, что клеймила со сладострастьем всякого, кто имел мужество открыто раскаяться в своих заблуждениях пред Советской Россией.

На Россию лгали теперь неслыханно, чудовищно...

– «Куда вас ведут? Опомнитесь! В Саратовской губернии голодающие поели все леса!» – писало «Новое Время».

– Может быть, и всю Волгу выпили? – иронизировали низы. Каждый номер этой газеты сообщал о восстаниях в России, об успехах Антонова, солдата Петрова, украинских атаманов Золотого Зуба и Батьки Правды, о грандиозных еврейских погромах, о растущей жажде крестьянства поскорее уплатить деньги за землю помещику и получить бумагу с гербом.

– Ну-ка, где сегодня Суворины-сыновья устроили восстание? Э, да они уже и Пензу взяли! – шутили даже сами монархисты, раскрывая номер этой газеты.

В России, оказывается, появились змеи, которые нападали на деревни и даже съедали живьем вооруженных красноармейцев. У женщин прекращались их особые физиологические отправления. В одной из московских школ, благодаря совместному обучению, две девочки забеременели, и Луначарский лично явился

на урок и поздравил их «первыми матерями свободной русской школы».

Воскресшее в Белграде «Русское Дело» упражнялось в том же духе. Номера обеих этих газет вагонами привозились в Болгарию и разбрасывались во всех углах. Вместе с софийскими «Русью» и «Казачьими Думами» они преподносили русским беженцам такой букет лжи, клеветы и провокации, что только самый недобросовестный человек не отворачивал носа от этого навоза.

Больше всего боялись сношений беженцев с домом, зная, что письма с родины – самый лучший агитатор за возвращение. В полках – там просто устроили цензуру и все благоприятные для Сов. России письма уничтожали. Кто жил на воле, тот переписывался свободно. Многих казаков звали домой и даже требовали приезжать, чтобы хозяйство не разрушилось в конец.

– Эти письма пишут под дулом комиссарских револьверов! – объясняли белогвардейские газеты и агенты.

– «Один юнкер Атаманского училища получил из дому письмо самого невинного содержания. Под маркой оказалась приписка: «три брата расстреляны в день получения письма», – сообщало «Русское Дело».

– Из России в Варну привезли партию вина. На этикетках была надпись: «Ни в коем случае не приезжайте, всех расстреливают!» – вторило «Новое Время».

В «Казачьих Думах» на расстрелах набил руку генштабист Сысой Бородин, «лемносский генерал», в 1919 году стоявший на платформе эс-эров, в 1920 г. – на советской, в 1921 г., после производства Врангелем в генералы, – на монархической. Узнав фамилии уехавших в Россию, он постепенно выводил их в расход на страницах «Собачьих Дум», – как величали эту газету казаки. Случалось, что ему давали ошибочные сведения, и он уничтожал тех, которые преспокойно жили

в Болгарии. Бывало и так, что он получал письма от «расстрелянных» из России.

- «В России уничтожают решительно всех, кто переписывается с эмигрантами!» – Таково было общее заключение белогвардейской прессы. Если не хотите губить родных, бросьте писать им письма.

- Бедные мы люди! На чужой земле нам не позволяют даже вспоминать свой Сион! – иронизировали казаки. Право, в плену врангелевском хуже, чем в вавилонском.

Особые агенты – их прозвали «пугачами» – ходили по базарам, казачьим казармам, общежитиям, везде, где есть трудящийся русский люд, и, выдавая себя за очевидцев, только что прибывших из России, рассказывали три короба всякого вздору. Иногда они являлись и на публичные собрания.

- В Катеринославской губернии, – ораторствовал один такой пугач в собрании в Варне, – умерло 10 миллионов народу с голоду, а в Херсонской – дак целых 15.

Дали бы ему лишних 20 лев, так он всю Россию уморил бы вместе с Лениным! – послышалась реплика.

Когда такой «пугач» видел, что его скоро изобличат, предусмотрительно перекочевывал на другое место.

В Варне, еще со времен прибытия галлиполийцев, долгое время подвизалась «старушка». Седая, благообразная, кажется воплощенная правда и святость.

- Корниловцы ведь это, не так ли? – спрашивала она орлов.

- Корниловцы, сударыня, а что?

- Не могу ли узнать, поручик Гусев с вами?

Старушку ведут к полковому адъютанту.

- Такого в списках полка нет.

- Странно! – изумляется старушка. – А мне в Чека сказали, что он в Корниловском полку.

– Виноват, сударыня, вы сказали в Чеке? В какой Чеке? – Подле старушки уже толпа.

– В севастопольской, в самой настоящей. Прочитала я раз список, публикуют они о расстрелянных, вижу поручик Гусев. Разорвалось мое сердце на части. Не мой ли, думаю, Васенька? Пошла в Чеку. «Нет, говорят, это не твой; твой Васенька, – тут посмотрели они в книгу такую большущую, – еще сидит в Галлиполи, в Корниловском полку. Ничего, говорят, доберемся до него, пусть сюда явится». И все-то они знают, окаянные. Продала, что могла; думаю, поеду в это Галлиполи, предупрежу моего Васеньку, чтобы никак не ездил. Выбралась из этой Совдепии, добралась до Варны... тут узнала, что вы сами сюда едете.

Старушку утешают, спрашивают. «Достоверная» информация о России так и льется потоками из старческих уст. Теперь таких старушек и стариков развелась целая армия. Только теперь их дела обстояли хуже.

– Доброго здоровья, станичники.

– Здравствуй, дидок.

– Где, ребетенки, работаете?

– На Пернике... Вот приехали в столицу, наведаться у Дудака насчет возвращения. Когда это союз двинется всем миром... Ждать надоело.

– Вот и я на старости лет по тому же делу... Из Казанлыка... Домой тянет... своя степь, своя хата, своя худоба... И хочу, и не хочу. Опасное это дело, братцы, как подумаешь.

– А что, отец?

– Да как же? Вот не дольше как две недели приехала молодлица, младшего сынка женка, ужасы рассказывает.

«Пугач» дает волю своей фантазии.

– Все это, отец, мы слышали, только не от твоей невестки, а от Сыся Бородина в «Казачьих Думах».

Надоели нам басни. Никакому чорту теперь не верим.

- Эй, братцы, - тяжело вздыхает сердобольный старик, - видно, жизнь вам надоела?

- Слушай, старина! Заткни грязной онучей свою поганую глотку, да больше не брещи.

У «пугачей» каждую неделю кто-нибудь приезжает, дочери или невестки, или сами они «только что на прошлой неделе» приехали.

Тех же, кто действительно приезжал из России, обрабатывали с помощью золота.

В сентябре один из перникских рабочих, быв. войсковой старшина Лазарев, получил уведомление от своей супруги из России о том, что она выхлопотала разрешение и выезжает в Болгарию. «Донское правительство», узнав об этом, не только обласкало счастливого мужа, но и снабдило некоторой долей денежных знаков для достойной встречи супруги и для обзаведения необходимым для семейной жизни инвентарем. По странной случайности судьбы, г-жа Лазарева прибыла в Перник и явилась в казачий барак в отсутствие мужа. Казаки, конечно, немедленно обступили ее и начали расспрашивать про домашнее житье-бытье. Ничего не подозревая дурного в сообщении правды, Лазарева с чисто женской искренностью и непосредственностью поделилась своими наблюдениями, сообщила о благополучном проживании дома возвратившихся казаков, об отсутствии репрессий в отношении их и т. д. Агенты Богаевского, проведав о таком неожиданном обороте дела, поспешили отправить неудобную свидетельницу в Софию, в «донское правительство», для надлежащей обработки сырого материала.

- Какова жизнь в России? - спрашивали г-жу Лазареву, когда она, обремененная покупками, явилась из Софии.

- Не жизнь, а ад.
- Как относятся к возвращающимся?
- поголовно всех расстреливают.
- Как вы выбрались из России?

- Бежала... через границу перевезли в ящике... Крыловский оракул, говоривший сначала умно, искренно и правдиво, вдруг понес чужь потому, что внутрь идола вместо полкового жреца посадили болвана. Новоявленный перникский оракул заговорил неожиданно по-иному потому, что в его сердце «ревнители долга, чести и совести» влили яд соблазна золотым тельцом. Одурманивающие испарения, исходившие от донского сундука, сделали свое дело: отравили источник правды.

Возвращенское движение неведомыми путями стало проникать и в Сербию, где беженская масса была скована по рукам и по ногам. Здесь каждый русский прикреплялся к той или иной колонии, которыми заведывали по-преимуществу бывшие жандармы. Заикнуться о России здесь не все решались. Кто дерзал, тот легко мог угодить в лапы к страшному Тарасевичу. Этот русский жандарм состоял на сербской службе и, за неимением настоящих русских коммунистов, с удовольствием фабриковал их сам. Слово протеста против жульнической раздачи пособия, резкое выражение по адресу «старшего в чине», критика мероприятий Врангеля или неявка на молебен в «царский день» для Тарасевича были достаточными поводами, чтобы считать таких крамольников коммунистами и гноить их в сербских тюрьмах. Вся корреспонденция русских проходила через него. Около 5000 писем были им уничтожены по той причине, что они пришли из России.

В колониях царило крепостное право. Без разрешения начальника никто не имел права выезжать за пределы колоний. От него зависела судьба и благосостояние

каждого беженца. В колониях приходилось держать ухо востро, а язык за зубами. Дух Аракачеева витал над русскими в этой стране и тысячи добровольных полицеймейстеров зорко следили за настроением эмигрантских низов.

А низы, одни и те же, что и в Болгарии, мысленно давно уже откололись от Врангеля и тоже ежечасно и ежеминутно думали о родине. Как только стало известно о том, что затевается в Болгарии, многие всеми правдами и неправдами потянулись в Болгарию.

«Гарнизоваться»¹ на родину.

– Как у вас в Сербии отнеслись казаки к манифесту блюстителя? – задавали им в Болгарии вопрос.

– Эти манифесты валялись под заборами. Кто же не знает Кирилла... Еще с Макаровым тонул, да не дотонул. Золото-то пошло на дно, а что легковесное, то всплыло. И вот, глядишь, до престола докатилось. Когда же эти цари перестанут дурачиться?

Трюк Кирилла не удался. Сами верхи из-за него переругались. Правоверные монархисты не могли ему простить появления в Государственной Думе во главе гвардейского экипажа в первые дни переворота. Революционер! Куда ему до Николая Николаевича... Это настоящий столп. В результате кирилловцы и николаевцы перестали раскланиваться друг с другом.

«Народ» России № 2 не внял зову блюстителя. Царь-батюшка даже и в эмиграции провалился. Русский Кобленц по-прежнему оставался без главы.

Чем больше противодействовали белогвардейские круги возвращенскому движению, тем сильнее оно разрасталось. Сама того не подозревая, белогвардейская пресса играла на руку своим врагам. Руганью по

¹ Организоваться.

адресу лиц, стоящих во главе движения, она создавала им имя; противодействием возвращению на родину она популяризировала эту идею; титулуя деятелей Союзов агентами Москвы, она повышала их удельный вес в глазах низов.

Болгарское правительство, допустившее «сманивание коммунистами доверчивых людей в Россию», пресса Врангеля провоцировала по-старому во всю ивановскую.

– «К сведению Европы! – писало раз «Новое Время». – В Болгарии ген. Секретев формирует красную дивизию, которая пойдет в помощь Кемаль-паше».

Едва только врангелевские информаторы распространили этот номер, как в Союзы со всех мест посыпались просьбы, личные и коллективные, о записи в эту дивизию. Слабая в политических вопросах военщина не поняла, что это провокация. Из Шуменского района немедленно донесли «Земледельческому Союзу», что там уже готова красная сотня, просят указать, где сборный пункт красной дивизии!

Донской атаман выбивался из сил. Каждый день приносил ему все новые и новые огорчения. Казачество уплывало из-под его ног. Атаман оставался, как рак на мели.

С горя он взялся сам за перо. В газетах Союзов его сейчас же высмеяли и надолго утвердили за ним титул:

- Генерал от фельетона
- или Генерал-фельетонист.

– «Станичники, – распинался он в «Казачьих Думах», – не понимаю, что вас так тянет на родину. Здесь еще так много непочиненных мостов, недостроенных домов – на век работы хватит, – а вы собираетесь ехать домой. Страшный грех на душу берут те ваши родственники, которые зовут вас домой, но еще больше

грешат Дудаков, Калинин, Лунченков, эти агенты Москвы. Имейте в виду, за каждую вашу голову они получают от коммунистов по 500 лев».

– А за твою, пожалуй, никто не даст гроша ломаного! – издевались казаки.

На беду у атамана под носом случился скандал. Председатель Донского правительства ген. Апостолов завел флирт с дамой, которая давала ему уроки французского языка. Когда один раз «правитель» перешел границы приличия, оскорбленный муж жестоко избил его на глазах всей правительственной челяди. Ген. Богаевский, помня, что за битого двух небитых дают, отправил ген. Апостола своим «послом» в Париж, но репутация «донского правительства» окончательно пала. Даже болгарские газеты взяли этот случай на зубок.

В провинции дела шли еще хуже. Станичные атаманы не осмеливались устраивать станичные сборы, опасаясь постановлений об отмежевании от атамана. В Шумене прочно засел Нифонтов и крепко держал в своих руках тамошних казаков.

– Никаких атаманов. С «Земледельческим Союзом» на родину! – неслоь оттуда.

Послали в Шумен отряд шпионов и агитаторов. «Хорунок» кого приголубил и обезвредил, кого разоблачил и с позором изгнал из Шумена. Богаевский попытался подкупить станицу, послав туда большие деньги. Ничего не вышло. «Хорунок» и тут нашелся, убедив казаков использовать деньги на открытие читальни, в которую допускал все газеты, кроме белогвардейских.

Многолюдная Долно-Ореховская станица, к ужасу «донского правительства», тоже из белой превратилась в красную, во главе с атаманом Черниковым. Более того: открыла гимназию под гербом Р. С. Ф. С. Р.

«Изнамена» и «предательство» царили на каждом шагу. Атаман не успевал разжаловать одну партию офицеров, «продававшихся Москве», как на смену им выступали новые... Под конец на офицеров атаман махнул рукой.

– Вы-то, казаки, куда прете? – исступленно вопил он в своих «Письмах к донцам», – зачем вы едете домой? Ведь там голод, там разорение...

– Потому и собираемся домой, – отвечали казаки. – что там голод, что там разорение. Надо же помочь семьям... Одним бабам разве под силу справиться с разорением.

Сытый, обеспеченный атаман и обездоленная казачья говорили на разных языках.

В «войсковых частях», точнее в рабочих артелях, в связи с призывом на родину воцарилось полное разложение.

Врангель и донской атаман увеличили подачки и обещания, особенно последние. Забрасывали газетами. Напустили тучи опытных информаторов. В те дни и часы, когда «союзники» назначали свои собрания, начальство приступало к раздаче вещей. Но люди тайком записывались в Союзы. Про кого узнавали, исключали с котлового довольствия, выгоняли из болгарских казарм.

– Большевистская сволочь!

Болгарские фабриканты, по доносам русских инженеров или по своей инициативе, безжалостно рассчитывали «коммунистов», т.-е. записавшихся в Союзы. Из фабричных общежитий их выгоняли с полицией, хотя и земледельческой, но охотно служившей буржуазии за мзду. Газеты блока, по-прежнему обмениваясь статьями с белогвардейскими, травили и провоцировали деятелей возвращенских организаций.

Ничто не помогало. Движение разрасталось. Все новые и новые группы офицерства открыто заявляли

о своем желании вернуться под власть Серпа и Молота, отряся прах врангелевщины от ног своих. Казалось, даже кости русских воинов, погибших в освободительную войну, тоже тянутся из могил туда, на родину.

Советская Россия побеждала Россию № 2.

XVIII

МОБИЛИЗАЦИЯ БЛОКА

Если среди пришельцев в конце лета 1922 года вспыхнула междоусобная распря, то и у самих болгар к этому времени надвигались грозные события. Коммунисты теперь не страшили Стамболийского так сильно, как раньше. Гораздо большую опасность своей власти он теперь видел в блоке, неугомонном черном блоке, не слагавшем оружия ни при каких обстоятельствах.

Страсти гостей и хозяев разгорались. У первых развелось два враждебных знамени: белое и красное. У хозяев трехцветное знамя блока силилось смять оранжевое, земледельческое.

Решение Народного Собрания отдать под суд болгар, замешанных в самохваловский шпионаж, не пугало вождей блока. Следствие будет длиться без конца; установить юридически их виновность в этом деле трудно, да и суд в их руках. Как ни силился Стамболийский прибрать к своим рукам органы правосудия, – ничего не выходило. Увеличение содержания не произвело должного эффекта. Выходцы из рядов городской буржуазии, служители болгарской Фемиды органически не переваривали дружбашей. Разве не знали блокари, что прокуратуры ввели в обычай говорить защитительные речи

вместо обвинительных при суждении лиц, виновных в убийствах коммунистов или дружбашей? Разве не их дети, братья, родственники и свойственники заседали в этих судах?

Вожди блока страшились не суда, а усиления пролетариата, сближения селян и рабочих. Они не закрывали глаза на то, что во многих случаях, силою вещей, земледельцы действовали заодно с коммунистами. 10-го июня те и другие голосовали вместе за предание суду блокарей, причастных к самохваловскому делу. Те и другие вместе боролись против военно-политической организации Врангеля. Общие «акции» против общих врагов невольно объединяли рядовую массу – селян и рабочих. У земледельческих вождей мог произойти идейный сдвиг. Поговаривали, что Райко Даскалов тянет коммунистическую линию. А он ведь второй по значению вождь земледельческого класса. Что, если в один прекрасный день тот же Даскалов объяснит многочисленному крестьянству заблуждение Стамболийского, который противопоставлял интересы крестьян интересам рабочих? Стамболийский не вечен, а деревенская буржуазия, идеологию которой он приписывал всему крестьянству, не столь уж многочисленна.

Печать блока давно трубила, что сам Стамболийский стал учеником Ленина и переносит в Болгарию советскую систему управления: «соброр» дружбашей он поставил над парламентом. «Рабочий Вестник» возражал на это, что Стамболийский столько же разбирается в советской системе управления и в теориях Ленина, сколько известный благородный представитель зоологического царства в ключевой воде. Но для всех было ясно, что вождь земледельческого класса, быть может сам того не замечая, прокладывает дорогу к господству пролетариата.

А потому во что бы то ни стало – «долу дружбашей!» Блок понял, что надо итти ва-банк.

И он пошел.

27–29 августа в г. Софии состоялся конгресс «младежских групп народно-прогрессивной партии», т.-е. народняцких комсомольцев. По большей части, эта молодежь не отличалась первой свежестью; ее возраст колебался от 25 до 40 лет. Но с этим не считались: век живи и век учись. В продолжение трех дней ораторы шпиговали «молодежь» красивыми словами о праве и законности. Как и на офицерском конгрессе, эти словоизлияния заканчивались весьма недвусмысленно:

– Надо бороться с беззакониями дружбашей и засилем коммунистов. Надо бороться до конца, силе противопоставить силу.

– Но ведь это будет фашизм! – спросил какой-то совестливый конгрессист.

– Молодежи нечего стыдиться имени фашиста, – поучали лидеры блока. – Напротив, этим именем надо гордиться. Берите пример с итальянской молодежи.

– Общая мобилизация блока объявлена! – провозгласил при закрытии конгресса один из вождей блока Буров.

– «Общая мобилизация блока объявлена! Все против дружбашей! – кричали буржуазные газеты. – 17-го сентября состоится в Велико Тырново общий «сбор» партий блока. Все в Велико Тырново, все на грандиозную демонстрацию против дружбашей».

Кроме этого «сбора», блок назначил на 1-е октября такое же грандиозное сборище в южной Болгарии, в г. Пловдиве (Филиппополе), и в заключение что-то совсем особенное в самой столице государства – Софии.

Затевалось непуточное дело. Вожди блока явно стремились к тому, чтобы взволновать страну, разжечь

до последнего предела политические страсти и вызвать переворот. Грандиозные митинги протеста против дружбашей, «всенародная акция» могли придать характер законности свержению правительства, для какой цели из «Союза запасных офицеров» выделилась боевая дружина, всегда готовая броситься на дружбашей. Но офицерам было рискованно соваться в дело без наглядного поощрения со стороны общественных групп. «Народняци», главные застрельщики всей кутерьмы, отлично знали историю и помнили участь тех офицеров, которые на свой страх и риск свергли Баттемберга. Не прошло и двух недель, как «превратаджи» без памяти бежали в Россию. Один из них, Бендерев, вернулся в отечество 35 лет спустя, изгнанником и из новой своей родины. Другой, Радко Димитриев, только на короткий срок навестил родную землю в 1912 году и погиб в изгнании.

Лидеры блока ринулись в провинцию. Кабаки, харчевни, постоянные дворы наполнились агитаторами буржуазных партий. Везде слышались пламенные речи против дружбашей и их «союзников» коммунистов. Советскую Россию поносили самыми ужасными ругательствами. Стамболийского провозглашали ее агентом. Доставалось коммунистическим вождям, попадало на орехи и царю Борису.

– Или пусть управляет, или пусть помнит, что царская власть не есть непреложный институт, – говорили ораторы. – Иначе, царь у нас «само за разноски» (только для расходов).

Бедный сын Фердинанда, обезличенный Стамболийским, если бы и хотел править, то не умел. Он специализировался в технике управления паровозом, пароходом, автомобилем; недурно знал токарное ремесло, – одним словом, как бы предчувствуя, что в наше время царский

заработок самый неверный, и что монархи часто остаются безработными, заранее приготавливая себя к более скромному способу добывания средств. Из тех обязанностей, которые налагал на него сан, он наиболее усердно выполнял одну – подписывал бумаги, которые приносили ему министры.

Блок предпочитал такую республику, как во Франции, такой монархии, какую установил Стамболийский.

– Болгария в прошлом была райской страной, – проповедывали блокари в провинции, но теперь ее разорили свиньи, которых надо выгнать, а государство обновить.

Кто слушал эти речи, кто ругался.

Вино во всяком случае лилось рекою. Для привлечения сторонников, хотя бы только на время тырновской демонстрации, блокари не жалели средств. Работа кипела бешеная; все суетились, галдели. Митинг следовал за митингом, собрание за собранием. Провинциальные съезды буржуазной молодежи сменялись национальными торжествами, на которых «народняци» и запасные офицеры демонстрировали свою любовь к родине. На Шипкинские торжества были приглашены врангелевские генералы Абрамов и Селецкий, командир Донского корпуса и безработный председатель военного суда. Здесь, над костями тысяч русских воинов, павших за освобождение Болгарии, болгарская буржуазия скрепляла свой союз с обломками царской России против болгарского и русского пролетариата.

Нередко патриотические песни сливались с воплями избитых сторонников правительства. Свалки стали обычным явлением. Где не хватало дружбашей, били вместо них коммунистов. В Слатине разогнали собрание союза коммунистической молодежи, в Габрово бросили

бомбу в коммунистический клуб. В Тревне произошло общее побоище.

Эти трескучие приготовления блока, сильного в городах, подогревались прессой, которая просто неистовствовала. Море афиш, листовок, зажигательных воззваний, ударных плакатов было выброшено из типографий и готово было залить города. Казалось, люди окончательно ошалели, и некому было положить конец этой политической вакханалии.

Земледельцы тоже готовились в центре и на местах.

В первых числах сентября столичная полиция обнаружила в русском посольстве склад оружия. Помощник градоначальника Трифонов, известный своими полицейскими талантами, своей толщиной и своей ненавистью к врангелевцам, заметил ночью во дворе посольства какую-то подозрительную работу. Войдя во двор, он накрыл на месте преступления неизвестных лиц, таскавших куда-то в глубь двора оружие.

Раскрытие произвело сенсацию.

– «Русская легация» – склад врангелевского оружия! – кричали правительственные газеты.

Но это были цветочки, за которыми шли ягодки. Через несколько дней новые, головокружительные известия облетели всю Болгарию.

– Новый «атентат» блока и Врангеля против независимости Болгарии! – писали газеты. Газетчики в Болгарии, должно быть из чувства брезгливости, не выкрикивают тех новостей, которыми кишмя-кишит их товар.

– Страшное преступление блока! При обысках у русских найден договор Врангеля с блокарями.

Вскоре в газетах появились факсимиле этих документов – секретных приказов Врангеля. В них давались директивы захватить в день выступления блока

Софию и Перник, занять мосты, банки, вокзалы и проч. Оказывалось, что, по соглашению с вождями блока, в состав будущего кабинета военный министр будет назначен Врангелем; предписывалось немедленно после переворота назначить мобилизацию всех русских до 50 лет, учредить военно-полевой суд под председательством ген. Ставицкого для суждения земледельческих министров и русских изменников. Судя по этим документам, Болгария отдалась в распоряжение Врангеля.

Среди бешеной свистопляски, происходившей в стране, эти «раскрытия» прозвучали, как треск разорвавшегося «чемодана». Правительственная партия, со свойственным братушкам жаром, принялась громить блокарей за новое предательство. В столице мало кто верил в подлинность документов. Но пока буржуазия и врангелевские генералы собрались с силами, чтобы опровергать их подлинность, раскрытие наэлектризовало низы. Для придачи большей достоверности сенсационным раскрытиям правительство разразилось новыми репрессиями в отношении врангелевских генералов. Остатки кутеповского штаба из Велико-Тырново, где предполагался собор блока, выселили за Балканы, в местечко Тырново-Сеймен, в болотистой долине реки Марицы. Туда же перевели из Тырново училища, в которых, впрочем, никого, кроме преподавателей и курсовых офицеров, не оставалось.

– Смерть предателям-блокарям! – уже довольно недвусмысленно гремело в деревнях.

– Долой шантажистов-земледельцев! – раздавалось в городах. Коммунисты молчали.

По селам полицейские собирали молодежь и готовили из нее боевые отряды. Сонные долины и мирные лесистые склоны гор огласились воинственными

выкриками. Маршируя, молодежь горланила, в насмешку над блоком, злободневную пародию на национальный гимн:

Марш, марш!
Врангель вече наш...
Раз, два, три –
Напред блокари.

Аристократи
И адвокати
Смело напред
За правое ред.

Марш, марш
С барон Врангел наш
И с подлостта
Земем ни властта¹.

Последняя неделя прошла в самых лихорадочных приготовлениях к тырновскому «двубою» (единоборству). Земледельцы, т.-е. правительство, назначили на то же 17 сентября, в том же Велико-Тырново, свой «свеклопроизводительный» конгресс. Ни для кого не составляло тайны, что дружбашаи хотели устроить контр-манифестацию, свекла же тут была вовсе ни при чем.

Стамболийский в это время отсутствовал из Болгарии. Он снова уехал «в странство»² обивать пороги у премьеров Антанты, зондируя почву насчет «излаза в Бело море»³. По обыкновению его заменял Р. Даскалов, который 13-го сентября заявил представителям печати:

– Пока блок держался в границах идейной борьбы, мы не принимали никаких мер. Теперь он раздувает

¹ Марш, марш! Врангель уже наш... Раз, два, три – Вперед, блокари!	Аристократы И адвокаты, Смело вперед За правовой строй.	Марш, марш С бароном Врангелем нашим И с подлостью Возьмем мы власть.
--	--	--

² Странство – заграница.

³ Излаз в Бело море – выход к Эгейскому морю.

в народе гражданскую распря, и мы должны следить по пятам за его вождями. Земледельцы – партия революционная и готова на какую угодно борьбу.

Люди, не зараженные партийным азартом, с величайшим любопытством следят за перипетиями этого, еще невиданного в Болгарии, партийного единоборства.

Коммунисты, отойдя в сторону от этого состязания, тоже выступили в роли благородных зрителей.

– Фразами о конституции и демократии, – писал «Рабочий Вестник», – блок прикрывает свои истинные цели: насильно захватить власть и с помощью диктатуры и террора расширить господство городской буржуазии. Дружбаши, потерявшие свой авторитет среди сельской бедноты, селятся с помощью полиции удерживать власть в руках кулаков.

Тов. В. Коларов, на митинге в г. Софии 16 сентября, так разъяснял сущность борьбы между блоком и земледельцами:

– Какие цели преследует та и другая борющаяся группа? Посторонний человек может подумать, что в Тырново они поставят на очередь дня вопросы перво-степенной важности – о растущей дороговизне, тяжелых налогах... Ничуть не бывало! Блок твердит о праве и законности. Мы хорошо знаем их правду и законность. Их правда – это эксплуатация трудящихся капиталистами; их законность – защита капитала против натиска рабочего класса. Об исчезновении свободы плачут те, которые вместе с дружбаши насильем сокрушали стачку железнодорожников. Земледельцы кричат о народовластии, о борьбе против кожедеров. 4 года они ведут борьбу. Каков же результат? В настоящий момент капитал чувствует себя в Болгарии сильнее, чем когда бы то ни было. Сами дружбаши идут за-одно с блоком, когда речь идет о том, чтобы держать в цепях

трудящихся. Власть дружбашей в разложении, они не могут справиться с капиталом, так как взяли неправильный курс борьбы...

– Трудящимся Болгарии предстоит громадная, продолжительная борьба, – пророчески закончил Коларов. – Страна наша оросится кровью, буржуазия дала сигнал к кровопролитию.

Действительно, когда тов. Коларов говорил эти слова, в Болгарии уже лилась кровь.

XIX

ТЫРНОВСКИЙ «ДВУБОЙ»

Обе стороны заканчивали развертывание своих сил для решительного дня. Блок всячески старался создать такое впечатление, что на его «собор» в Велико-Тырново собираются громадные массы врагов дружбашей, что демонстрация против правительства примет характер всенародной «акции». В действительности, он вел в Тырново только центральные и провинциальные штабы четырех партий и незначительное число карьеристов, жаждавших погреть руки в случае победы блока. В широких массах влияние старых партий давно уж погребло, и притом безвозвратно.

Земледельцы гнали селян на свой «свеклопроизводительный» конгресс, применяя решительно все средства. Электризовали криками о предательстве блока и соблазняли хорошей «надницей»¹. Пристава, урядники, дедективы вербовали нужных людей и вели их за собой действовать так, как предписало правительство.

Еще за несколько дней до 17 сентября дирекция железных дорог оповестила население о предстоящей перевозке «соборян» и «конгрессистов» и предлагала

¹ Надница – поденная плата.

в эти дни воздержаться от поездок по северной Болгарии. Железные дороги предназначались всецело для политической борьбы, центром которой делалось Велико-Тырново. Этот древний город, столица Асеновцев, Тертеровцев и Шишмановцев¹, на время приковало к себе внимание всей страны. Казалось, воскресала его былая слава. В конце XII века отсюда началось свержение византийского ига. В 1187 году сюда, на освящение храма в честь св. Димитрия, стеклись толпы благочестивых болгар. Митрополит обратил их в воинов, дав им и вождя Петра Асеня, которого он тут же помазал в цари. Новопомазанный царь избавил страну от владычества греков. Блок хотел повторить старую легенду и начать отсюда свержение земледельческого ига. Если бы было в его силах, он повторил бы и другую легенду, о царе Святославе Тертере, который сверг с тырновских скал в Янтру ненавистного патриарха. Таким патриархом для блока являлся Стамболийский.

Как ни хорохорились вожди блока, однако в последний момент начали трусить. До их сведения дошло, что правительство стягивает в Тырново усиленные кадры полиции и жандармерии, а «свеклопроизводители» собираются бить всех встречных блокарей. Земледельческие газеты тоже не высказывали добрых намерений. Самые умеренные из них писали:

– Если блокари объявят революцию, мы их трупами закидаем Янтру и сделаем из них мост.

Центральный комитет блока обратился за объяснениями к Р. Даскалову.

– Гарантирована ли нам безопасность в Тырнове? – спросил блоковой генерал Ляпчев.

¹ Три династии, царствовавшие в Болгарии со времени низвержения византийского ига в конце XII-го века до покорения страны турками в конце XIV-го века.

– Будьте уверены, – не без иронии отвечал Даскалов, – вернетесь в Софию живыми: все меры для вашей безопасности приняты.

Вечером 15-го сентября, в пятницу, вожди блока, почти сплошь бывшие министры Фердинанда, отправились на собор. Тут были Малинов, друг Милюкова, последний премьер царя-держиморды; д-р Данев, друг царской России; Т. Тодоров, патриот, убежавший от первой же болгарской мобилизации в 1885 г. в Румынию; «блоковый генерал» Ляпчев и множество других, искушенных в интригах, заговорах, переворотах. Все они, люди старые, были отравлены ядом власти и судорожно хватались за всякую мечту, сулившую им возвращение портфелей. На языке каждый из них носил благо родины и народа, «национальный идеал», законность и порядок и прочий арсенал пышных фраз и сердцепипательных слов, в душе же – заветное желание ухватиться за власть. В свое время каждый из них, добиваясь портфеля, очень много твердил о незаконных делах своего предшественника и начинал свое владычество еще с больших безобразий. Все они, деятели четырех политических групп, в свое время также грызлись, обливали помоями и силились спихнуть друг друга, как теперь ратовали объединенными силами против общего врага земледельцев. Скомпрометированные тысячью злоупотреблений и миллионами политических грехов, они все-таки лезли наверх, хватались за колесо счастья, корчились в муках уязвленного самолюбия, готовые принести решительно все, все, все на алтарь идола власти. В том же поезде, который вез в Тырново всю живую историю царя Фердинанда, выехал, правда в особом вагоне, и Райко Даскалов. Громадные толпы блокарей сопровождали свой центральный комитет. Уверенные в безопасности, они еще в столице

начали свои выпады по адресу горсточки земледельцев, пробиравшейся вслед за Даскаловым. Свистки паровоза и звонки заглушались свистом, улюлюканьем, гоготанием защитников правового строя над своими немногочисленными противниками.

– Бай¹ Геню, куда ты дел свои «царвулы»?² Кочо Цанев, почему не пасешь скотину? – неслось из вагонов, занятых блокарями.

– Нечего пасти стало... Когда вы управляли, у селян перевели весь скот. А скажи-ка лучше ты, Атанасов, сколько перехватил ты от Радославова, когда продавали Болгарию Вилхелму? – кричали через окно земледельцы.

– Хайваны!³ Вам коров пасти, а не управлять государством.

– Кожедеры! «Храненицы»⁴ азиатского департамента!

Перебранка разгоралась. В маленькой стране все политические деятели знали друг друга, со всеми слабостями, грехами и недостатками. Поэтому как в прессе, так и в словесных спорах пикировка быстро переходит в ряд мелочных укоров личного свойства, отдавая глубокой провинцией.

Крики скоро слились в общий рев. Из окон то и дело высовывались наружу головы, кулаки, трости. Можно было подумать, что в поезде везут партию умалишенных.

¹ Бай – от турец. бабай (старик) присоединяется к имени, когда младший по летам обращается к старшему.

² Царвулы – лапти.

³ Хайван – ругательное слово, вроде скотина.

⁴ Храненицы (от слова хранить – кормить) – питомцы, воспитанники. Азиатский департамент русского министерства иностранных дел ведал сношениями и с балканскими странами. «Храненицы азиатского департамента» – те, которых субсидировал, подкармливал этот департамент.

В эти дни не только этот поезд, добрая половина Болгарии превратилась в Бедлам.

Уже на станциях в теснине бурливого Искера, пробивающего себе путь к Дунаю среди скал, покраснели широкие турецкие пояса селян, запестрели конические бараньи шапки, забелели сыромятные царвулы. Лица горели злым огнем. Кой у кого виднелись за спинами винтовки. В Мездре, первой большой станции после Софии, вся платформа оказалась усеянной народом. Неистовые вопли и свист раздались при виде старых министров. Блокари, храбрые в Софии, съежились. «Гнев народа», созданный правительством, давал себя знать. Толпа устремила было к вагонам, чтобы завязать бой, но поезд двинулся дальше.

На другой день, на рассвете, поезд прибыл в Долний Дубняк, не доезжая 50 верст до Плевны. Когда блокари, утомленные волнениями предыдущего дня и бессонной ночью, мучительно дремали, сидя на лавках, в вагонах появилась полиция.

– Айда, айда на перрон, будет обыск, нет ли у кого оружия? – кричали «стражари», выталкивая публику из вагона.

Но едва полусонные блокари очутились на свежем воздухе, как из-за станционных строений, с быстротой молнии, нагрянули несметные толпы селян и на платформе началось побоище, какого Долний Дубняк не видал с 1877 года. Боевой клич, свист дубин, стоны убитых и раненых мгновенно нарушили тишину мирного местечка. Часть софийских блокарей рассеялась по станции, остальные в предсмертном ужасе забились в вагоны. Вождей блока схватили, трепали их и готовились расправиться с ними судом Линча.

– На виселицу! – пронеслось в воздухе.

– Смерть предателям!

Пышная борода бывшего министра М. Маджарова, вырванная из подбородка, развевалась в руке одного из победителей.

Полиция для виду бросилась было на выручку жертв «народного гнева», но селяне прогнали и полицию. Однако движение поезда остановило расправу с пленными. Избитые, еле живые от страха, они были вкинута в вагоны и отправились дальше под караулом разъяренных селян, сами не зная, на жизнь или на смерть везет их поезд. Затеянная игра начинала принимать дурной оборот для ее инициаторов.

Райко Даскалов «спал» в своем вагоне.

Он проснулся только в Плевне, где «узнал» о происшествии в Долнем Дубняке. Как высший блюститель порядка, он сейчас же начал умерять народные страсти, им же самим раздутые.

– Наш Земледельческий Союз, – говорил он, увещавая толпы, – такая сила, которой не сокрушит не только черный блок, но даже сам господь бог. Сильному нет надобности прибегать к насилию. Сохраните покой, Болгария в нем нуждается.

Пока министры Фердинанда, заварившие кашу и сразу попавшие в западню, путешествовали таким образом в Тырново, туда же стекалось несчетное число всякого люду. Специальные поезда из Варны, Провадии, Шумена, Рущука, – с Дуная и Черного моря, – везли блокарей и земледельцев. Последние преобладали. Бедные «гагавузы» из-под Варны, не сеющие даже картошки, тоже стремились на конгресс «свеклопроизводителей». Чувствуя свое численное преимущество и будучи не в силах сдерживать свой боевой пыл, земледельцы еще в пути начали ожесточенные схватки с противниками. На станциях к ним на подмогу являлись толпы местных селян, и они общими усилиями

атаковали врага. Стекла рассыпались вдребезги, выворачивались двери, блокарей за волосы вытаскивали из вагонов. Многие из них, видя, что от всей этой затеи доброго ждать нечего, сами выскакивали из вагонов и убегали, куда глаза глядят. В Провадии селяне обстреляли блокарей, в Преславе их выволокли на перрон, топтали ногами, убивали дубинами по голове.

Со стороны Шипки, из Габрово, из многочисленных больших сел в долине Янтры, к Тырново двигались целые полчища селян и небольшие группы блокарей, – кто пешком, кто верхом, кто на подводах, многие на ишаках и почти все вооруженные. Большой отряд селян занял большую станцию Горный Ореховец. Здесь скрещиваются дороги: столица – Черное море и Дунай – Балканы. Отсюда всего 7 верст до Велико-Тырнова. Как только блокари, прибывающие сюда с разных сторон, высаживались из вагонов, этот отряд немедленно напал на них и разгонял по окрестностям. Весь день 16 сентября мирная, идиллическая местность, дремавшая в зелени садов, превратилась в арену битвы, а селяне – в охотников за черепами.

Когда Даскалов привез в г. Ореховец арестованных вождей блока и часть мелкой рыбешки, отряд селян повторил свой обычный маневр. Министров удалось спасти от заушений, но все прочие блокари-софияне рассеялись во все стороны. Даскалов, сопровождаемый огромной свитой, доехал поездом до Тырново и торжественно вступил в город.

Столица Асений, между тем, уже целые сутки трепетала от страха пред погромами. Ее основательно оккупировали полчища окрестных селян. Расположившись на улицах, они тут же, на воздухе варили и поджаривали мясо и пили вино во славу Стамболийского, осуществляя диктатуру сельского класса по его рецепту.

Горожане попрятались по домам. Слабые попытки местных блокарей выйти на улицу оканчивались избиениями их. В Тырново «хиляди учупените главк» – тысячи разбитых голов, – гласила телеграмма, сообщавшая о тамошних подвигах оранжевых рыцарей в лаптях.

Город дрогнул от восторженных криков, когда победители вступили в древнюю столицу, как триумфатор, сопровождаемый арестованными вождями блока. Крестьянские дубины зловеще болтались над головами бывших правителей страны. В казарме Даскалов сдал их под охрану солдат, и только здесь у них явилась слабая надежда уцелеть от «народного гнева».

Полицейские отряды и жандармерия охраняли подступы к Тырново. Выдвинутые вперед по всем направлениям бесчисленные группы селян после короткого боя обращали в бегство слабые отряды блокарей. К вечеру уже не было никакого сомнения, что «победа» на стороне земледельцев.

Облитые потом и кровью, сияя торжеством, победители стеклись на Марно поле, подле города. Здесь, при последних лучах заходящего солнца, разыгралась одна из наиболее трагикомических сцен, которыми так обильна новая история болгар.

– Смерть предателям! Смерть блоку! – разъяренно орала толпа. От усталости и боевого азарта никто не мог сказать ничего более толкового. Герой дня, Райко Даскалов, и военный министр Томов, тоже приехавший на «свеклопроизводительный» конгресс, насилу утихомирили бойцов.

– Товарищи! – говорил Даскалов. – Воздержитесь от насилия, воздержитесь от расправ. Чего вам беспокоиться? У вас есть свое правительство, которое законным образом накажет предателей. Я спас бывших министров от суда Линча вовсе не для того, чтобы отпустить их на

волю и дать им возможность безнаказанно продолжать свое злое дело. Народная месть не минует их, но в закономерной форме. Есть ли народная воля на то, чтобы предать суду, как виновников военной катастрофы и теперешнего несчастья Болгарии, всех бывших министров, начиная с 1912 года и до свержения Фердинанда?

– Под суд их! – ревели умеренные.

– На смерть! На смерть! – вопили исступленные.

– Я обещаю вам, что Народное Собрание будет немедленно созвано на чрезвычайную сессию. Оно решит вопрос о предании суду бывших министров, выработает упрощенную процедуру судопроизводства и предложит все это на усмотрение всего народа, который голосованием выскажется, одобряет или не одобряет эту меру.

Многие роптали на затяжку дела. Им хотелось быстрой расправы с вождями блока.

– Правительство много церемонится со своими врагами. Надо вырвать заразу с корнем. Смерть блоку!

Другие настаивали, чтобы министры поклялись в том, что вожди блока не ускользнут от заслуженной кары.

– Клянусь, что ваше желание будет исполнено безотлагательно и точно! Клянусь! – произнес Даскалов, становясь на колени перед возбужденной толпой.

– Клянусь! – отозвался военный министр. Минута была трогательная.

Ночь победители снова провели на бивуаках.

В воскресенье, 17 сентября, в Тырнове обошлось без побоищ. Приезжие блокари, выбравшись ночью из своих убежищ, без памяти и в одиночку улепетывали к своим очагам. Местные – в смертном ужасе продолжали сидеть в погребах. Да и кто мог бороться с 25-тысячным отрядом, стянутым на берега Янтры? За отсутствием врага настроение селян становилось более мирным.

В полдень состоялся «свеклопроизводительный» конгресс. Но о свекле и выращивании ее никто не

заикнулся ни одним словом. Зато много говорили о блокарях и об искоренении их. Речь держал министр Томов. Затем Даскалов прочел резолюцию, вынесенную вчера на Марном поле. «Конгресс» одобрил ее.

Тырново начало пустеть. Большая часть селян хлынула пешком в Горный Ореховец. Горожане понемногу стали вылезать из домов на свет божий. Оккупация Тырнова «организованным земледельческим классом» кончилась.

В Горном Ореховце, небольшом городке возле станции того же имени, разыгрался последний эпизод этой тырновской эпопеи. По городку бродили кучки блокарей, застрывших с вчера и не знавших, как выбраться из проклятого места. Толпы селян, попадая на станцию из Тырнова, натолкнулись на них, смяли одним ударом и, распалив себя опять, искали, на ком же еще испробовать силу и мощь своих дубин. За отсутствием живого врага набросились на магазины. Посыпались стекла, товары полетели на улицу. Победители хватали, что могли, и погружали в обширные карманы своих войлочных «гапштей» (шаровар) и за широчайшие пояса; остальное топтали ногами.

– Квартира Бурова! Ура!

– А, бай Атанасе, посмотрим, что ты награбил при Фердинанде.

Буров был один из бывших министров. На конгрессе «народняцкой» молодежи он вдохновлял ее на фашистские подвиги. Его квартиру разгромили мигом.

Пройдя, таким образом, через город, толпы селян добрались до станции. Отсюда их начали развозить по всем углам северной Болгарии, в обыкновенных и специальных поездах, за плату и без платы.

Земледельцы торжествовали «победу». «Народ не дозволил блоку устроить свой собор» – таков был смысл правительственного сообщения.

Даскалов вернулся в Софию, в которой царило полное спокойствие, поддерживаемое отрядом полиции. Конные и пешие патрули наводняли все улицы. Состав полиции усилили селянами, облачив их в полицейские доспехи. Чтобы еще больше запугать врагов, земледельцы 17-го сентября устроили в столице грандиозный митинг, на который привезли тысячи крестьян, работавших на Пернике, под предводительством администратора рудника Х. Чолакова.

Известие об аресте вождей блока в д. Дубняке и о боях под Г. Ореховцем, на подступах к Тырново, убило у военной лиги всякую охоту выступать в этот недобрый час. Ко всему тому в руках Даскалова находилась достаточная сила для похода на Софию в случае восстания в ней.

Обе стороны начали считать свои потери. Из видных блокарей погибли Г. Маджаров, родственник Михаила Маджарова, запасный подполковник Хараламбиев, адвокат Саввов. В схватке в Д. Дубняке были помяты ребра журналисту блока Добриянову, до полусмерти избит сын бывшего премьера Данева, многие депутаты получили ссадины и синяки. Устанавливать точное число убитых и раненых было не в интересах правительства, инсценировавшего «народный гнев». Блок насчитывал до 20 своих сторонников, сложивших свои головы в тырновские дни за болгарский капитал.

Таким образом, блокеры, проповедывавшие на съезде своей молодежи фашистские идеи, очень скоро испытали практику земледельческого фашизма на своих спинах.

- Что дало это состязание? - задавал вопрос «Рабочнический Вестник». - Ничего, кроме позорного пятна на чело обеих борющихся групп, которые начали взаимное истребление в страшной жажде властвования.

XX

КРАХ БЕЛОГВАРДЕЙЩИНЫ

Во всем болгарском царстве, пожалуй, никто не ждал с таким трепетом исхода тырновского «двубоя», как галлиполийские орлы, загнанные на заводы и в шахты. Их, верноподданных барона, уже осталась небольшая горсть. Многие разбежались по Болгарии, другие продолжали работать на Пернике, но порвали связь с организацией, открыто записавшись в Союзы. Еще большее число, не выходя из организации, чтобы не терять некоторых материальных выгод, состояли в Союзах тайно.

Начальство прилагало героические усилия для сохранения под своим воздействием хотя бы горсти орлов. Старый Красный Крест, царских времен, всецело шел ему навстречу, раздавая американские подарки одним только врангелевцам. Другие общественные организации тоже делали, что могли. «Земский Союз» к этому времени превратился в акционерное предприятие, объявив, что никакой благотворительностью он больше не будет заниматься, а использует свои средства, как оборотный капитал, для поддержания своих служащих. Вся знать, кормившаяся в этом союзе с начала мировой войны, теперь стала настоящим хозяином

союзных капиталов. В Варне союз арендовал множество виноградников для промышленных целей, и все это предприятие составило вотчину князей Голицыных. В Пернике эта организация открыла для врангелевцев дешевую столовую, которую военное начальство немедленно обратило в агитпункт.

Но пробил уже последний час кукольной комедии, глупой игры в армию даже на заводах и в шахтах. Тырновские события не оправдали надежду орлов. Они только дали пищу белогвардейским газетам для провокации земледельческого правительства Болгарии.

– Тушите балканский пожар! – иступленно вопили «Русское Дело» и «Новое Время», преподнося сербской публике фантастические сообщения собственных корреспондентов о взрыве болгарскими коммунистами поездов с блокарями, о страшных боях в Софии, об убийстве дипломатических представителей Антанты и членов приятной сердцу русских реакционеров репарационной комиссии, об убийстве искренних друзей Франции и царской России – Данева и Гешова. Пополняя эти сенсации ложью, почерпнутой из болгарских буржуазных газет, оба белогвардейских органа оповещали весь мир о прибытии в Болгарию советской военной миссии во главе с генералами Бонч-Бруевичем и Балтийским, о том, что в тырновских событиях проглядывает рука Москвы, замыслившей устроить в Болгарии «Кровавую Пятницу», и прочий вздор.

Никакая провокация не помогала. Антанта имела более достоверные сведения о событиях в Болгарии.

Прошли тырновские дни. Орлы по-прежнему работали на заводах и шахтах.

27 сентября в Перник совершили налет на автомобиль ген. Витковский (командир 1-го корпуса) и уполномоченный Красного Креста г. Фельдман. Они собрали

«старших» добровольческих групп и беседовали с ними о нуждах орлов. Рабочие-болгары, узнав о приезде врангелевского начальства, немедленно арестовали и Витковского, и старших. Только Фельдман ухитрился бежать на автомобиле. Рабочими на этот раз руководил рудничный врач Миленков.

Орлы, узнав об аресте начальства, сделали было попытку освободить его. Однако прошли времена их боевой славы. Рабочие рассеяли их кучки, а затем устроили громадную демонстрацию, требуя изгнания из Перника всех агентов Врангеля. Правительство согласилось. На другой день Витковского и всех старших, во главе с политическим агентом Врангеля полк. Дядюрой, выпроводили из Перника с большим бесчестьем. Орлы грустно следили за выселением начальства, не смея близко подойти к цепи рабочих, карауливших их вождей. Вслед за «старшими» с Перника выкинули всю подозрительную шпану во главе с провокатором Рафаиловичем. Наиболее дерзкие забияки сами бежали, куда глаза глядят.

Штабы тоже переживали скорбные дни. Их окружала ненависть болгарских низов. С презрением глядели на них и свои, вставшие на советскую платформу. Штабная братия сократилась, поджала хвосты и, мало думая о походе на Россию, много заботилась о куске хлеба на завтрашний день. Полуголодная, бездельная жизнь в глухих городишках окончательно деморализовала и разложила всех от мала до велика.

– Вот жизнь в Свищове, – пишет корреспондент софийской газеты «Новая Россия» (№ 20), – где расположен кадр 1-го корниловского артиллерийского дивизиона, состоящего почти исключительно из верных офицеров. Они не хотят итти на работу, ибо можно ли опускаться до грязного, черного труда, когда впереди

предстоит «великая задача по воссозданию родины». И офицеры занимаются только тем, что ожидают момента, когда их позовут «воссоздавать». А пока среди них процветают мирные занятия: сплетни, ссоры, драки, без которых не проходит ни одного дня, обливание друг друга помоями, пьянство... и воровство. Обкрадывают, главным образом, друг друга, потому что у чужих «опаснее», могут и в тюрьму посадить, и тем помешать будущему воссозданию родины. Кражи – обычное повседневное явление. Нередко можно наблюдать на улицах сценки, как один «воссоздатель» смертным боем бьет другого, выкрикивая: «Я тебя, сволочь, в котлеты превращу, я тебе покажу, как воровать брюки!» Иногда же дело разрешается просто в полиции». Далее корреспондент описывает случай похищения 120 тыс. лев тремя высшими штабными офицерами у одной дамы и о том, как болгарская полиция упрятала в тюрьму благородных рыцарей, стремящихся к восстановлению своей родины.

Полная безответственность породила систематические растраты казенного, точнее французского и американского обмундирования. Решительно ничем не рискуя, каждый, у кого состояло на руках это имущество, распоряжался им, как своим собственным. Когда, перед 17-го сентября, болгарские власти выселяли из Велико-Тырнова остатки кутеповского штаба, там остались тайные склады разного добра. После «двубоя» интенданты и разные хозяйственные чины явились в Тырново и начали распродажу в свою пользу шинелей, шаровар, ботинок, бязи, совершенно игнорируя интересы орлов, ободравшихся на работах.

В военных училищах начальствующие, надеясь на покорность молодежи, долее всего обольщали себя сладостной надеждой наладить «нормальную жизнь».

– Все способствует и благоприятствует тому, чтобы в самом скором времени мы могли обрушиться железной пятой на Красную армию и уничтожить ее одним взмахом. Дисциплина, спаянность, готовность по первому зову обожаемого вождя кинуться в огонь и в воду по-прежнему живут и крепнут среди наших галлиполийских орлов. Денежные средства на содержание армии недавно найдены Главкомом. Французы неизменно поддерживают нас.

Так утешало себя и своих близких училищное начальство, поджидая своих питомцев, отпущенных на вольные работы.

Приближается срок, когда орлы должны были слететься под крылья своих начальников и приступить к «обучению».

Казармы, любезно предоставленные болгарями, вычищены и вымыты большими, оставшимися при училищах, и готовы вновь принять под свои своды жаждущих воинского обучения. Для непокорных заготовлены гауптвахты.

Начальство, как вообще подобает в таких случаях, приняло грозный вид, гневно хмурит брови, подтянулось само, подтягивает других. В казармах, во дворах (на улицах показываться нельзя) торопливо бегают, блистая новыми погонами с царскими вензелями, курсовые и взводные офицеры. Мягко позвякивая шпорами, дежурный офицер уже приготовился слушать рапорта о прибытии.

Но, увы, ожидания напрасны. Проходит назначенный день, еще день, еще и еще.

Начальствующие беспокоятся.

– Помилуйте, так хочется обучать, так хочется командовать, и вдруг никого.

Недовольно фыркая носом, бегая из угла в угол пустых казарм, неистово сжимая кулаки, начальство недоумевает.

– Чорт знает что! Отпустили только на летнее время, а уж настала осень, и никого нету. Когда же они соизволят появиться?

Наконец появляются. Кучка человек в пять, все оборванные, истощенные, с разбитыми ногами, с руками на перевязи, напоминающие скорее мокрых куриц, нежели орлов.

На что жестокий народ курсовые офицеры, но и те ахают при виде своих подчиненных и советуют им держать направление прямо на лазарет.

Начальство негодует. Начальство обескуражено.

– Где же остальные? Куда они делись? Долг чести их зовет под славные знамена, а их нет. Где же они?

Скоро для начальства, училищного и неучилищного, настали совсем скорбные дни.

Болгарское правительство, разгромив блок под Тырновом, приступило к расправам с врангелевскими генералами, на этот раз виновными разве только в одной идейной солидарности с блоком. Но Даскалову надо было ликвидировать историю с документами.

В газетах появилось правительственное изложение всех данных, относящихся к этой истории, и объявлялось, что все иностранцы, виновные в «заговоре», будут экстернированы. Проскрипционный список намечал свыше 50 человек к выселению из Болгарин. Однако французы и сербы отказались давать визы; этим думали спасти организацию Врангеля. Болгарские министры на этот раз не смутились и заявили, что все подлежащие высылке, впредь до отъезда, будут посажены в концентрационные лагеря. Угроза подействовала: высылаемые сами начали хлопотать о визах.

Некоторые штабы изгонялись полностью, другие отчасти. Оба титулярные командиры корпусов, добровольческого и донского, ген. Витковский и Абрамов,

и множество всяких начдивов, комбригов, комполков, начальников училищ перекочевали по воле болгар в Сербию, захватив с собой и своих прихвостней, адъютантов, возлюбленных дам и проч. На больших станциях целые группы бывших людей, сидя на чемоданах, уныло дожидались поездов. Они резко выделялись от остальной русской публики своими чистенькими костюмами. Только не решались прицеплять погоны, так как их без стеснения срывали болгарские рабочие.

Впрочем, многие выселялись довольно охотно. Переезд в Сербию сулил перемену места, прогулку по Балканам, избавление от неприятной болгарской атмосферы и, сверх того, 15 000 лев, которыми Врангель снабжал каждого высланного в виде единовременного пособия.

– Нас рассчитывают в общем хорошо, – писал в Болгарию высланный генерал Лобов («Новая Россия», № 6). – Отпускают и суточные, и на проезд, и на багаж, и платят по занимаемой должности. Посещаем концерты и кинематографы.

Одним словом, не житье, а масленица! Верноподданных генералов Врангель умел награждать, предоставляя нищету и всякие лишения на долю своих галлиполийских орлов.

Иные даже жалели, что не выселяют. На начальника кубанского военного училища ген. Лебедева, очень грозного, но и очень молодого и недалекого, болгарские власти не обращали внимания, хотя он из сил выбивался попасть в число опасных для Болгарии людей. Он открыто ходил в погонах и брюках с генеральскими лампасами, задирался с земледельцами, – ничего не выходило. Неудачнику оставалось пощипывать с досады место своих будущих усов.

По установившемуся правилу всякий высланный начальник назначал себе преемника. Бывало так, что

и того внезапно выселяли, должность механически замещал следующий по старшинству.

Иногда дело доходило до курьеза.

– Вы не служили в ветеринарном лазарете конного Дроздовского полка? – спрашивает в Софии русский прохожий молодого врангелевца, разводящего известь на постройке дома.

– Виноват, – гордо отвечает рабочий, – я – полковник, я командир ...ского артиллерийского дивизиона.

– Виноват, кажется, командир этого дивизиона генерал Х.?

– Он выселен, я его замещаю.

– Какой же вы командир части, – вы рабочий.

– Да-с, работаю, но временно.

– Конечно, временно... не сегодня-завтра болгары выселят и вас, когда узнают, что вы титулуетесь командиром части.

– Пусть выселяют! Меня заменит следующий. Выселят того, он найдет себе заместителя. Пусть хоть всех переберут.

– Что же это за войсковая часть, если в ней остается один человек, командир, и тот будет таскать кирпичи на постройках или служить батраком!

– Важна идея, да-с, идея полка... идея армии. Умираем, но не сдаемся.

Настал роковой час и для владычества донского атамана. Для болгарского правительства все яснее и яснее становился истинный характер его деятельности. Пользуясь «заботами о беженцах-казаках» в качестве прикрытия, он в действительности являлся политическим агентом Врангеля, осуществляя задание Главкома об удержании казаков на чужбине, как материал, необходимый для новой гражданской войны. Болгарские правительственные круги от него окончательно отвернулись.

Часть генералитета, – создание его же рук, – ушла в красный стан, и за нею последовало большинство донского офицерства и почти все казачество. Даже близкие к нему люди уезжали в Россию, даже казначей его правительства Бильдинский, перед отъездом разоблачивший тайны атаманского особняка. Наконец, когда на фабрике «Струг» был обнаружен склад ручных бомб для «десанта» Покровского и в числе заказчиков оказался «атаман Всевеликого Войска Донского», ген. Богаевский под благовидным предлогом улизнул в Сербию. Не смея сесть в поезд в Софии, он на автомобиле доехал до следующей станции и уже там водворился в вагон.

Настал черед и фельдмановского Красного Креста. Его роль, как общественной организации, уже кончилась, и флаг Красного Креста служил только ловкой завесой, чтобы прикрывать политическую работу г. Фельдмана и его присных.

– Ввиду ограниченности средств Красный Крест заботится только об инвалидах и их семьях! – гласил плакат на входных дверях этой организации в Софии.

– Белье инвалидам все роздано! – добавлял плакат в приемной. При этом чья-то невидимая рука зачеркнула последнее слово, написав сверху «продано».

– Бесплатные обеды никому не выдаются! – утешал инвалидов плакат в канцелярии, полной служащими.

Помощь инвалидам заключалась в том, что им давали возможность жить в болгарских казармах. Да и оттуда выгоняли тех из них, которые заражались возвращенской белезнью. Заведывающие «инвалидными домами», исключительно бывшие жандармские полковники, зорко следили за настроением калек, привлекая наиболее надежных в «народно-монархический союз», весьма таинственную организацию, по-видимому питомник для выращивания будущих Конради, Таборицких,

Шабельских-Борков и т. д. Иногда для практики члены этого союза, вдохновясь «николаевской» и гимном «Боже, царя храни», набрасывались с криками «бей коммунистов» на своих безруких и безногих политических противников.

Наконец, болгарское правительство официально отказалось признавать фельдмановскую организацию Красным Крестом и согласилось на приезд представителя законного российского, т.-е. советского, Красного Креста. В последних числах октября, к великой радости новоявленных советских граждан, в Софию прибыл уполномоченный этой организации И. С. Корешков. Приближался желанный час массовой, бесплатной отправки эмигрантов на родину.

Корешков нашел в Болгарии уже вполне готовую организацию для этого дела – Совнарод, Союз возвращения на родину. Он и воспользовался ею для технической работы.

В Союзе и во всех его многочисленных провинциальных отделах закипела работа. Целые толпы обездоленных людей, измученных скитаниями по бесплодной пустыне – России № 2, вечно толпились в Совнароде, требуя разные справки или записываясь на пароходы.

– Когда же отправка... Уж хоть скорее бы... А то весной как бы чего не случилось, не выпустят.

– Товарищ, дайте бланк для анкеты...

– Что же вы, товарищ, пишете в анкете... На вопрос «какие ваши политические убеждения», отвечаете: «политическим убеждениям не подвергался».

– А вот тут один дядя написал: «по убеждениям я большевик», и приложил свою фотографию в полной офицерской форме, с погонами и орденами.

– Шейнова улица, № 2 – таинственный дом, про который в Софии говорят шепотом, – сообщало «Русское

Дело» про офицерскую секцию Союза возвращения на родину.

Что таинственного нашел в этом доме корреспондент врангелевской газеты, – понять трудно. Двери были широко раскрыты для всех, запись производили генералы и полковники из эмигрантов; никому, даже заведомому стороннику Врангеля, не отказывали ни в какой справке.

Белогвардейская пресса, как и следовало ожидать, приезд представителя Советского Красного Креста отметила руганью и инсинуациями по его адресу. В Болгарии дело Врангеля было проиграно, но под его воздействием оставалась еще эмиграция в Сербии. От ужаса пред приездом и в Белград такой же миссии белогвардейские газеты заболели манией преследования. Почему-то им казалось, что Корешков должен распространить свою деятельность и на Сербию. В каждом номере г.г. Суворины, Ренниковы, Литвины гадали, приехал Корешков в Белград или не приехал, при этом усердно настраивали сербских врангелевцев расправиться с большевистским представителем.

Низы в Сербии тоже ждали Корешкова, но совершенно с другими чувствами.

– Приехал! – раздается радостная весть в каком-нибудь медвежьем углу Югославии.

– Сам видел; говорю вам, против Державной комиссии¹ поместился. Все честь-честью – канцелярия, прием посетителей! – повествует «очевидец», только что прибывший из Белграда, сгрудившимся возле него станичникам. – Привез с собой книги со списками, где все прописано. Придешь, назовешь фамилию, – раскроют

¹ Эта комиссия ведаёт делами о русских эмигрантах, которые имеют в ней своих представителей.

книгу и говорят: вам можно в Россию, или – судить будут. Пришел один генерал, – вам, говорят, не советуем.

Станичники верят всякому вздору.

– Тысячу человек в месяц согласилась принимать Россия... А нас тут... сколько? тысяч пятнадцать...

– Ну, коли не запишешься сразу, жди... Как в последнюю тысячу попадешь, так пятнадцать месяцев прождешь.

Нервничают, торопятся.

А когда неумогу становится томительное ожидание, посылают в Белград ходоков. Пусть, мол, все узнают. Даются деньги, заполняются про всякий случай листы со сведениями о прошлой службе, строго следят друг за другом, чтобы ничего не было упущено или утаено.

– Все, все пиши, там, брат, все знают; да и таить-то нет смысла, все пиши, других не подкачай.

Ходоки едут в Белград, долго мыкаются, обиняком да стороной проведывают все и ни с чем едут назад.

Однако молва несется. Слагается даже частушка:

Вот в Державной Орешков²

Заседает, –

А напротив Корешков

Отправляет.

Так создается, творится легенда: – Приехал!

Потому что с нею легче жить, потому что в ней взлеянная мечта о далекой, манящей родине³.

Чтобы спасти хотя бы остатки кубанской дивизии, работавшей в Сербии, Врангель предпринял форсе major – организацию хотя бы самого ничтожного

² Орешков – секретарь Державной комиссии по делам об эмигрантах.

³ Газ. «Новая Россия». № 59, ст. «В Югославии» А. Бекаревича.

десанта на Кубань. Надеялись, что один только слух об этой боевой операции произведет потрясающее впечатление. Низы привыкли к мысли, что война кончена и воевать иностранцы не позволят, – десант опровергнет это мнение и остановит от мирного возвращения в Россию тех, у кого еще не совсем прошел военный угар или кто много нагрешил против своих соседей по станице. Далее, рассчитывали, что появления хотя бы горсти бойцов из-за моря для поддержки зеленых может вызвать недоверие Советской власти к возвращающимся, репрессии в отношении местного населения и т. д. и что сведения об этом остановят мирное движение казачества в Россию. Врангель готов был какой угодно ценой сорвать репатриацию.

Слухами о десанте и раньше кормили казаков. Во время лемносского сиденья информаторы то и дело поджигали их против распыления, утешая тем, что в Константинополе уже все готово к отплытию десанта. Тогда называли даже начальника экспедиции – необычайно популярного среди грабительских элементов – Андрея Шкуру, который для благозвучия называл себя Шкуро! Говорили, что французы одобряют это предприятие. Теперь снаряжение десанта было уже не слухом, а фактом.

Имя ген. Покровского, другого виднейшего из героев белого стана, выплыло из мрака забвения в связи с предполагаемой операцией. Шкура, ограбивший пол-России, в это время почивал на лаврах в Париже, лелеемый, и эс-эрами и сторонниками «блюстителя российского престола», быв. вел. кн. Кирилла Владимировича. Иные, подобные ему герои белого стана уже закончили свое земное поприще, другие безболезненно перешли в противоположный стан, осознав свои грехи пред рабоче-крестьянской властью. Из всех наличных

головорезов в эмиграции бесспорно самым отчаянным следовало признать Покровского. По жестокости в свое время он стоял на первом месте.

Несомненный садист, он ввел бессудные расправы в такой обычай и так безжалостно расправлялся с «причастными к большевизму лицами», что его товарищ по боевой работе Андрей Шкура в сравнении с ним казался ангелом. В 1918 году при занятии этими генералами группы Минеральных Вод ген. Покровский соорудил такой частокोल виселиц, что более слабонервный Шкура бросался в ноги к своему соратнику, старшему в чине, и умолял пощадить того или другого, менее виновного. В стане белых про Покровского рассказывали ужасы. Говорили, что в некоторых случаях он сам лично производил расправы. Однажды, захватив в плен старого кадрового полковника, служившего в Красной армии, он пригласил его к себе в вагон для беседы. Окидывая собеседника своим пронзительным, леденящим душу взглядом, он задал полковнику ряд вопросов, на которые тот, привыкший за годы службы ко всякого рода начальству, отвечал совершенно хладнокровно и не подозревал ничего дурного. – «А, сволочь! у большевиков служить!» внезапно заревел Покровский, и полковник с пробитым пулею черепом грохнулся на пол. В начале 1919 года в корпусе Покровского находился так называемый «легион чести», сформированный за границей Антантой из русских военнопленных и переправленный к Деникину. В бою на реке Маныч этот легион выкинул белый флаг, не желая сражаться с братьями. Заметив это, Покровский приказал своим кубанцам хотя бы некоторую часть легиона загнать в тыл и не допустить перехода к неприятелю. Казаки в точности исполнили это приказание, отбив человек 70 легионеров от остальной массы, перебежавшей к красным.

Загнанные в клуни, несчастные были живьем сожжены на потеху Покровского.

В Крымский период этот герой оставался не у дел и отдыхал в Сербии после всех своих подвигов. Теперь звезда его снова всплыла на эмигрантский горизонт. Ему ничего не стоило на вербовать десятка два безработных кубанских генералов и полковников. Находились и казаки, согласные ринуться в авантюру, преимущественно из числа таких, которые грабили со Шкурой Россию, мирились с Советской властью на Черноморье, снова восстали во главе с Фостиковым, запятнали себя тысячью преступлений и предпочитали разбойничать в горах, нежели являться на родину с повинною.

Проникнув в Варну, Покровский создал здесь «штаб десантной операции». Для большей безопасности сам он поселился у сербского консула, посвященного в планы и даже выручавшего организацию деньгами. Донской атаман Богаевский тоже обещал уделить кое-что от щедрот своих на предприятие. Не важно обстояло дело с вооружением. Винтовки, скрытые врангелевцами в земле, пришли в полную негодность. Склад ручных гранат в Софии открыла полиция прежде, чем успели их перевезти в Варну. Конспирация тоже оставляла желать много большего. По приказу Покровского, убили ген. Муравьева, атамана варненской кубанской станицы, которого подозревали в излишней болтливости. В самый разгар работ по починке шхуны понадобились добавочные средства. Покровский немедленно командировал в Сербию своего адъютанта Моисея Власова с письмом к ген. Боровскому. В этом интересном документе, впоследствии перехваченном, отразилась вся натура Покровского. «Если банкиры, вроде Гайдукова, не дают денег, то надо применить старый эс-эровский метод: – стукнуть по одной голове так, чтобы оглушить

все остальные», писал он, подбивая своего единомышленника на террористический акт с целью добывания денег.

Власова задержали в Софии, на вокзале, где существовал особый пропускной пункт для русских, приезжающих из Сербии или уезжающих туда. Письмо ген. Покровского попало в руки полиции. Правительство встревожилось не на шутку, узнав о подготовке на болгарской территории «десанта» в Россию.

В Варне начались почти поголовные аресты русских, подобно тому, как в самохваловские дни. Впрочем, тех, кто открыто признавали себя гражданами Советской России, немедленно освобождали по установлению личности. Большую часть штаба Покровского схватили, сам же организатор, с небольшой группой отчаяннейших головорезов, успел ускользнуть из Варны и даже добрался до г. Кюстендила, близ сербской границы, того места, где очень удобно переходить из Болгарии в Сербию и обратно.

Известие о подготовке «десанта» Покровским вызвало бурю негодования в среде сторонников Советской России. Провокационную цель этой экспедиции не понимал разве только ребенок. Низы, уже готовые к отправке на родину, увидели, на какие средства были способны белые вожди, чтобы помешать примирению белых с красными. Газета «Новая Россия», орган Союза возвращения на родину и Общеказачьего земледельческого, напечатала полностью письмо Покровского, а один из редакторов, А. М. Агеев, поместил боевую статью против тех, кто вызывает Советскую власть на репрессии, а после кричит о красном терроре.

Агеев во время гражданской войны служил адъютантом командующего Донской армии ген. Сидорина. Когда последний, осужденный врангелевским судом

на каторгу «за попытку соглашения с большевиками», был помилован и выслан за границу, Агеев разделил его судьбу. После крымской неудачи и появления Врангеля на Балканах молодой Агеев почти одним из первых выступил устно и в печати против зарубежной белогвардейщины. Прибыв в 1922 г. в Болгарию из Чехии, он совместно с Дудаковым встал во главе Общеказачьего земледельческого союза. В то время, как раскрылась авантюра Покровского, он только что вернулся из Москвы, куда ездил ходатайствовать о скорейшем прибытии в Болгарию миссии советского Красного Креста. Лично увидев русскую жизнь, по возвращении он сделал несколько публичных докладов о своих наблюдениях в России. Эффект получился колоссальный. Бредни белогвардейской прессы и агентов Врангеля сразу были изобличены живым свидетелем. Противоположный лагерь, разумеется, ополчился на него, сколько мог. «Русское Дело» и «Русь» кричали о золотых чашах, на престольных крестах и другом церковном имуществе, будто бы привезенном им в качестве валюты для большевистской пропаганды. Обе эти газеты силились подстрекнуть кого-нибудь из неуравновешенных «верноподданных» на расправу с «агентом Чека». Такая злодейская рука нашлась. Покровский, желая на ком-нибудь сорвать свою злобу за неудачу, остановился на Агееве, которого в последние дни больше всего ругали белогвардейские газеты.

3-го ноября, в 2 часа дня, в Софии предательский выстрел смертельно ранил молодого бойца за Советскую Россию в эмиграции. Шайка бандитов Покровского, окружив помещение Общеказачьего земледельческого союза, где в это время происходило подготовительное заседание к казачьему съезду, стала сторожить жертву. Как только Агеев вышел на улицу

и сел в фаэтон, один из бандитов, черкес Бейчаров, выстрелил в него в упор.

Сторонники врангелевщины встретили известие о ранении Агеева с диким восторгом. Изнемогая, они теряли всякую надежду победить Новую Россию путем идейной борьбы. По счету это было уже 8-е покушение на более видных лиц, ставших на советскую платформу.

Болгарские власти, встревоженные покушением на жизнь лица, принадлежащего к составу официальной чужеземной миссии, назначили премию за поимку убийцы. Деньги подействовали. В шайке Покровского оказался Иуда, указавший местопребывание бандитов. В ночь на 7-е ноября в пограничном Кюстендиле разыгралась кровавая драма, впрочем обычная для этого города. Болгарская жандармерия оцепила дом, в котором квартировала шайка. Ее захватили голыми руками. Только полк. Улагай успел скрыться в одном белье. Покровский начал было сопротивляться, но солдатская пуля пронзила ему грудь. Раненный в область сердца, он все-таки прожил до утра и умер в кюстендильской больнице. Так бесславно погиб один из виднейших героев белого стана, весьма богатого такими головорезами. Полное политическое невежество, совершенная аморальность, садистическая кровожадность и несомненная личная отвага – вот их отличительные черты.

Спустя сутки после гибели своего интеллектуального убийцы, отошел в вечность и Александр Агеев. Молодой, – ему не было и 26 лет, – бесспорно талантливый, полный жизни и самых смелых, горячих порывов. Пуля убийцы сразила его в наиболее интересный момент жизни балканской эмиграции, когда низы готовились формально отмежеваться от верхов и оставить Россию № 2 без фундамента.

12-го ноября, в воскресенье, Новая Россия, возникшая в Болгарии, торжественно хоронила одного из своих основателей.

Это скорбное, но грандиозное торжество показало, какой коренной сдвиг произошел в настроениях беженских масс. Еще весной не всякий решался вслух говорить о Советской России, а теперь...

Тело усопшего, поставленное на катафалк в соборной церкви болгарской столицы, было покрыто красным флагом Р. С. Ф. С. Р. Около полудня неисчислимые толпы русских граждан и болгар наводнили соборную площадь. В 2 часа дня в храм прибыла миссия советского Красного Креста, деятели Союза возвращения и Казачьего земледельческого и ряд разных депутатий. Началось отпевание. Пел прекрасный хор казаков Гундоровского полка, игнорировавших запрещение начальства. Когда церковная церемония кончилась и гроб вынесли наружу, красные знамена слегка склонились, и оркестр болгарского гвардейского полка заиграл траурный марш.

Впереди процессии несли множество венков с красными лентами. За гробом, сзади официальных лиц, ряды русских граждан, ставших на советскую платформу. Дальше – стройные, изумляющие своей дисциплиной, колонны болгарских коммунистов и рабочих организаций. Звуки похоронного марша чередовались с пением революционных песен. Незабываемая, внушительная манифестация мощи и единения тех, чьи ряды думала расстроить шайка бандитов убийством из-за угла.

Возле Александровской больницы состоялся грандиозный митинг. Здесь, у гроба борца за Новую Россию, эмигрантские низы стояли бок-о-бок с болгарскими коммунистами. Рассеялось старое предубеждение

против коммунистов, растаяла, как лед, неприязнь, от прежних недоразумений не осталось и следа. В болгарских коммунистах изгнанники теперь видели не врагов и не просто братушек, а братьев, защитников интересов всякого трудящегося, будет ли это свой болгарин или русский, и врагов тех, кого и они возненавидели здесь на чужбине – белых вождей.

И как бы в знак полного примирения, при возвращении с похорон, ряды казаков влились в колонны коммунистов. Гордо реяли бесчисленные красные знамена, звучно разносились в сыром, вечеряющем воздухе слова:

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.

Через три дня после похорон Агеева в Софии открылся съезд казаков-земледельцев. Делегаты от казачьих групп прибыли даже из Чехии и Константинополя. Группы орлов, ставших на советскую платформу, тоже прислали своих представителей в знак полной солидарности с настроением казачества.

За два года скитаний по чужбине низы в первый раз получили возможность свободно высказать свою волю вслух. Никакие главкомы, блюстители, атаманы, командиры не стесняли теперь казачьих масс в Болгарии.

Все, кто имел уши и глаза, чтобы слышать и видеть, могли теперь убедиться, куда тянут низы. Ни национальная Россия Врангеля и монархистов, ни мифическая Россия Милюкова и эс-эров не интересовала более их. Их привлекал образ России живой, действительной, той, что есть на самом деле, России, в которой умерло старое и исподволь выковывается новая, лучшая жизнь.

Как и печальное торжество погребения Агеева, так и этот съезд был апофеозом Новой России. Она властно царилла на съезде. Ее веяние ощущалось всеми. Как

живые, глядели на делегатов приветливые лица представителей новой российской власти: Ленина, Калинина, Троцкого, Буденного, Главкома Каменева.

– «Зарубежное трудовое казачество, – гласило обращение съезда к ВЦИКу, – давно осознав свою роль в прошлом, как простого орудия в руках всероссийской контр-революции, и твердо решив покончить с таким положением, признает себя гражданами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и подчиняется безоговорочно единственно законной власти России – Советской. Эта власть осуществляет национальную задачу собирания воедино государства Российского и охрану его интересов в международных отношениях и не склоняет в то же время интернационального знамени освобождения трудящихся масс всего мира от рабства и эксплуатации, привлекая тем к себе горячую любовь и симпатию народных низов стран всего мира и поднимая тем самым престиж русского имени на небывалую до сих пор высоту.

Считая, что дальнейшее пребывание вне пределов России будет давать возможность реакционным силам использовать вопреки воли и желания казачества наличие казачьих масс для авантюристических преступных попыток борьбы с Сов. Россией, съезд полагает гражданским и политическим долгом зарубежного казачества приступить к осуществлению мысли о возвращении на родину.

Своей решимостью вернуться в пределы Советской России казачество окончательно порывает с белогвардейщиной и сознательно наносит решительный удар врангелевской реакции, увлекая из ее вооруженных рядов за собою под знамена Красной Рабоче-Крестьянской армии Р.С.Ф.С.Р. кадры бывшей белой армии¹».

¹ Это обращение было напечатано в «Изв. ВЦИК» 19 декабря 1922 г.

– Что касается самого Врангеля и всех тех, кто еще и до сих пор именуется правителями, министрами, атаманами, главнокомандующими и т.д., – сказал делегат от Перника, казак Поликарп Носов, – то надо полагать, что д-р Нансен, который взялся облегчить нам переезд на родину, позаботится и об их участии: выстроит им обширный желтый дом.

XXI

РЕФЕРЕНДУМ

Едва только болгарское правительство выпустило на свободу арестованных «народом» вождей блока, как они стали готовиться к новому собору в Пловдиве (Филиппополе), столице южной Болгарии, окрещенной в 1878 г. в Берлине европейскими дипломатами восточной Румелией. Земледельцы сначала приняли вызов и объявили сбор селян в том же городе и в тот же день 1 октября на «розопроизводительный» конгресс. Другими словами, в южной Болгарии предстояло такое же побоище, какое только что случилось в северной.

Под конец, однако, правительство раздумало устраивать новый «двубой» и приказало снова арестовать всех бывших министров царя Фердинанда. Под крепким караулом их препроводили в Шумен. Только один Буров, тот самый, дом которого в Горном Ореховце разнесли селяне 17 сентября, успел скрыться. Переодетый в женское платье, бывший министр удачно перешел румынскую границу.

Пловдивский «собор» провалился.

Прокурор софийского окружного суда Михайлов возбудил было преследование против столичной полиции, производившей аресты вождей блока, из которых

многие являлись депутатами Народного Собрания и пользовались неприкосновенностью. На этот раз правительство проявило решительность, уволив блюстителя законности в отставку.

13 октября Народное Собрание открыло чрезвычайную сессию и, разумеется, постановило предать суду бывших министров, но предварительно произвести народное голосование, чтобы узнать, одобряет ли народ эту меру. Кроме того, оно утвердило арестование обвиняемых и, сверх того, постановило наложить арест на их имущество.

Референдум должен был состояться 19 ноября. В томительном ожидании этого дня правительство пожелало еще раз демонстрировать пред столицей свою мощь. По примеру коммунистов и «народняцей» оно в первый раз созвало на собор «младежские группы», земледельческую молодежь. Столица снова пережила тревожные дни оккупации селянами.

Бесчисленные полчища деревенских юношей, под надзором полицейских, парадировали по различным частям Софии, с оркестрами музыки во главе. Сотни оранжевых плакатов высказывали мысли собравшихся вслух. «Против фашизма». «Долой блокарей». «Сокрушим всякого, кто посягнет на власть земледельцев». По странной случайности, невежеству или злему умыслу, на одном плакате красовался лозунг коммунистов: «Да здравствует балканская федеративная республика».

Райко Даскалов гарцовал на лучшем коне из пожарной команды. Один урядник и один гимназист, оба верхом на клячах, составляли его свиту. Сзади тащилось около сотни конных селян из ближайших деревень – «конная народная гвардия».

Блокарям приходилось много раз чихать во время этого конгресса.

– С этого дня «народняци-превратаджи» встретят против себя организованную молодую силу земледельцев! – гордо провозглашали участники этого собрания. Постановлено было повсеместно приступить к организации конных отрядов Народной Гвардии. Даскалова объявили ее Главнокомандующим, к великой потехе блоковых газет, встретивших известие об этом избрании градом карикатур.

Тем временем приближался день народного голосования. Население, впрочем одни только мужчины, так как за женщинами в Болгарии политических прав не признается, должны были опускать в урны или черный, или белый листок, в особом конверте. Черный – за оправдание, белый с 22-мя фамилиями бывших министров – за предание их суду.

– У них все не так, как у людей, – говорили русские. Когда болгарин говорит утвердительно, он мотает головой, когда отрицательно – кивнет всего один раз. То же и теперь.

На языке земледельческого правительства черные и белые «бюлетины» (бюллетени) означали кривду и правду. Кто подавал черный, тот стоял за оправдание черной, несправедливой власти блока. Белые «бюлетины» обозначали солидарность со светлой земледельческой властью. В столице, провинции, во всех городишках и селах шла безумная агитация – обработка народных масс ко дню голосования. Маленький народ в маленькой стране ничего не делал иначе, как *en grande*. В крошечных городках, где жили и блокари и селяне-дружбаши, происходили потасовки и свалки... Обычная картина для Болгарии.

Блокари знали, что их дело гиблое, что многочисленные селяне будут голосовать против них, а турки в особенности. Но им хотелось проверить свои силы.

Газетная перепалка достигла неистовства. Наконец, дело дошло до того, что стало недостаточным переругиваться в печати только раз в сутки. На сцену выступила заборная полемика. Каждый час, каждые полчаса, каждые десять минут на заборах появлялись все новые и новые афиши, агитационные, провокационные или просто ругательного свойства. Порой целые полотнища, порой крошечные пояски, иные в стихах, иные в прозе, часто в серьезном тоне, нередко в карикатурном виде, с иллюстрациями и без иллюстраций, но всегда все пошло, плоско, ругательно, одна и та же вечная волынка о попирании противником прав народа, об его измене Болгарии, о вовлечении им государства в позор и нищету, и притом все это голословно, бездоказательно, с кондачка. Бумажный поток затоплял Софию, покрывая цветными пеленами углы и стены домов, даже водосточные трубы, ворота церквей, заборы, – иногда на протяжении 100 шагов, – пьедесталы памятников, перила мостов, окна ресторанов. Вся эта цветная армия окружала кольцами и как бы держала в осаде плакат заботливых хозяев «лепенето на афишите тука е забранено»¹, не закрывая его, должно быть, ради насмешки. Если с вечера перед строящимся домом оставляли штабель кирпичей или сваливали перед воротами кучу дров, к утру их находили покрытыми бумажной скорлупой. Мало того, чтобы лепить афиши, – их забивали в разинутые пасти четырех металлических львов на Шареном мосту, тех самых, которые вылиты без языков, чтобы, как острили жители столицы, они не могли сказать, сколько денег украли строители моста.

Изукрасив столицу плакатами, партийные деятели толпами шатались по улицам, зорко следя за

¹ Лепить афиши здесь воспрещается.

появлением новой заборной литературы противника, чтобы немедленно парировать удар.

– Стоян Михайловский (известный болгарский писатель) заявил, что блокари – погромщики и мошенники – ведут страну в пропасть! – любезно оповещала публику только что наклепленная оранжевая афиша.

Через полчаса подле нес выростала, как гриб после дождя, афиша блока.

– Это заявление не настоящего Ст. Михайловского, а его однофамильца, кабатчика из Хаскова, который даже не грамотен. Земледельцы ловко колпачат народ. Долой разбойников! – отвечала она на любезность соседки.

Эксплоатировалось имя Милюкова, популярного у блока, примешивались научные авторитеты, утилизировались цитаты из священного писания, пускался в ход весь арсенал народного юмора. Борьба, так борьба. Словоблудие, так словоблудие.

Настал решительный день, в исходе которого никто не сомневался. По решению 75% всех поданных голосов, бывшим правителям страны предстояла скамья подсудимых, а Народному Собранию, по жалобам блокарей, – несколько скандальных заседаний для обсуждения вопроса о насилиях, допущенных агентами власти при плебисците.

XXII

КЮСТЕНДИЛЬСКИЕ ДНИ

Македонский вопрос в конце прошлого и начале нынешнего столетия не один раз занимал европейских дипломатов.

Родина знаменитого героя древности в средние века наводнилась разными славянскими племенами, которые, осев в горах, частью растворились в эллинизированных туземцах, частью сохранили свой славянский тип. В XIV веке эту страну завоевали турки, а в нынешнем столетии, после Балканской войны 1912–1913 гг., ее поделили Греция, Сербия и Болгария. Это разделение не удовлетворило македонцев. У них еще в эпоху турецкого владычества возникла мысль об автономии; целое поколение воспиталось в этой мечте, за осуществление которой оно пролило потоки своей и турецкой крови.

Болгария, претендуя на большую часть Македонии ввиду того, что во многих округах этой страны господствует болгарский язык, поддерживала автономистов и после войны 1912–1913 года. Все македонцы, недовольные новыми порядками, введенными сербами и греками, бежали в Болгарию и здесь жили или мирным трудом, или политическими интригами, подготавливая на болгарской территории кадры для борьбы

за объединение и автономию своей родины. Земледельческое правительство, опасаясь осложнений с Сербией, начало отказывать автономистам в материальной помощи. Блокеры, мечтающие о Великой Болгарии, взяли их под свое покровительство.

В начале 1922 г. македонцы зарезали болгарского военного министра Ал. Димитрова, сподвижника Стамболийского, считая его виновником отказа им в субсидии. Стамболийский после этого начал относиться к организации крайне подозрительно. В ответ на это автономисты фактически упразднили болгарскую власть в тех частях Македонии (округа Петричский и Неврокопский), которые вошли в состав Болгарии. Правительство стремилось мирно уладить этот инцидент, но ничего не выходило.

В пограничном с Сербией г. Кюстендиле нашли себе пристанище тайные и явные штабы автономистов, сносившиеся отсюда со своими сторонниками по ту сторону границы. В их среде тоже не было единства; они делились на разные партии, не сходясь в программах устройства своего будущего государства. Поэтому резали не только представителей болгарской власти, дерзавших преследовать их, но и друг друга. То и дело в Кюстендиле, а иногда и в близкой Софии, падал под ударом тайного убийцы тот или иной вождь революционеров – воевода. Правительство, довольное тем, что негодная ему политическая группа занимается самоистреблением, не препятствовало македонцам увлекаться этим спортом и не стремилось наказывать убийц, даже если их знало.

Блокеры всеми силами старались привлечь на свою сторону автономистов, чтобы, в случае нужды, опереться на их тайные, хорошо вооруженные «четы», как на реальную силу. Стамболийский, находясь в Белграде,

в беседе с сербскими министрами назвал македонцев балканскими ирландцами. Газеты блока немедленно разъяснили, что глава земледельцев науськивает сербов расправляться с македонцами, как разделяются англичане с непокорным населением Ирландии. Пресса и факторы блока вопили о том, что правительство потому не наказывает убийц македонских воевод, что само причастно к этим злодеяниям. Автономисты, разжигаемые агитацией блока, свирепели и готовы были, в случае надобности, двинуть свое неуловимое войско из неприступных убежищ Македонии на близкую столицу Болгарии.

В ноябре 1922 года в Кюстендилье пал от руки убийц местный житель Алайков, принадлежащий к македонской организации. Тайный революционный комитет автономистов предъявил болгарскому правительству требование разыскать в трехдневный срок преступников и наказать их, грозя в противном случае лично взяться за это дело. Ультиматум остался без ответа.

В ночь на 3 декабря Кюстендиль, привычный к кровавым событиям всякого рода, трепетал от ужаса. Со всех сторон трещали пулеметы; над окрестными высотами, со стороны сербской границы, взвивались сигнальные ракеты. Какая-то рать по всем правилам военной науки окружала город. Ждали рассвета.

При первых лучах восходящего солнца горожане увидели на улицах отряды суровых, вооруженных до зубов македонских четников во главе с известным воеводою Панчо Михайловым. Город, окруженный со всех сторон, капитулировал без всякого сопротивления. Жандармерия, пограничная стража, полиция отдались на милость победителя. У должностных лиц, не причислявших себя к сторонникам земледельцев, не было охоты противодействовать врагам этого правительства,

которое они сами не любили. Более того, среди нахлынувшей орды гарцовал на коне жандармский подпоручик Пеев, три недели тому назад расстрелявший митинг коммунистов. Правительство для виду хотело его покарать. Тогда он в знак протеста ушел к македонцам и теперь в их рядах сокрушал правительственный авторитет.

Весть о занятии Кюстендила македонцами произвела сильный переполох среди министров. Они знали о заигрывании блока с автономистами и предполагали тайное соглашение между ними для совместного активного выступления. От Кюстендила до Софии – 70 километров, два часа езды по железной дороге. Грозный призрак возможного переворота снова стоял перед земледельческим правительством. Его сила и мощь были пустыми звуками.

В понедельник, 4 декабря, Даскалов говорил в Народном Собрании речь по поводу кюстендильских событий, толкуя их таким образом:

– Это бесспорная интрига блока, который не брезгует никакими средствами для свержения земледельцев. Блок искал поддержки у репарационной комиссии и вооруженной помощи у Врангеля. В мае мы разрушили их планы. После этого блок обратил свои взоры к запасным офицерам и македонцам. Банды последних заняли теперь Кюстендиль и образовали там свое царство. Какие у них цели?

Министр внутренних дел и полиции, временный премьер, главнокомандующий народной гвардией и т. д. был жалок в этот момент. Вся ложь и несостоятельность земледельческой идеологии, развитой Стамбульским, выступила теперь на сцену. Громя кождеров словом, земледельческое правительство на деле поддерживало их. Своими бесконечными угрозами

сокрушить могущество буржуазных партий оно побуждало их копить силы для сопротивления; эти силы при случае могли перейти от обороны к наступлению. Земледельцы сами ковали против себя меч. Демагогическими приемами, грозой власти, денежными подачками до сего времени им удавалось сгонять толпы крестьян в те места, где, как им казалось, возникала опасность, и обращать крестьянские дубины против своих политических врагов. Но оно не имело воли окончательно обезвредить их, так как для этого надо было произвести коренную ломку социального строя. Такая ломка противоречила учению Стамболийского, признававшего священное право собственности. Поэтому земледельческое правительство вечно висело на волоске. В городах у него было мало сторонников; от городских низов, организованных рабочих и бедноты, оно отрекчивалось, считая, что интересы земледельческого класса не тождественны с интересами городского пролетариата. Разъединение приносило свои плоды. В столице земледельческое правительство все время чувствовало себя, как на кратере вулкана. Действительно, София оказалась его Ахиллесовой пятой.

Но еще не пробил час падения земледельцев, хотя их власть, опиравшаяся на громкие слова, исступленные крики и неистовый свист дубин, явно приближалась к закату. «Народовластие» выродилось в сплошную демагогию. Кюстендильские дни явно и воочию показали болгарскому народу непрочность земледельческого правительства.

Из Софии двинули в Кюстендиль все войска, какие только могли собрать. Набралось около баталиона, который и повел министр Томов. Столицу остались охранять полицейские патрули. Трифонов, помощник градоначальника, ринулся в ближайшие села. Пламенные

ораторы-дружбаши спешно выехали в Перник зажигать воинственный пыл в сердцах селян, работавших в шахтах. Страна опять начала приходить в волнение. В Пернике уже в воскресенье русские рабочие замечали что-то неладное у братушек. В понедельник возбуждение достигло апогея.

– Кюстендил... четници... автономисты!.. – слышались непонятные для русских слова.

Вскоре все разъяснилось. Приезжие ораторы-земледельцы устроили митинг, на котором призывали рабочих выступить против автономистов, которые могут пойти на столицу и вызвать смуту в стране.

– Другари (товарищи!) – призывал администратор рудника Христо Чолаков. – Я уверен, что вы, которые тратите свои силы на работе в шахтах ради куска хлеба, не остановитесь перед необходимостью пожертвовать своей кровью и даже жизнью за удержание в своих крепких руках Перника, главного жизненного источника Болгарии, и встанете на защиту интересов земледельческого правительства. Объявляю завтра в 7 часов трудовую мобилизацию.

Сердца орлов радостно забились. Всякая весть о новых угрозах, нависших над ненавистным им земледельческим правительством, давала им надежду на скорое избавление от каторжного труда.

Наутро, во вторник 5 декабря, толпы селян заполнили двор рудничного управления. Здесь производилась запись добровольцев, здесь им выдавали оружие и снаряжение. В полдень полк лапотников уже выстроился на церковной площади. Чолаков, ставший во главе полка, поздравил «другарей» с мобилизацией и повел их на вокзал. Селяне, привыкшие ходить строем на военной службе, а еще более – во время всяких соборов, конгрессов, манифестаций, мерно отбивали такт.

Близость врага и грозный для страны момент (кто знал, не шли ли сзади автономистов сербы) мигом дисциплинировали всю серую массу. Посторонний человек с трудом мог поверить, что всего полдня тому назад эта боевая единица представляла из себя бесформенную группу шахтеров, копавшихся в недрах земли под соседними холмами.

Орлы с изумлением наблюдали эту метаморфозу.

В шушукающихся группах кое-где проползали отрывисто-злые шепотки:

– Долгожданное начинается... Слыхали? Наступление со стороны Сербии... Значит, и Врангель идет оттуда сзади македонцев. Близок час нашего освобождения.

– Разве устоит эта сволочь против кавалерии Барбовича. Наши им себя покажут.

Вояки забыли, что такие же серые люди, от сохи и от станков взятые, дважды купали их в Черном море и, наконец, загнали в шахты далекого Перника.

Громовое ура огласило горы, когда тронулся поезд в направлении Кюстендила. Мало кто из отъезжающих слышал за этими восторженными возгласами звуки рудничного гудка, звавшего на работу очередную смену «руснаков».

Профессионалы-рабочие отправились в поход, профессионалы-воины уходили в подземелья.

В Кюстендиле, между тем, продолжали хозяйничать автономисты. В первую голову они выпустили из окружной тюрьмы всех македонцев, затем арестовали тех, кого подозревали в убийстве, Алайкова, и, наконец, устроили митинг. Воевода, с винтовкою в руках, явился перед толпою граждан и заявил, что его воинство на этот раз прибыло в Кюстендиль с единственной целью, чтобы проучить болгарское правительство

и заставить его на будущее время более внимательно относиться к их требованиям.

Видя мирное настроение четников, убивших всего нескольких лиц, граждане отправили к министру Томову, подходившему к городу с войсками, и в столицу к Даскалову депутатов с просьбой ни в коем случае не вступать с македонцами в бой, так как они никого не трогают и, видимо, сами уйдут. Действительно, воевода вывел свою чету за город. Томов тоже остановил свой отряд в почтительном расстоянии от Кюстендила. Затем оба вождя встретились в городе, мирно побеседовали и разошлись. Четники перешли сербскую границу и скрылись в горах, уведя с собой лишь предполагаемых убийц Алайкова. Болгарские власти снова почувствовали себя хозяевами в Кюстендиле, после трехдневного вынужденного маразма.

В Пернике в это время лихорадочно ждали известий с границы. Если под Кюстендилем завяжется бой, знали, что сюда донесутся звуки пушечных выстрелов.

Вечером, когда уже совсем стемнело, со стороны станции слышалась учащенная стрельба. Затем несколько залпов.

– Вот оно, началось... Наши идут! – шептали орлы.

– Узнаю нашего главкома... Быстрота и натиск, как у Суворова. Молодец! Орел идет разбивать оковы своих орлят.

Многие высыпали из барачков на улицу. Была хотя и безлунная, но светлая звездная ночь. Вдали слышались звуки марша...

Напряжение орлов достигло до последней степени. Взоры их приковались к станции, из-за которой должны показаться войска. Слабонервные начинали галлюцинировать... Казалось, вот, вот вырисовывается вдали колонна и впереди ее высокая, худая фигура,

в черкеске и папахе, верхом на белом коне, он – победоносный Врангель, который идет на выручку своих орлов...

Со станции несется шум. Доносятся обрывки речи, грубой, гортанной, мало понятной...

– Ах, чтоб вас...

На дорогу высыпает безобразная толпа, уже потевшая свой воинский вид. Врага нету, и дисциплина побоку.

Уныло плетутся орлы в свои грязные, зловонные, полные всяких паразитов бараки. Надежда опять обманула их.

Куда итти, куда деться? Их, горсть отверженных, презирают решительно все. Разучились они говорить и со своими бывшими товарищами по оружию, проклявшими свое белое прошлое и готовыми в дальний, но сладостный путь – на родину. У этих светло и покойно на душе, у этих есть цель жизни, есть будущее... А они, жертвы гражданской войны, игрушки чужого честолюбия, опора капиталистов, орудие Антанты... Неужели обречены работать в шахтах до гробовой доски, неужели тут, в Пернике, predeterminedено им навеки схоронить свою боевую славу?

Сухой зимний воздух оглашают залпы. Это рабочие перед тем, как сдать ружья, разряжают их. Эти выстрелы кажутся орлам последним салютом на похоронах их несбывшихся надежд, их молодой загубленной жизни, над гробом белого стана.

Столицу в этот самый момент тоже оглашала ружейная пальба. Население в смертном ужасе пряталось по домам, зная, что в город вступает опора правительства. Это Трифонов, помощник градоначальника, пригнал в Софию, ненавистную земледельцам Содом и Гоморру, 15-тысячный отряд селян, которые для устрашения

невидимого врага всю ночь палили в небо. Под неистовый треск ружейной пальбы, особенно интенсивной перед дворцом царя Бориса, «организованный земледельческий класс» кое-где начал разносить магазины. Зарево пожара осветило небо над южными кварталами: «гнев народа» поразил клуб национально-демократической партии и редакцию газеты «Препорец». Наутро от них остались одни обгорелые стены.

– Если и вы не будете считаться с «народными желаниями», то мы с вами и вашими редакциями поступим так же, как с демократическим клубом, – говорил на другой день некто Кожухаров, вождь одного из сельских отрядов, представителям прессы, собранным для того, чтобы выслушать «волю народа».

Так осуществлялась в Болгарии диктатура земледельческого класса по рецепту Стамболийского.

XXIII

ПОД ВЛАСТЬ ТРУДА

После убийства Агеева террор врангелевцев перенесся в провинцию. Здесь начали уничтожать представителей «Союза возвращения на родину», руководивших отправкой новых советских граждан в Россию. Однако не помог и террор.

Красное знамя, однажды поднятое среди болгарской эмиграции, не склонялось к земле, а, напротив, привлекало под свою сень все больше и больше сторонников новой русской жизни. «Посол» Петряев не выдержал его победного блеска и добровольно удалился из страны братушек. Русское посольство, избавившись от присутствия самозванца, затихло в ожидании подлинного представителя живой России. Врангель, сознав свое поражение в Болгарии, теперь напрягал все силы, чтобы как-нибудь перевезти остатки, — не боевых частей, а своих воинов, — в Сербию, где еще надеялся, поставив их на работы, приспособить для дальнейшей игры в солдатики. Но и сербы уже начинали на него коситься, видя, что из-под его ног уплывает почва — казачья и солдатская масса, — и остаются под его влиянием одни бездомные, беспринципные искатели приключений. Белый вождь сам начинал чувствовать, что

следующую весну, 1923 года, ему уже не придется браться оружием.

Знамя Октябрьской революции торжествовало среди балканской эмиграции.

Начиная с декабря 1922 года, каждый месяц тысячи русских людей маршировали под его сенью, с пением Интернационала по болгарской столице, направляясь к вокзалу, и по Варне, направляясь к пристани. Дело репатриации налажилось, поплыли к берегам России бесплатные пароходы.

Верхи эмиграции, видя крах своих надежд восстановить с помощью армии Врангеля свое бывшее положение и вернуть свои богатства, в бессильной злобе шипели по адресу уезжающих, которые стройными рядами маршировали мимо них:

– Поезжайте! поезжайте! грабьте вместе с коммунистами наше добро, насилуйте наших жен и дочерей, грабьте Христовы церкви.

Из рядов, как бы в ответ на это, неслись торжественные слова:

Мы все работники всемирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
А паразиты – никогда!

Тайные агенты Врангеля, разные «старушки» и «пугачи» теперь уже не смели и близко подходить к уезжающим. Разве только при самом отходе, когда концы отданы и работает машина, эти наймиты осмеливались с пристани вопить благим матом:

– Куда вы едете? Девяносто девять процентов вашего брата там расстреляют.

Находясь вне пределов досягаемости, уверенные, что их не поразит гнев уезжающих, они все-таки решались, хотя бы формально, выполнить долг своей грязной службы.

А у хозяев страны, славных, добродушных братушек, продолжалась политическая свистопляска.

Бесконечные конгрессы, соборы, манифестации и демонстрации...

Газетная руготня, резолюции митингов, заборное словоблудие, свист дубин, свалки, побоища, поножовщина...

Полиция выбивалась из сил, то-и-дело «раскрывая» ею же самой созданные заговоры и покушения для дискредитирования блока. Два раза летели бомбы, одна в Даскалова, другая в театре – в министерскую ложу. Разумеется, ни объекты, ни субъекты этих преступных деяний нисколько не страдали. Ни один «аттентатор» (заговорщик) не был выяснен. По-прежнему раздавались гордые слова о несокрушимой силе и могуществе земледельческого класса и его правительства. На выборах в Народное Собрание правительственная партия одержала неслыханную победу, проведя в парламент чуть не 90% своих сторонников. Даскалов попрежнему разъезжал по стране, гарцуя на обозных клячах, устраивая смотры народной конной гвардии. Стамбульский в это время вынашивал в уме программу Зеленого Интернационала и, засыпая в сладостных мечтах, видел на голове своей лавры земледельческого Ленина.

Убаюканный этими грезами, он один раз проснулся без власти, без министров, без многотысячной оранжевой гвардии, а пленником тех, против кого на словах объявил крестовый поход, – представителей городской буржуазии. Пока он говорил, грозил, мечтал, а полиция создавала мнимые, провокационные заговоры, черный блок устроил настоящий, революционный заговор. В ночь на 9 июня 1923 года группа запасных офицеров, во главе с ген. Лазаревым, выступила так внезапно и так решительно, что через два часа от

грозной земледельческой власти не осталось ни пуха, ни пера. В нужную минуту армия, руководимая буржуазным офицерством действительной службы, оказалась «аполитичной», т.-е. молча смотрела, как на ее глазах убивали или сажали в тюрьму земледельческих министров. Крестьянских дубин под рукой не оказалось. Свое выступление армия блока приурочила к разгару полевых работ, когда крестьянина не так легко вызвать в город для политической борьбы.

Ниспровергнутый диктатор бесславно погиб во дворе софийской тюрьмы, расстрелянный без суда и следствия теми, которые выступили на защиту права и законности. Даскалова, к этому времени ушедшего из министерства, спасло отсутствие из страны. Его прикончил, спустя два месяца, в Праге подосланный убийца. Вместо произвола «дружбашей» в Болгарии начался произвол блокарей.

Горькое время настало для тех русских людей, которые встали на советскую платформу, но не успели выбраться из страны братушек до переворота. Новое правительство поставило их в положение людей вне закона и отдало на растерзание черной сотне и жандармам Врангеля. Орлы, правда, по-прежнему остались работать в шахтах, — победоносный блок теперь уже не нуждался в их помощи; но зато теперь им была предоставлена свобода срывать свою злобу за свои невзгоды и лишения на своих бывших товарищах, вставших на новый путь. Болгарские тюрьмы переполнились русскими «большевиками», которых время от времени приканчивали там врангелевские контрразведчики, принятые на службу в тайную полицию нового правительства. Убийцы Агеева, разумеется, были оправданы. Недаром ведь в Болгарии воцарился «правовой строй»!

И столь же скорбные дни выпали на долю болгарского пролетариата, попавшего всецело под железную пята капитала. Страна снова начала переживать эпоху царя-держиморды Фердинанда Кобургского.

Но нет худа без добра.

Стремительный разгром «Болгарского Народного Земледельческого Союза» и неожиданное торжество блока воочию убедил оторопелых селян, оставшихся у разбитого корыта, сколь ошибочно было учение Стамболийского, отрицавшего смычку земледельческого класса с рабочими. Гибель вождя уничтожила изоляцию селян от городского пролетариата. То, чего так боялся блок при господстве земледельцев – объединения в одну политическую группу низов города и деревни, – теперь только вопрос времени. Угнетенному болгарскому крестьянству теперь нет иного пути для избавления от черной власти городской буржуазии, как союз с рабочими, как совместное выступление под знаменами коммунистической партии. Только такая политическая группировка способна организовать в будущем низвержение общего врага – торжествующих болгарских белогвардейцев, положить конец той анархии, которая порождена парламентскими порядками, и водворить в Болгарии прочную и подлинную власть трудящихся классов.

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>«О воспоминаниях И. Калинина «В стране братушек».</i> <i>Вступительная статья А.А. Зайцева</i>	3
I. На «Решид-Паше»	9
II. У порога Болгарии	28
III. Земледельческое правительство	41
IV. В Варне.....	53
V. Нравы братушек	69
VI. Галлиполийские орлы.....	83
VII. Оккупация	99
VIII. Альянс	115
IX. Обработка низов.....	127
X. Акция коммунистов	141
XI. Первые репрессии	154
XII. Самохваловский заговор	164
XIII. Земледельцы и офицеры	182
XIV. Большой день в Народном Собрании	191

XV. Армия в подполье	201
XVI. Выравнивание русских фронтов.....	217
XVII. Знамя Октябрьской революции.....	235
XVIII. Мобилизация блока.....	251
XIX. Тырновский «двубой»	261
XX. Крах белогвардейщины.....	272
XXI. Референдум	294
XXII. Кюстендильские дни	299
XXIII. Под власть труда.....	309

Калинин, Иван Михайлович

Под знаменем Врангеля: заметки
бывшего военного прокурора /
И. М. Калинин. – Краснодар:
Традиция, 2012. – 464 с.

Воспоминания участника Первой мировой войны полковника И. М. Калинина, репрессированного в 1937 году за «участие» в белоэмигрантском движении. Впервые изданы в 1920-х годах. Открывает мемуарную трилогию книга «Русская Вандея» (Москва – Ленинград, 1926), отсылающая читателя к революционным событиям 1917 года на Дону и Кубани. Вынесенная в название метафора подчеркивает характерное представление о юге России как о контрреволюционном очаге, позволяющее провести аналогию с роялистской Вандеей (департамент на западе Франции) времен Великой французской революции. Вторая книга «Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора» (Ленинград, 1925) повествует о «крымском периоде» Гражданской войны и последних днях «Добровольцев». В третьей книге «В стране братушек» (Москва, 1923)

Калинин, Иван Михайлович

Русская Вандея / И. М. Калинин. – Краснодар: Традиция, 2010. – 544 с.

рассказывается о первой волне казачьей эмиграции, забросившей на чужбину и автора мемуаров. Профессиональный военный юрист, искренне приветствовавший падение монархии в России в 1917 году, но волей судьбы оказавшийся в стане белых, И. М. Калинин так и не примкнул ни к одной из противоборствующих сторон. Это позволило ему максимально объективно, без какой-либо идеологической окраски описать один из самых сложных в истории России политических конфликтов.

После смерти автора, объявленного врагом народа, его мемуары были на полвека изъяты из всех библиотечных фондов страны. Сегодня они возвращаются к читателю.

Репринтные издания с комментариями кубанских историков могут быть интересны как специалистам-гуманитариям, так и широкому кругу читателей.

**Книги издательства
«ТРАДИЦИЯ»
можно приобрести
в оптовых книготорговых
фирмах**

ООО «ЛАНЬ-ЮГ»
350901, г. Краснодар, ул. Жлобы, 1/1
Тел. (861) 274-10-35
lankrd98@mail.ru

ООО «КОГОРТА»
385140, Республика Адыгея, Тахтамукайский р-н,
пос. Яблоновский, ул. Промышленная, д. 2
Тел.: (861) 279-54-20, 279-54-21 (склад)
www.kogorta.mail333.com

По вопросам приобретения продукции
издательства «Традиция» обращаться по адресу:
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9
Тел. 8-918-65-25-000
E-mail: id.tradition2006@gmail.com

Иван Михайлович Калинин

В СТРАНЕ БРАТУШЕК

Издательство «Традиция»

Директор *Н.В. Мартынова*

Главный редактор *Е.В. Сидорова*

Научный редактор *А.А. Зайцев*

Технический редактор *К.В. Александрова*

Корректор *И.Б. Бородина*

Верстка и дизайн *К.П. Мятчин*

Издательство «Традиция»

350072, Россия, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9

Тел.: (861) 277-65-32, 274-08-38

E-mail: id.tradition2006@gmail.com

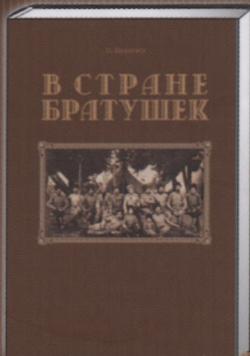
www.idtrd.ru

**Подписано в печать 17.10.2012 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «SchoolBook». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20. Тираж 1000 экз.
Заказ № 4003.**

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Традиция» обращаться по адресу:
350072, Россия, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9.
Тел./факс (861) 274-10-35.
E-mail: id.tradition2006@gmail.com**

**Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.**

Воспоминания участника Первой мировой войны полковника И. М. Калинина, репрессированного в 1937 году за «участие» в белоэмигрантском движении. Впервые изданы в 1920-х годах. Открывает мемуарную трилогию книга «Русская Вандея» (Москва – Ленинград, 1926), отсылающая читателя к революционным событиям 1917 года на Дону и Кубани. Вынесенная в название метафора подчеркивает характерное представление о юге России как о контрреволюционном очаге, позволяющее провести аналогию с роялистской Вандеей (департамент на западе Франции) времен Великой французской революции. Вторая книга «Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора» (Ленинград, 1925) повествует о «крымском периоде» Гражданской войны и последних днях «Добровольии». В третьей книге «В стране братушек» (Москва, 1923) рассказывается о первой волне казачьей эмиграции, забросившей на чужбину и автора мемуаров. Профессиональный военный юрист, искренне приветствовавший падение монархии в России в 1917 году, но волей судьбы оказавшийся в стане белых, И. М. Калинин так и не примкнул ни к одной из противоборствующих сторон. Это позволило ему максимально объективно, без какой-либо идеологической окраски описать один из самых сложных в истории России политических конфликтов.

После смерти автора, объявленного врагом народа, его мемуары были на полвека изъяты из всех библиотечных фондов страны. Сегодня они возвращаются к читателю.

